

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 27 (203)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2010

ISSN 2071-3053

СЕРИЯ

«ПСИХОЛОГИЯ»

Выпуск 10

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д.пс.н., проф., академик РАО Асмолов А.Г.,

д.пс.н., проф. Батурин Н.А.

(отв. редактор),

к.м.н., доц. Березин М.А.

(отв. секретарь),

д.пс.н., проф. Грязева-Добшинская В.Г.,

д.пс.н., проф. Доценко Е.Л.,

д.пс.н., проф., член-корр. РАО Зинченко Ю.П.,

д.пс.н., проф. Знаков В.В.,

д.пс.н., проф., член-корр. РАО Малых С.Б.,

д.пс.н., доц. Солдатова Е.Л.,

д.пс.н., проф. Ушаков Д.В.

Серия основана в 2008 году.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Подписной индекс 43258 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

Психодиагностика

БАТУРИН Н.А., МЕЛЬНИКОВА Н.Н. Новые технологии создания моделей интерпретаций и диагностических отчетов	4
БАТУРИН Н.А., ПОПОВ А.Ю. Методы контроля за качеством психодиагностических методик на основе стандарта требований к психодиагностическим методикам	7
БЕРЕБИН М.А. Методология и практика разработки методик клинической (медицинской) психодиагностики на основе применения экспертного метода, методик обработки экспертных оценок и методов многомерного анализа данных	9
МЕЛЬНИКОВА Н.Н. Методы изучения комплексных психологических явлений	13
ПОПОВ А.Ю. Технология измерения свойств личности через характеристики процесса взаимодействия субъекта с другими людьми	16

Общая психология, психология личности, история психологии

АНДРЕЕВА Н. Ю. Эго-идентичность в структуре профессионального выгорания	19
ГУДКОВА Е.В. Моделирование теоретического конструкта «глобальное отношение»	27
ЗАРУБКО Е.Ю. Архетипы в обыденном сознании	37
НАЛИВАЙКО Т.В., ШАКУРОВА З.А. Особенности проявления жизнестойкости в структуре социально-психологических свойств личности студентов	44

Социальная психология

МАРКОВСКАЯ И.М., ЧЕРЕПАНОВА А.Я. Опыт изучения приверженности организации сотрудников производственного предприятия	50
МОРОЗОВ В.В. Показатели мотивации в формировании лояльности персонала: пример исследования	56

Психология развития, акмеология

СОЛДАТОВА Е.Л. Системогенетический подход к исследованию развития и функционирования взрослой личности	63
СОЛДАТОВА Е.Л., ШЛЯПНИКОВА И.А. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости	66
ТРУСОВА Н.В. Особенности развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности	75

Клиническая (медицинская) психология

АСТАЕВА А.В., ВОРОНКОВА Д.И., КОРОЛЕВА М.Б. Нейропсихологический анализ развития высших психических функций у детей в норме и с общим недоразвитием речи	82
БЕРЕБИН М.А., НОВОХАЦКИ А.В. О математической адекватности процедур психометрического нормирования результатов экспериментально-психологического исследования	87
ИСАЕВА Е.Р., ФЕЩЕНКО М.И. Психологические механизмы адаптации к стрессу у больных психосоматическими и невротическими связанными со стрессом расстройствами	91

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

КРУГЛОВА Н.Е. Психодиагностика в определении факторов прогноза трудоспособности больных ишемической болезнью сердца	97
ЧУМАКОВА Д.М. Социально-психологические особенности семьи и религиозность родителей	100

Рецензии

ШМЕЛЕВ А.Г. Уже не соционика, но еще не дифференциальная психология	104
---	-----

Abstracts and keywords	109
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Psychodiagnostics

BATURIN N.A., MELNIKOVA N.N. New technologies of development of interpretations models and diagnostic reports	4
BATURIN N.A., POPOV A.Yu. Quality monitoring of psychodiagnostic tests quality on the basis of requirements standard to psychodiagnostic techniques	7
BEREBIN M.A. Methodology and practice of developing methods of clinical (medical) psychodiagnostics through the use of expert technique, processing techniques of expert assessments and methods of multidimensional data analysis	9
MELNIKOVA N.N. Methods of studying of the complex psychological phenomena	13
POPOV A.Yu. Measurement technology of person properties through characteristics of interaction process of the subject with other people	16

General psychology, personality psychology, history of psychology

ANDREEVA N.Yu. Ego-identity in the structure of professional exhaustion	19
GUDKOVA E.V. The global self-evaluation and global world-evaluation: theoretical model of constructs	27
ZARUBKO E.Yu. The archetypes in the everyday awareness	37
NALIVAIKO T.V., SHAKUROVA Z.A. Features of display of hardiness in structure of social-psychological properties of the person of students	44

Social psychology

MARCOVSKAYA I.M., CHEREPANOVA A.J. Experience of studying of adherence of the organization of employees of the industrial enterprise	50
MOROSOV V.V. Motivation in formation of identity of the personnel	56

Psychology of the development, acmeology

SOLDATOVA E.L. Systemogenetic approach to studying the development and operation of adult personality	63
SOLDATOVA E.L., SHLYAPNIKOVA I.A. Ego-identity as a system factor in the formation personal maturity	66
TRUSOVA N.V. Peculiarities of development of initial professional identity in normative crisis of transition to youth	75

Clinical (medical) psychology

ASTAEVA A.V., VORONKOVA D.I., KOROLEVA M.B. Neuropsychological analysis of the development higher mental functions in children with standard and with a common maldevelopment speech	82
BEREBIN M.A., NOVOKHATSKI A.V. A mathematical adequacy of procedures for valuation psychometric results of experimental psychological study	87
ISAEVA E.R., FESCHENKO M.I. Psychological adaptation of patients with psychosomatic and neurotic diseases	91

Scientific works of students, masters and post-graduate students

KRUGLOVA N.E. Psychodiagnostics In the definition of prognostic factors able-bodied patients with coronary heart disease	97
CHUMAKOVA D.M. Family social-psychological peculiarities and parent's religiosity	100

Reviews

SHMELYOV A.G. No longer socionics but not yet differential psychology	104
---	-----

Abstracts and keywords	109
-------------------------------------	-----

Психодиагностика

УДК 159.9.072
ББК Ю93

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ МОДЕЛЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ОТЧЕТОВ

Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова

Этап интерпретации результатов психологической диагностики и подготовка диагностических отчетов чаще всего не входил в зону ответственности разработчиков методик, а отдавался на «откуп» пользователей, что неизбежно приводило к повышению субъективного компонента и снижению валидности методик. В статье представлено обоснование необходимости повышения объективности будущих интерпретаций еще в процессе разработки методики, за счет новых технологий создания моделей интерпретации результатов тестирования и подготовки диагностических отчетов.

Ключевые слова: интерпретация результатов, разработка диагностических отчетов, создание моделей интерпретации, практико-ориентированные модели.

Фактически на протяжении всей истории отечественной психодиагностики разработчики методик считали своими основными задачами только разработку стимульного материала, процедуры проведения и способы обработки полученных результатов, которые в самых лучших случаях заканчивались выработкой процедуры перевода сырых данных в шкальные. Процедуры интерпретации данных оставались за областью психодиагностики и отдавались на откуп таланту психолога-пользователя.

Интерпретация данных конкретного обследуемого или клиента в рамках психологического консультирования, по сути дела приравнена к искусству. При этом общепринято, что качество интерпретации зависит от опыта работы психолога с данной методикой, от общего опыта психодиагноста и особого таланта, позволяющего психологу учесть множество внедиагностических источников информации и превратить все это в диагностическое заключение, особое качество которого возникало на основе «инсайта» психодиагноста.

Особенно настойчиво настаивают на том, что именно такой сценарий процесса интерпретации является единственно возможным – специалисты в области психологического консультирования, клинические психологи и психотерапевты. Однако зависимость качества разработки психодиагностических методик от искусства интерпретатора это одно из ограничений повышения качества психодиагностики и доверия к ней психологов. Неграмот-

ная интерпретация полученных данных может свести на нет все заложенные возможности, существующие у психодиагностических методик.

Справедливости ради нужно сказать, что иного способа интерпретации результатов прежде и не могло существовать. Во-первых, потому что когда-то все, а в недавнем прошлом – большинство методик проводилось по технологии карандаш-бумага или же в компьютерном переложении этой же технологии, которая фактически ничего не добавила в повышение качества психодиагностики. Во-вторых, разработчики методик обычно не уделяли должного внимания проработке этапа интерпретации, ограничиваясь кратким описанием изучаемых конструктов и абстрактными описаниями «высоких» и «низких» баллов по отдельным шкалам. В лучшем случае в руководстве к многошкальным опросникам приводилась инструкция по интерпретации по сочетанию двух, максимум трех «пиков» индивидуального профиля. Однако для создания отчета, который мог бы быть полезен для практики, такой информации недостаточно. Это особенно актуально для сложных многошкальных методик, где наиболее информативными являются сложные комбинации показателей и не только пиковых. При этом надо учитывать, что не все показатели одинаково полезны для разных практических целей, не все имеют неодинаковую прогностическую ценность и т. д.

Очевидно, что серьезного улучшения качества интерпретации данных невозможно ожидать с опорой на искусство пользователя, основанного на методе проб и ошибок. Сложность процедуры интерпретации и уменьшения зависимости от индивидуальной квалификации пользователя возможна за счет усилий разработчиков при использовании более современных технологий разработки психодиагностических методик [1].

На заключительном этапе разработки перед ними всегда стоят три задачи:

- 1) разработка схем анализа результатов и стратегий интерпретации;
- 2) подготовка содержания интерпретаций;
- 3) описание моделей составления отчетов [2, 5].

Если удаётся формализовать необходимые процедуры: прописать схемы анализа, составить удобные алгоритмы, а ещё лучше – автоматизировать ряд задач, передав их компьютеру, пользователь оказывается в более благоприятной ситуации, а методика становится лучше застрахованной от некорректного применения.

Существенные изменения в повышении качества интерпретации наметились только тогда, когда стали разрабатываться изначально компьютерные методики, в которых, в отличие от простого переложения в другую форму предъявления стимульного материала и подсчета данных классических методик, более широко использовались возможности компьютера. В частности это коснулось процедуры интерпретации полученных в ходе психодиагностики данных.

Только в последние годы вслед за зарубежной тестологией [4] в отечественной психодиагностике этап интерпретации постепенно становится включенным в зону ответственности разработчика, а не только пользователя.

Кроме того, в последнее время за рубежом всё чаще акцентируется проблема валидности диагностического отчёта и его пригодности для практики [5, 8]. Расширяется диапазон исследований, направленных на выявление качеств эффективных отчетов [7, 8], разрабатываются методы интерпретации сложных данных [6, 9]. В нашей стране появились исследования, закладывающие теоретические основы для создания экспертных систем (в том числе компьютерных) интерпретации результатов психодиагностических методик [3]. В частности, в применении к ряду методик клинической психодиагностики, описаны методы и инструменты структурирования слож-

ных диагностических данных (такие как сети, фреймы, деревья решений и др.).

В настоящее время созрела не только необходимость, но и сформировались условия для систематизации существующих моделей интерпретаций и диагностических отчетов и разработки новых технологий создания таких моделей.

Одним из важных принципов, обеспечивающих качество интерпретаций и валидность диагностических отчетов, считается *ориентация на конкретные практические цели* [5, 8]. Разные практические цели (например, отбор, прогноз, отслеживание качества обучения, консультирование по развитию, проектирование организационных изменений и т. д.) предполагают разные стратегии анализа результатов, разные ключевые единицы интерпретации и разные формы отчетов. Если методика многофункциональна (т.е. планируется её использование для нескольких практических целей), то для каждой цели должна предлагаться своя схема анализа, свои тексты интерпретаций и своя форма отчетов. Исходя из этого, *Модель интерпретации* должна представлять собой последовательность действий, необходимых для извлечения из полученных результатов сведений, полезных для конкретной практической цели. Поэтому модели интерпретаций различаются в зависимости от практических целей, на поддержку которых направлена диагностика, и характера исходных данных и их сложности.

В частности, практические цели определяют ключевые единицы для интерпретации, предполагают опору на разные виды норм и т. д. От характера исходных данных зависит сложность модели, применяемые инструменты структурирования, доступность модели для полной или частичной автоматизации.

Относительно новыми для отечественной психодиагностики являются *диагностические отчеты*, которые с развитием компьютерной психодиагностики получили за рубежом широкое распространение. Например, на сайте английской фирмы OPP предлагается 7 вариантов отчетов по тесту 16 PF®, а в Санкт-петербургском представительстве скандинавской фирмы SLG Thomas (СЛГ Томас Интернэшнл, Санкт-Петербург) после заполнения обследуемым десятиминутной ипсативной методики, состоящей из 96 прилагательных, можно приобрести более 15 видов отчетов по индивидуальным данным.

Большинство диагностических отчетов представляют собой текстовый (или электронный) документ, предназначенный для

конкретной категории лиц. В этом документе представлена ключевая информация, извлечённая из результатов диагностики и необходимая указанной группе лиц для решения конкретных практических задач. Модели диагностических отчётов различаются в зависимости от: а) практических целей, на поддержку которых направлена диагностика, и б) категории лиц, для которых предназначен отчёт.

Для разных практических целей предназначены разные типы отчётов (характеристики, рекомендации, прогнозы, аналитические справки и т. д.). Отчёты для разных категорий лиц предполагают разную форму подачи (язык, графическое наполнение, характер и полнота фактических сведений о результатах и т. д.).

В рамках проекта НОЦ планируется систематизация имеющихся и разработка новых технологий создания разных моделей интерпретаций и диагностических отчётов. Акцент будет сделан на: практико-ориентированные модели и модели для интерпретации сложных данных (многоскальных методик, тестовых батарей и т. д.).

Для создания технологий планируется применение новых разработок в области проектирования экспертных оценочных систем, инженерии знаний (knowledge engineering), когнитивной психологии, прикладной когнитологии и др. Также планируется привлечение современных компьютерных технологий для формализации и автоматизации доступных для этого моделей.

Литература

1. Батури́н, Н.А. Принципы определения сложности психодиагностических методик / Н.А. Батури́н, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2010. – Вып. 8. – № 4(180). – С. 36–43.

Батури́н Н.А. *Технология разработки тестов: часть I* / Н.А. Батури́н, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2009. – Вып. 6. – № 30(163). – С. 4–14.

2. Червинская К.Р. *Психология извлечения экспертных знаний субъектов труда: автореф. дис. ... д-ра психол. наук* / К.Р. Червинская. – СПб., 2010. – 42 с.

3. American Educational Research Association, American Psychological Association, & National Council on Measurement in Education. *Standards for educational and psychological testing*. – Washington, DC: American Educational Research Association, 1999. – 101 p.

4. Downing, S.M. *Twelve steps for effective test development* / S.M. Downing // *Handbook of test development* / edited by Steven M. Downing, Thomas M. Haladyna. – Lawrence Associates, 2006. – P. 3–25.

5. Furr, R.M. *A framework for profile similarity: integrating, similarity, normativeness, and distinctiveness* / R.M. Furr // *Journal of Personality*. – October 2008. – P. 1267–1316.

6. Goodman, D.P. *Student test score reports and interpretive guides: Review of current practices and suggestions for future research* / D.P. Goodman, R.K. Hambleton // *Applied Measurement in Education*. – 2004. – 17(2). – P. 145–221.

7. Ryan, J.M. *Practices, issues, and trends in student test score reporting* / J.M. Ryan // *Handbook of test development* / edited by Steven M. Downing, Thomas M. Haladyna. – Lawrence Associates, 2006. – P. 677–710.

8. Ysseldyke, J. *Reporting results of student performance on large-scale assessment* / J. Ysseldyke, J.R. Nelson // *Large-scale assessment programs for all students* / edited by G. Tindal & T.M. Haladyna. – Lawrence Erlbaum Associates, 2002. – P. 467–480.

Поступила в редакцию 28 июня 2010 г.

Батури́н Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counseling» of South Ural State University: nikbat@list.ru.

Мельникова Наталья Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ЮУрГУ. Область научных интересов: психология организации жизни, социально-психологическая адаптация личности, системный подход в психологии: MNN17@yandex.ru.

Natalia N. Melnikova. Candidate of Psychological sciences, docent of department of social psychology of South Ural State University. Area of scientific interests: psychology of the organisation of a life, socially-psychological adaptation of the person, the system approach in psychology: MNN17@yandex.ru.

МЕТОДЫ КОНТРОЛЯ ЗА КАЧЕСТВОМ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК НА ОСНОВЕ СТАНДАРТА ТРЕБОВАНИЙ К ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИМ МЕТОДИКАМ

Н.А. Батурин, А.Ю. Попов

Рассматриваются теоретические основания программы диагностики ресурсов инновационного лидерства менеджеров предприятия. Обосновывается совокупность показателей активности менеджеров, направленная на изменение и сохранение параметров функционирования системы. Показаны возможности моделирования выявленных тенденций для управленческого консультирования.

Ключевые слова: инновационное лидерство, психологический инновационный аудит, моделирование активности менеджеров предприятия, управленческое консультирование.

Во многих зарубежных странах уже давно осознана необходимость наличия психодиагностических стандартов, которые дают основание для согласованной и всесторонней оценки качества теста. Так, широко известно четвертое издание Стандартов образовательного и психологического тестирования (Standards for Educational and Psychological Testing [2]), подготовленное тремя организациями: Американской ассоциацией исследований в образовании (AERA), Государственным советом по измерению в образовательной среде (NCME) и Американской психологической ассоциацией (APA, Standards for educational and psychological testing, 1999). В настоящее время по инициативе BPS, Постоянный комитет по тестам и тестированию Европейской Федерации психологических ассоциаций (EFPA) [3–7] разрабатывает новую версию рецензирования тестов (Модель рецензирования (описание и оценки) психологических тестов, EFPA, 2005). Этот документ в настоящее время с разрешения EFPA переведен на русский язык на факультете психологии ЮУрГУ (НОЦ «Психодиагностика» и представлен на коллективных сайтах (например, www.dep.psytest.ru). Вышеуказанные стандарты регулируют все сферы использования теста и все этапы его разработки. В частности, регулируются подходы к процедуре расчета валидности, надежности и ошибкам измерения, прописываются рекомендуемые граничные значения соответствующих коэффициентов. Прописывается процесс разработки теста и пересмотра тестовых норм. В американском издании “Standards for Educational and Psychological Testing” представлен также ряд положений, которые в отечественной психодиа-

ностике зачастую никак не регламентируются и, по большому счету, попросту игнорируются, например: стандарты написания сопроводительной документации к тесту, вопросы контроля за справедливостью (fairness), которая закладывается на уровне разработки теста (например, должно быть исследовано одинаково ли справедливо тест «работает» на выборках мужчин и женщин, вопросы применения теста по отношению к респондентам с ограниченными возможностями, права и обязанности пользователей методики и др.) в соответствии с требованиями AERA, APA & NCME (Standards for educational and psychological testing, 1999).

Коллективом НОЦ «Психодиагностика» уже проделана большая работа по отработке метода контроля за качеством методик на основе профессионального публичного рецензирования психодиагностических методик по аналогии с Американским Ежегодником ММУ, представленным сегодня 17 изданными томами. В 2010 г. В издательстве ЮУрГУ издан первый том Ежегодника профессиональных рецензий и обзоров методики психологической диагностики и измерения, в котором представлены по две рецензии на каждую из 20 психодиагностических методик (Ежегодник профессиональных рецензий, 2010). Такая работа по выпуску ежегодников будет продолжаться.

Среди первостепенных, приоритетных задач, требующих своего решения при формировании методов контроля за качеством психодиагностических методик на основе Стандарта требований к психодиагностическим методикам [1], следует отметить:

1. Необходимо изучение истории создания и применения в США и Великобритании

и других странах стандартов образовательного и психологического тестирования, а также проанализировать практику их применения в последние годы.

2. Требуется разработка и обсуждение с научной общественностью проекта отечественного Стандарта требований к психодиагностическим методикам, который предполагается разработать в ближайшее время.

3. Необходима разработка, утверждение в общественных профессиональных психологических организациях, в частности в РПО, ФПОР и публикация Стандарта, включающего в себя регламентацию процедур разработки, психометрических исследований, администрирования, интерпретации результатов и подготовки отчетов.

4. Совместно с Национальным институтом сертификации практических психологов (НИСПП) утвердить Стандарт как официальный на территории России для использования при сертификации психодиагностических методик.

5. Требуется разработать и ввести в Стандарт требований к психодиагностическим методикам ряд инновационных компонентов в виде частных стандартов, предназначенных для апробации в условиях современной отечественной психодиагностики, в частности

- стандарт представления «сырых» данных психометрических и иных исследований;
- стандарт хранения и передачи этих данных;
- стандарт написания отчета по итогам психометрического исследования методики;
- стандарт представления основных этапов статистического анализа с использованием макросов и файлов синтаксиса SPSS;
- стандарт совместного использования матриц сырых данных и калькуляция авторского вклада.

Отметим, что ни в одном из зарубежных стандартов нет таких частных стандартов.

6. Необходимо провести мониторинг первого периода применения Стандарта и опрос

специалистов с целью определения необходимых модификаций и внесения корректировок в последующих изданиях Стандарта.

7. Требуется проведение работы по формированию имиджа «добросовестного разработчика», использующего Стандарт требований к психодиагностическим методикам и проводящего психометрические исследования на основе сотрудничества и обмена данными со специалистами из других вузов, городов и стран.

Литература

1. Маничев, С.А. Профессиональные стандарты как основа сертификации в области психологии / С.А. Маничев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – С. 51–61.

2. American Educational Research Association, American Psychological Association, & National Council on Measurement in Education. *Standards for educational and psychological testing*. – Washington, DC: American Educational Research Association, 1999. – 101 p.

3. Bartram, D. EFPA review model for the description and evaluation of psychological tests. Version 3.42 / D. Bartram, P. Lindley, N. Kennedy. – 2008.

4. Bartram, D. Guidelines and standards for psychometric tests and test users. In F. Scheuermann & A.G. Pereira (Eds.), *Towards a research agenda on computer-based assessment / D. Bartram // JRC Scientific and Technical Reports, Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities*. – 2008. – P. 37–48.

5. Bartram, D. The development of standards for the use of psychological tests in occupational settings: The competence approach // *The Psychologist*, 8. – P. 219–223.

6. Bartram, D. & Lindley, P.A. *BPS Test Administration (Occupational) Open Learning Programme*. London: BPS Blackwell. – 2006.

7. Bartram, D. & Lindley, P.A. *Delivering standards for tests and testing*. *The Psychologist*. – Vol. 23. – No.3. – March 2010.

Поступила в редакцию 25 июня 2010 г.

Батурин Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling» of South Ural State University: nikbat@list.ru.

Попов Алексей Юрьевич. Кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры практической психологии Психологического Пермского государственного университета: popov-research@mail.ru.

Aleksey Yu. Popov. Candidate of Psychological sciences, assistant of professor of Department «Practical psychology» of Psychological Perm State University: popov-research@mail.ru.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА РАЗРАБОТКИ МЕТОДИК КЛИНИЧЕСКОЙ (МЕДИЦИНСКОЙ) ПСИХОДИАГНОСТИКИ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСПЕРТНОГО МЕТОДА, МЕТОДИК ОБРАБОТКИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК И МЕТОДОВ МНОГОМЕРНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

М.А. Беребин

Описано обоснование разработки методик клинической (медицинской) психодиагностики на основе экспертного подхода, включающего клинический (экспертный) метод, методы сбора, обработки и многомерного математического анализа экспертных оценок. Представлены теоретические предпосылки такого подхода, основные отличия психометрических и экспертных технологий психодиагностики в клинике, связанные с особенностями диагностических проблем этой предметной области.

Ключевые слова: клиническая (медицинская) психодиагностика, клинический (экспертный) метод, экспертные оценки, инженерия знаний, технологии извлечения знаний.

Клиническая (медицинская) психодиагностика представляет собой специфическое и специализированное направление психодиагностики, ориентированное на решение задач клинической (медицинской) науки и практики [8]. Основными задачами самой клинической (медицинской) психодиагностики являются задачи нозологической диагностики (верификации различных видов расстройств здоровья) и задачи дифференциальной нозологической диагностики (распознавание различающихся по происхождению и патогенетическим механизмам психических и иных расстройств, имеющих при этом сходную клинико-психологическую картину). При этом результаты клинической (медицинской) психодиагностики должны соответствовать базовым психометрическим критериям репрезентативности, надежности и валидности, что позволяет обоснованно выявлять и квалифицировать патологию. Кроме того, результаты должны быть информативными и достаточными для вынесения клиническим специалистом (врачом) клинического диагноза в соответствии с исследовательскими описаниями и диагностическими критериями расстройств здоровья, представленными, в частности, в Международной классификации болезней и иных клинических классификациях заболеваний. Клиническая (медицинская) психодиагностика решает также ряд экспертных задач (задач

специалистов-смежников по классификации [7] – задачи судебной, военной, трудовой, школьной и иных экспертиз. И классификации болезней, и задачи экспертизы выступают по отношению к клинической (медицинской) психодиагностике в качестве достаточно четкого «внешнего критерия».

В то же время сама клиническая медицина является примером т.н. «размытых» предметных областей («нечетких множеств»), решения в которых принимаются по правилам и алгоритмам т.н. «нечеткой» логики [10]. Действительно, часто различные нозологии имеют сходную клиническую картину, и наоборот, одно и то же заболевание у разных пациентов имеет различающуюся между собой клиническую картину (симптоматику). Часто у здоровых лиц отмечаются те или иные нарушения, которые описываются в структуре той или иной клинической симптоматики при тех или иных нозологиях. Кроме того, существующие классификации не только психических, но и соматических заболеваний (нозологические классификации) построены на различающихся между собой таксономиях, что приводит к существенному «размыванию» и неоднозначности представлений об их происхождении, развитии и симптоматике заболеваний. В реальности процесс диагностики расстройств здоровья (распознавания клинических феноменов) осуществляется преимуще-

щественно субъективно (принятие решения об отсутствии–наличии заболевания, а в случае наличия такового – о его нозологической форме принимается врачом либо коллективом [консилиумом] врачей) на основании результатов инструментального (лабораторного, параклинического), визуального, аускультативного, перкуторного, пальпаторного и иных методов клинического (а в клинике психических расстройств – клинко-психопатологического) обследования пациента¹. При этом обоснованно распространено мнение о том, что клинические (экспертные) методы образуют один из двух фундаментальных классов диагностических (психодиагностических) методов [7]. К этим методам относятся: наблюдение, беседа, интервью, биографический (анамнестический) метод, изучение продуктов деятельности, качественно-количественный анализ содержания (контент-анализ). Считается, что экспертные методы в большей степени основаны на профессиональном опыте, профессиональной интуиции самого диагноста и применяются, если не разработаны (или неизвестны) стандартизированные процедуры диагностики. Такие методы оказываются более эффективными по отношению к психическим явлениям, плохо поддающимся объективации и осознанию, по отношению к чрезвычайно изменчивым явлениям, для которых трудно создать фиксированную операциональную модель [8]. Кроме того, экспертный анализ рассматривается как необходимый первый этап в разработке любой стандартизированной процедуры [7].

Таким образом, применение экспертного метода при решении задач клинической (медицинской) диагностики (психодиагностики) опосредуется, во-первых, наличием достаточно

вариативных характеристик клиники расстройств здоровья и медицины в целом как предметной области (ПО), исследующей эти расстройства; во-вторых, неоднозначностью критериев (психо)диагностики по осям «норма – не-норма» и «нозология А – нозология В»; в-третьих, субъективным характером диагностики (распознавания) расстройств здоровья, осуществляемых врачом-специалистом (экспертом в ПО «медицина», в частном случае – «медицинская (психо)диагностика»). В то же время методология экспертного метода, в т. ч. деятельности специалиста-эксперта по распознаванию феноменов предметной области (в частном случае – «размытой» ПО) является одной из самых мало разработанных областей методологии психодиагностики [17, 18]. Вместе с тем, в современной психодиагностике, в т. ч. компьютерной психодиагностике, в последние десятилетия разработаны некоторые технологии работы с экспертами с целью объективизации содержания экспертного метода и процедур деятельности эксперта, в том числе при создании компьютерных психодиагностических методик [17]. В клинической (медицинской) психодиагностике примеры такого рода исследований единичны [8, 18].

Одним из вариантов применения экспертного метода в практике является использование технологий экспертного оценивания, опирающееся на психологическую теорию оценивания и оценки [1]. При этом экспертному оцениванию может подвергаться любой феномен любой, в т. ч. и «размытой» ПО. В частном случае, с помощью методологии и технологий экспертного оценивания могут создаваться и модели любой, в т. ч. и «размытой» ПО. Эксперты, являясь носителями профессиональной интуиции и профессионального опыта решения задач такой ПО (в т. ч. и задач (психо)диагностики), опираются на определенные приобретенные знания в этой ПО. Эти знания могут быть извлечены с помощью определенных процедур и определенным образом структурированы [9]. В настоящее время вопросы извлечения, структурирования, формирования, обработки и приобретения знаний рассматриваются в новом направлении исследований в области т.н. искусственного интеллекта – инженерии знаний (Knowledge Engineering).

Одной из форм извлечения и представления экспертного знания в ПО «клиника (медицина)» как совокупности чрезвычайно изменчивых, плохо поддающихся объективации и осознанию феноменов, является использование

¹ Современное развитие медицины и здравоохранения привело к широкому применению т.н. параклинических (инструментальных, лабораторных, аппаратных и т.п.) методов, результаты исследования по которым представляются, как правило, в виде количественных данных, полученных объективным методом (исследования с помощью диагностических аппаратов, инструментов, лабораторных методов исследования). Однако отрасли медицинской науки и практики, предметом компетенции которых является психическое здоровье и психические расстройства (прежде всего – психиатрия и наркология) до сих пор являются примерами отраслей, в которых применение инструментальных методов исследования встречается значительно реже. При этом наиболее распространенными методами объективизации психических нарушений являются методы клинической и экспериментально-психологической диагностики, адаптированных для задач психиатрии и наркологии (прим. автора).

технологий распознавания образов и вынесение экспертных оценок [2–6, 14]. При этом технологии распознавания образов адекватно соответствуют технологиям нозологической и дифференциальной диагностики (ср. – *diagnosis* – диагностика («распознавание» либо «различительное познание») от лат. *dia* – рас-, раз- и *gnosis* – познание). На основе структурированных определенным образом экспертных оценок феноменов ПО могут создаваться формализованные их модели и, в частности, с помощью метода экспертных оценок могут быть сформированы модели процедур (алгоритмов) как нозологической, так и дифференциальной психодиагностики.

Основные трудности создания моделей ПО методом экспертных оценок связаны с существующими проблемами организации деятельности эксперта или коллектива экспертов [11] и проблемами формирования, формализации, структурирования, объективизации, регистрации и, особо, – математической обработки экспертных оценок [19]. Некоторые общеметодические аспекты организации работы экспертов по созданию моделей в ПО «клиника (медицина)», методов и методик их психологической диагностики и были разработаны на кафедре клинической психологии Южно-Уральского государственного университета в 1999–2008 гг. [2–6, 14], реализованы в материалах выполненных клинических исследований [13, 15, 16]. Созданные с помощью экспертного метода и методик обработки экспертных оценок модели ПО дополнялись также созданными по аналогичным алгоритмам моделями процедур (алгоритмов) нозологической и дифференциальной психодиагностики [15, 16]). Отдельным аспектом выполненных исследований явилось применение методов многомерного анализа данных (математических методов, искусственных нейронных сетей, технологий Data Mining, Knowledge Discovery in Databases и Knowledge Engineering в целом), в т. ч. в целях создания компьютерных психодиагностических методик класса экспертных систем [3, 6, 13, 16]. Базовые теоретические, методические положения предлагаемой инновационной технологии и способов ее практической реализации предложены в [5] и оформлены 4 заявками на изобретение.

Литература

1. Батулин, Н.А. *Оценочная функция психики* / Н.А. Батулин. – М.: Изд-во ИП РАН, 1997. – 406 с.

2. Беребин, М.А. *Опыт применения искусственных нейронных сетей для целей дифференциальной диагностики и прогноза нарушений психической адаптации* / М.А. Беребин, С.В. Пашков // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника»*. – 2006. – № 4 (69). – С. 41–45.

3. Беребин, М.А. *Применение нейросетевых моделей для диагностики нарушений психической адаптации* / М.А. Беребин, С.В. Пашков // *Актуальные проблемы медицинской науки, технологий и профессионального образования: материалы IV Уральской науч.-практ. конф.* – Челябинск, 2002. – Вып. 4. – С. 160–162.

4. Беребин, М.А. *Психосемантические модели «эффективный психотерапевт» как учебно-методическое средство в подготовке врачей психотерапевтов* / М.А. Беребин // *Обозр. психиатр. и мед. психол. им. Бехтерева*. – 1999. – № 3. – С. 8–13.

5. Беребин, М.А. *Экспертный метод, математические методы обработки экспертных оценок и технологии извлечения знаний (knowledge engineering) как методы разработки нового типа методик медицинской психодиагностики* / М.А. Беребин // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2009. – Вып. 4. – №5(138). – С. 10–15.

6. Беребин, М.А. *Использование экспертных и психосемантических методов при создании новых методик клико-психологической диагностики* / М.А. Беребин // *Современные проблемы психиатрии*. – Челябинск, 2003. – С. 18–22.

7. Бодаев, А.А. *Общая психодиагностика* / А.А. Бодаев, В.В. Столин. – СПб.: Изд-во «Речь», 2006. – 440 с.

8. Вассерман, Л.И. *Медицинская психодиагностика. Теория, практика и обучение*. / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. – СПб.: Изд-во «Academia», Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 736 с.

9. Гаврилова, Т.А. *Извлечение и структурирование знаний для экспертных систем* / Т.А. Гаврилова, К.Р. Червинская. – М.: Радио и связь, 1992. – 200 с.

10. Заде, Л.А. *Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений* / Л.А. Заде // *Математика сегодня*. – М.: Знание, 1974. – С. 5–49.

11. Орлов, А.И. *Экспертные оценки: учебное пособие* / А.И. Орлов. – М.: Изд-во «Экзамен», 2002. – С. 31.

12. Пашков, С.В. Адаптация компьютерных информационных технологий для целей и задач клинической психодиагностики: дипломная работа / С.В. Пашков. Челябинск, ЮУрГУ, 2002. – 82 с.

13. Пашков, С.В. Проблемы психологического сопровождения экспертных систем. / С.В. Пашков // Ежегодник Рос. психол. о-ва: материалы 3-го Всерос. съезда психологов, 2003 г.: в 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – Т. 6. – С. 272–276.

14. Применение методов теории распознавания образов и технологий экспертного оценивания объектов «нечеткой» предметной области для целей клинической психодиагностики. / М.А. Беребин, И.Н. Мороз, И.А. Скоробогатова, А.В. Щеголеватый // Теоретич. эксперимент. и прикладная психология: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Батурина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – Т. 5. – С. 183–192.

15. Рязанова, А.Ю. Дифференциальная психодиагностика основных вариантов органического расстройства личности при военно-

врачебной экспертизе подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук / А.Ю. Рязанова. – СПб., 2010. – 22 с.

16. Рязанова, А.Ю. Разработка алгоритма табличного метода дифференциальной диагностики органического расстройства личности и его реализация в форме компьютерной экспертной системы / А.Ю. Рязанова, М.А. Беребин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». – 2008. – № 3 (103). – С. 51–53.

17. Червинская, К.Р. Компьютерная психодиагностика: учеб. пособие для вузов / К.Р. Червинская. Изд-во «Речь», 2003. – 336 с.

18. Червинская, К.Р. Психологическая концепция извлечения экспертных знаний на моделях медицинской психодиагностики / К.Р. Червинская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – №32(132). – С. 68–80.

19. Шмелев, А.Г. Основы психодиагностики: учеб. пособие / А.Г. Шмелев. – М.: Ростов н/Д., 1996.

Поступила в редакцию 14 июля 2010 г.

Беребин Михаил Алексеевич. Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: m_berebin@mail.ru.

Michael A. Berebin. Candidate of Medical Science, docent, head of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: m_berebin@mail.ru.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Н.Н. Мельникова

Обоснована необходимость разработки нового метода диагностики комплексных психологических явлений вследствие сформировавшейся в последние годы потребности в эмпирических исследованиях сложных психических явлений, которые до этого рассматривались в основном только на теоретическом уровне с позиций системного подхода. В качестве примеров комплексных психических явлений предложены «личностная зрелость» и «образ жизни».

Ключевые слова: комплексные психологические явления, личностная зрелость, стиль и образ жизни, системный подход, методы диагностики.

Исторически так сложилось, что психологические исследования и диагностические процедуры традиционно касались отрывочных частных измерений. Начало этому было положено ещё психофизическими экспериментами, затем линию продолжили измерения изолированных психических процессов и отдельных черт личности. Некоторая попытка интеграции разрозненных сведений о личности человека была предпринята при разработке многофакторных личностных опросников. Однако, такой подход – это всё же одна плоскость изучения, хотя и охватывающая широкий спектр личностных переменных.

В то же время в теоретических разработках представление о целостности и интегрированности изначально выступало основополагающим при изучении человека и его психики. Особенно активно это положение развивалось в отечественной психологии [2, 3, 6, 7, 9, 14 и др.]. Отмечалось, что реальное функционирование человека целостно и системно, немислимо вне связи со средой и осуществляется через взаимопроникновение процессов различной природы. Поэтому попытки «склеить» человека и особенности его проявлений в жизни из этих разрозненных кусков неизменно терпят неудачу.

Наиболее ярко несовершенство и ущербность отрывочных диагностических проб заметны при изучении комплексных психологических явлений, примерами которых могут быть личностная зрелость, биографический кризис, социально-психологическая адаптация, образ и стиль жизни и т.д. В таких явлениях наиболее ярко вырисовываются свойства высокоорганизованных систем, целостных и динамичных по своей природе. Изучение та-

ких явлений требует разработки новых специальных методов, учитывающих природу этих явлений.

Такие методы должны опираться на современную методологию системного подхода, поскольку, как указывают многие авторы, он является наиболее эффективным средством интеграции аспектных знаний и решает задачу синтеза качественного многообразия информации в целостное представление [2–4, 11, 14 и др.]. Характерно, что разработки в области системного подхода ведутся ещё с середины прошлого века. В частности, в 70–80-е годы XX века наблюдался «пик» междисциплинарных исследований в области теории систем [1, 5, 8, 13, 15–17 и др.]. Однако парадокс заключается в том, что основные положения системного подхода стали естественными и привычными в теоретических построениях, но фактически не проникли в область психодиагностики, где до сих пор акцент делается на частных, отрывочных измерениях отдельных свойств. Возможно, это было связано с несовершенством статистических методов и отсутствием автоматизированных средств, способных обеспечить необходимые математические операции.

Однако в настоящее время разработан и освоен математический аппарат, с помощью которого возможно преодолеть пропасть между сложным концептуальным аппаратом современной психологии и примитивностью конкретных психологических измерений. Примечательно, что в настоящее время активизировалась новая волна системных исследований, делающая акцент на рассмотрении психологических явлений, таких как сложные, динамические, самоорганизующиеся системы

[12, 18, 19 и др.]. Такие исследования опираются на современные математические методы изучения нелинейных динамических систем (структурное моделирование, логистические модели и т.д.).

Развитие такого направления исследований должно опираться на апробирование новых подходов к изучению комплексных психологических явлений, которые учитывали бы их природу, как сложных, динамических систем.

Специфические сущностные характеристики таких систем делают невозможным применение традиционных диагностических подходов, в которых первичным предметом диагностики выступают изолированные психологические переменные, а интерпретация результатов осуществляется путем последовательной «склейки» полученных в результате диагностики первичных результатов.

Среди важных свойств, накладывающих ограничения на традиционные методы диагностики, особо следует выделить следующие:

1. Структуру сложных комплексных психологических явлений входят компоненты разного порядка (например, личностные черты, формы социального функционирования, доминирующие состояния, мотивационно-целевые аспекты и т. д.). При этом, особенности самого явления определяются в большей мере не составом, а внутренней организацией. Так, изменение организации влечёт за собой и изменение поведения объекта, в то время, как состав на уровне отдельных компонентов сохраняется [5, 15, 17].

2. Для психологических явлений характерны устойчивость и стабильность в целом и высокая изменчивость и вариативность на уровне элементов. Это свойство вытекает из неоднозначности соотношения функции и субстрата. Одна и та же функция может быть реализована с помощью разного набора внутренних элементов системы. Поэтому элементы системы определяются, прежде всего, не со стороны их субстратных свойств, а с точки зрения их места в рамках исследуемого целого (т. е. по выполняемым ими функциям) [5, 8, 10].

3. Существование сложных психологических явлений динамично и процессуально. При этом, различаются процессы функционирования и развития, механизмы которых действуют, в значительной степени автономно и связаны, преимущественно, с разными компонентами системы [5, 10, 15].

4. Функционирование психологических явлений выражается в последовательной сме-

не типичных для конкретной системы состояний. Каждое такое состояние характеризуется своеобразной композицией параметров подсистем. Каждое состояние настроено на выполнение некоторой функции, поэтому смена состояний в высокой степени определяется текущими задачами в среде [5, 10, 15].

5. Особенность развития комплексных психологических явлений заключается в том, что в ходе развития происходят необратимые качественные преобразования частей вместе с целым (в итоге, в развитом целом функционируют уже не те подсистемы, которые были изначально). Характерно, что для таких явлений существует множество путей развития, и достижение сходных наивысших точек развития может быть возможным из весьма различных первоначальных условий [5, 13, 16].

Выделенные особенности делают бессмысленным применение к сложным комплексным психологическим явлениям традиционные методы изучения и диагностики, построенные на изолированном измерении показателей отдельных компонентов. Необходимы новые подходы и принципы, которые могли бы лечь в основу методов, адекватных природе изучаемых явлений.

Среди таких принципов, по нашему мнению, выделяются следующие:

1. Отдельным самостоятельным предметом диагностики при изучении сложных психологических явлений должны выступать особенности их организации.

2. Структура таких явлений должна определяться не с точки зрения составляющих их компонентов, а с точки зрения набора ключевых функций.

3. Индивидуальные различия в функционировании целесообразно исследовать через анализ типичных состояний системы. Для этого могут быть использованы математические модели описания поведения систем в многомерном фазовом пространстве. Так, конкретная точка многомерного пространства задаёт конкретное состояние системы. Траектория точки в многомерном пространстве описывает её поведение через последовательный набор состояний. Повторяющиеся паттерны характеризуют спектр типичных состояний системы, и, соответственно, описывают особенности и границы функционирования.

4. Диагностика особенностей функционирования должна осуществляться в отношении к целевым задачам системы.

5. Шкала оценки таких явлений (в смысле конструктивности и продуктивности) должна

опираться на принципы «хорошей организации», такие, как: актуализация функций, нейтрализация дисфункций, сосредоточение и лабилизация функций [15].

6. Для процессуальных развивающихся явлений нормативная оценка должна выстраиваться в отношении к тому этапу процесса, на котором находится система, а не к конечному идеальному состоянию.

Вышеизложенное обосновывает актуальность исследования возможностей применения указанных принципов к разработке методов исследования сложных психологических явлений на примере таких явлений, как личностная зрелость и организация жизни (в частности, стиль и образ жизни).

Литература

1. Акоф, Р. Системы, организации и междисциплинарные исследования систем / Р. Акоф // Исследования по общей теории: сб. пер. под ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 143–164.
2. Ананьев, Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Б.Г. Ананьев; под ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.
3. Аncyферова, Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности / Л.И. Аncyферова // Психология личности: Сб. ст. / сост. А.Б. Орлов. – М.: ООО «Вопросы психологии», 2001. – 192 с.
4. Балин, В.Д. Эволюция психического целого: статика и динамика / В.Д. Балин // Вестник СПбГУ, 1997. – Сер.б. – Вып.1. – С. 72–79.
5. Блауберг, И.В. Становление и существование системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
6. Бодалев, А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения / А.А. Бодалев. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 168 с.
7. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович / Редакция и вступительная статья Д.И. Фельдштейна. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с.
8. Вайман, В.Я. Исследование систем, устойчивых «в большом» / В.Я. Вайман. – М.: Наука, 1981. – 254 с.
9. Ганзен, В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
10. Дialeктика познания сложных систем / под ред. В.С. Тюхтина. – М.: Мысль, 1988. – 316 с.
11. Ключко, В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) / В.Е. Ключко. – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.
12. Митина, О.В. Структурное моделирование: состояние и перспективы / О.В. Митина // Ученые записки кафедры общей психологии факультета психологии МГУ. М.: Смысл, 2005.
13. Пригожин, И. От существующего к возникающему / И. Пригожин. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
14. Русалов, В.М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? / В.М. Русалов // Психологический журнал. – 2006. – № 5. – С. 83–91.
15. Сетров, М.И. Основные принципы и аспекты организации систем / М.И. Сетров // Проблемы методологии и современная наука. – Кшишнёв: Штиинца, 1988. – С. 86–98.
16. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. – М., 1980. – 404 с.
17. Шрейдер, Ю.А. Многоуровневость и системность реальности, изучаемой наукой / Ю.А. Шрейдер // Системность и эволюция / под ред. Ю.А. Шрейдера. – М.: Наука, 1984. – С. 69–82.
18. Bentler P.M. EQS, Structural Equations, Program Manual / P.M. Bentler. – CA, Encino: Multivariate Software, Inc, 1995.
19. Duncan, T. An Introduction to Latent Variable Growth Curve Modeling / T. Duncan, S. Duncan, L. Strycker et al. – London, 1999.

Поступила в редакцию 16 июля 2010 г.

Мельникова Наталья Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ЮУрГУ. Область научных интересов: психология организации жизни, социально-психологическая адаптация личности, системный подход в психологии: MNN17@yandex.ru.

Natalia N. Melnikova. Candidate of Psychological sciences, docent of department of social psychology of South Ural State University. Area of scientific interests: psychology of the organisation of a life, socially-psychological adaptation of the person, the system approach in psychology: MNN17@yandex.ru.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗМЕРЕНИЯ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ

А.Ю. Попов

Разработка методов измерения свойств личности является актуальной на всех этапах развития психологии. Теоретически уже достаточно давно обосновывается, что делать это лучше всего не на основе самооценивания (опросники), а исходя из анализа процесса реального взаимодействия между людьми. Однако реализовать такой подход на практике до последнего времени, по сути дела, не удавалось, во-первых, потому что не были созданы технологии регистрации непрерывно сменяющихся интеракций субъектов взаимодействия (общения, выполнения совместной деятельности), во-вторых, не были предложены адекватные методы статистической обработки результатов регистрации таких интеракций. В статье описана технология регистрации характеристик процессов взаимодействия и технология обработки этих характеристик на основе моделирования цепей Маркова.

Ключевые слова: субъект-субъектные отношения, взаимодействие, характеристики взаимодействия, технологии регистрации, цепи Маркова.

В современной психологии при характеристике способов познания человека все чаще акцент смещается с категорий «деятельность» и «поведение» на категорию «взаимодействие». Этот акцент берет начало в психологии субъекта и психологии человеческого бытия [3, 5, 8, 9]. Утверждается, что человек как субъект жизни проявляется и развивается в различных ситуациях взаимодействия с миром, в этой связи также предложена категория «со-бытие», «со-бытие» [5, 10]. В наших исследованиях активности человека как субъекта различных сфер и ситуаций взаимодействия с миром уже много лет разрабатывается и эмпирически изучается теория активности как универсальной меры взаимодействия, меры субъектности-объектности реализации человеком своего потенциала в различных сферах бытия [4, 7]. Все больше возрастает интерес и к различным формам субъект-субъектного взаимодействия [1, 2]. Это смещение приоритетов логично: человек проявляет себя не «сам по себе», а встроен в систему взаимодействий с другими людьми, а социокультурная сущность человека диктует необходимость рассматривать эту систему взаимодействий как определяющую.

Любое взаимодействие (как и активность, разворачивающаяся в пространстве взаимодействия) – это прежде всего процесс.

Проблема заключается в том, что уровень развития эмпирических методов познания че-

ловека не соответствует современным теоретическим подходам к пониманию его сущности в психологии. В частности:

1. Методы диагностики, применяемые в психологических исследованиях в рамках общей психологии и психологии личности, не способны (строго говоря) моделировать именно *процесс*. В настоящее время психодиагностика ориентирована в основном лишь на то, чтобы изучать срезы, или следы психических процессов в личности или поведении человека. Так, многочисленные психологические исследования активности, построенные в рамках корреляционного дизайна с применением общепринятых психодиагностических методик (а таких исследований – подавляющее большинство) – это исследования неких статических срезов динамического процесса активности (например, самооценка степени интринсивности собственного поведения, самооценка результативности активности и т. д.). Процесс взаимодействия не изучается в его непосредственном протекании, в живом развертывании, поскольку современная эмпирическая психология попросту не располагает соответствующим методом. Даже общение (которое по определению является живым процессом субъект-субъектного взаимодействия) изучается с помощью самооценочных методов и в этом смысле изучается не как общение в собственном смысле слова, а как *общительность*.

2. В современной отечественной психологии также ощущается острый недостаток в методах и средствах исследования *взаимодействия*. Существующие эмпирические методы могут моделировать лишь воздействие (например, воздействие независимой переменной на зависимую), однако очевидно, что в реальной жизни независимая и зависимая переменная – это не более чем гносеологические абстракции, которые онтологически постоянно перетекают друг в друга.

Если же личность человека формируется именно во взаимодействии, в частности, субъект-субъектном, науке необходим соответствующий эмпирический метод, который давал бы возможность:

- 1) изучать характеристики процесса взаимодействия в его непосредственном протекании;
- 2) учитывать при этом диалектическую природу процесса и преодолеть гносеологическое дробление на рассмотрение одних характеристик как зависимых, других – как независимых.

Технология исследования

Эти возможности могут быть реализованы с помощью технологии моделирования процесса взаимодействия субъекта с другими людьми с применением особых математических моделей – цепей Маркова [6, 13].

Моделирование с помощью цепей Маркова основано на рассмотрении процесса как последовательной смены микросостояний. Для фиксации микросостояний во взаимодействии людей может, например, использоваться экспертная оценка снятых видеофрагментов. Сама исследовательская стратегия является инновационной в том смысле, что она направлена на изучение закономерностей *перехода* между различными микросостояниями. В математическом плане происходит оперирование *переходными* вероятностями. Это требует совершенно новых статистических методов обработки данных. Из уже изученных нами возможностей моделирования взаимодействия субъектов с применением цепей Маркова можно отметить следующие:

1. Исследование порядка цепи: предполагает ответ на вопрос о том, от скольких предыдущих микросостояний взаимодействия зависит состояние или поведение субъекта в момент времени N.
2. Исследование содержательных закономерностей перехода между микросостоя-

ниями: предполагает анализ вероятности наступления одних событий после других.

3. Выявление скрытых (латентных) переменных, лежащих в основе процесса или управляющих им. Это направление анализа аналогично задачам, решаемым средствами факторного анализа, но применяется оно к динамическим данным [16].

Состояние исследований

Такое направление исследований и такой способ диагностики личностных особенностей субъекта уже зарекомендовал себя в недавних исследованиях группы канадских психологов под руководством L.R. Weingart (1996) [16]. Исследование индивидуалистических и коллективных стратегий ведения переговоров изучалось, например, Weingart, Prietula, Hyder, & Genovese (1999), Donohue, Diez, & Hamilton (1984), Ehrlich & Graeven (1971) [12, 15]. Эти ученые изучали процесс коммуникации (переговоров) у заинтересованных сторон, заключающих контракт. Такая технология доказала свою эффективность даже в прогнозировании внешнеполитических событий: в частности, было показано, что из предшествующей последовательности событий можно было бы достоверно спрогнозировать Балканский конфликт за три года до его фактического наступления [14].

В нашей стране имеется опыт нескольких исследований, в которых проходила апробация моделирования взаимодействия субъектов с помощью цепей Маркова:

1. Закономерности смены эго-состояний при взаимодействии в паре «психолог-клиент». Выявлено, что для объяснения взаимодействия клиента и психолога в нашей выборке анализ пересекающихся транзакций является избыточным. Клиент ориентируется на свое предшествующее эго-состояние и на актуальное эго-состояние психолога. Однако сопоставления эго-состояния психолога со своим предшествующим эго-состоянием у клиента не происходит. Таким образом, и клиент, и психолог в нашей выборке ведут себя «непосредственно», и теория игр Э. Берна оказывается избыточной [11].

2. Анализ тактик переговоров между заинтересованными лицами в ситуации конфликтующих интересов. Выявлено, например, что интуитивное правило «агрессия в переговорах порождает агрессию» не совсем точно: тактика давления со стороны собеседника сначала порождает реакцию уступки, однако

затем (отсрочено, через несколько реплик) приводит к тактике ответного давления («реакция мести») [7].

3. Анализ проявлений эмпатичности в дружеских диалогах в социальных Интернет-сетях.

Таким образом, исследовательская проблема заключается в том, что свойство личности концептуально отражает обобщенные закономерности поведения человека в целом спектре ситуаций, но для изучения этих закономерностей доступными являются лишь самооценочные методы. Предлагаемый нами подход может впервые для отечественной психологии выявить эмпирические индикаторы некоторых свойств личности в самом поведении, взаимодействии субъекта с другими людьми.

Литература

1. Абульханова, К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта / К.А. Абульханова // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики*. – М., 1997. – С. 56–74.
2. Бодалев, А.А. Личность и общение / А.А. Бодалев. – М.: Педагогика, 1983. – 272 с.
3. Брушлинский, А.В. Проблемы психологии субъекта / А.В. Брушлинский. – М.: Институт психологии РАН, 1994. – 109 с.
4. Волочков, А.А. Активность субъекта бытия: интегративный подход / А.А. Волочков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. – 376 с.
5. Знаков, В.В. Психология субъекта и психология человеческого бытия / В.В. Знаков // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / ред. В.В. Знаков, З.И. Рябикина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – С. 9–44.
6. Кельберт, М.Я. Вероятность и статистика в примерах и задачах. Т. II: Марковские цепи как отправная точка теории случайных процессов и их приложения / М.Я. Кельберт, Ю.М. Сухов. – М.: МЦНМО, 2009. – 295 с.
7. Попов, А.Ю. Диагностика целостной активности субъекта жизнедеятельности / А.Ю. Попов, А.А. Волочков // *Высшее образование сегодня*. – 2008. – № 2. – С. 46–50.
8. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 328 с.
9. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн // *Проблемы общей психологии*. – М.: Педагогика, 1976. – С. 253–381.
10. Рябикина, З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств / З.И. Рябикина // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / ред. В.В. Знаков, З.И. Рябикина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – С. 45–57.
11. Тарасова, П.И. Особенности интегральной индивидуальности мужчин, совершивших преступления против собственности / П.И. Тарасова, А.Ю. Попов // *XXV Мерлинские чтения: материалы студенческой научно-практ. конф.* – Пермь: Изд-во Перм. пед. гос. ун-та, 2010.
12. Donohue, W.A. Coding naturalistic negotiation interaction / W.A. Donohue, M.E. Diez, M. Hamilton // *Human Communication Research*. – 1984. – 10. – P. 403–426.
13. Kemeny, J.G. Finite Markov chains. / J.G. Kemeny, J.L. Snel // *The University Series in Undergraduate Mathematics*. – Princeton: Van Nostrand, 1960.
14. Schrod, P.A. Pattern Recognition of International Crises using Hidden Markov Models. In *Political Complexity: Nonlinear Models of Politics* / P.A. Schrod, ed. Diana Richards. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. – P. 296–328.
15. Weingart, L.R. Knowledge and the Sequential Processes of Negotiation: A Markov Chain Analysis of Response-in-Kind / L.R. Weingart, M. Prietula, E. Hyder, C. Genovese // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 1999. – 35. – P. 366–393.
16. Weingart, L.R. Knowledge matters: the effect of tactical descriptions on negotiation behavior and outcome / L.R. Weingart, E.B. Hyder, M.J. Prietulla // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996. – P. 205–217.

Поступила в редакцию 19 июня 2010 г.

Попов Алексей Юрьевич. Кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры практической психологии Психологического Пермского государственного университета: popov-research@mail.ru.

Aleksey Yu. Popov. Candidate of Psychological sciences, assistant of professor of Department «Practical psychology» of Psychological Perm State University: popov-research@mail.ru.

Общая психология, психология личности, история психологии

УДК 159.944
ББК Ю941

ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Н.Ю. Андреева

Представлены результаты исследования профессионального выгорания в рамках концепции динамики эго-идентичности в нормативных кризисах развития личности взрослого человека (Солдатовой Е.Л.). Посредством корреляционного и факторного анализа определена структура профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, эго-идентичность, дисгармоничная эго-идентичность.

Профессиональная деятельность оказывает серьезное влияние на все стороны жизни взрослого человека и развитие личности. Одним из проявлений отрицательного воздействия профессии на личность является феномен профессионального выгорания.

Наиболее подверженной возникновению профессионального выгорания среди специалистов различных социальных профессий является категория педагогов. Учитель включен в профессиональную деятельность, характеризующуюся высокими эмоциональными нагрузками. Среди многих особенностей и трудностей педагогической работы часто выделяют ее высокую психическую напряженность [2, 8]. Многие исследователи отмечают, что профессиональная деятельность с годами вносит изменения во внутренний эмоциональный мир учителя [1, 4, 5].

Профессиональное выгорание рассматривается, с одной стороны, в терминах состояния и определяется как эмоциональное, умственное и физическое истощение из-за продолжительной эмоциональной нагрузки [3, 6], с другой стороны – в терминах процесса и понимается как профессиональный кризис, связанный с работой в целом [9].

В теоретическом плане требует обоснования проблема изучения профессионального выгорания как системного качества, поэтому необходимы определение и конкретизация составляющих профессионального выгорания,

выделение системообразующего фактора и сведение их в единый теоретический конструкт. Профессиональное выгорание имеет специфическую динамику, связанную с нормативными кризисами развития личности с профессиональным развитием, на разных этапах которого «обогащается» деструктивными новообразованиями.

Личность развивается, проходя этапы стабильности и нормативных кризисов развития личности. Согласно концепции динамики эго-идентичности в нормативных кризисах развития личности (Е.Л. Солдатова), каждый возрастной этап открывается нормативным кризисом развития личности, переструктурированием социальной ситуации развития. Изменения объективной составляющей социальной ситуации развития связаны с новыми социальными отношениями, в которые вступает личность. В связи с задачами этапа перестраивается и субъективная составляющая социальной ситуации развития – личность пересматривает систему ценностей, собственные жизненные цели, отношение к жизни, коллегам и т. д. Тем качеством, которое позволяет личности интегрировать себя в меняющихся отношениях, является эго-идентичность (рефлексивная составляющая социальной ситуации развития), которая имеет специфическую динамику, актуализируется и пересматривается в кризисах развития личности [7].

Исследовать профессиональное выгорание в рамках концепции динамики эго-идентичности в нормативных кризисах развития личности – значит рассмотреть систему отношений личности, которая включает в себя социальные отношения (объективная составляющая социальной ситуации развития), отношение к себе, жизни, делу, коллегам, системе ценностей, жизненных целей (субъективная составляющая – свойства личности), отношение к себе меняющемуся (рефлексивная составляющая – эго-идентичность). Педагог с профессиональным выгоранием неуспешен в отношениях, не принимает себя, свое настоящее, испытывает внутриличностные конфликты. Чтобы предупредить или снизить профессиональное выгорание, педагогу необходимо выстраивать гармоничную систему отношений как социальную ситуацию развития, адекватную задачам этапа, тем самым, обеспечивая сохранение психического здоровья всех участников образовательного процесса.

Мы исходим из того, что профессиональное выгорание включает в себя обязательный структурный элемент – дисгармоничную эго-идентичность и совокупность относительно устойчивых свойств (личностную тревожность, неуверенность в себе, низкую рефлексивность, конфликтность, агрессивность), состояний (истощенность жизненных сил, тревогу и депрессию, внутриличностные конфликты), возникающих в процессе профессионального развития и в результате дисгармоничного прохождения нормативных кризисов развития личности.

Цель исследования – выявить роль эго-идентичности в структуре профессионального выгорания; определить принципы и подходы к психологической коррекции профессионального выгорания педагогов через развитие автономной эго-идентичности.

Поставленная цель определила решение следующих задач:

1. Сравнить особенности профессионального выгорания, выраженного в деформированных свойствах и негативных состояниях личности, статусы и структуру эго-идентичности, рефлексивность у педагогов в фазах профессионального выгорания.

2. Выявить связи между особенностями профессионального выгорания и структурно-статусными особенностями эго-идентичности.

3. Выделить факторную структуру профессионального выгорания.

Основными методами исследования явились: психодиагностические методы, количественные методы обработки эмпирических данных (критерий ϕ^* Фишера, корреляционный анализ, факторный анализ).

Обсуждение результатов исследования

1. В скрининговом исследовании *выраженности уровня профессионального выгорания* приняли участие 250 педагогов начальных классов общеобразовательных учреждений с разным педагогическим стажем – женщины 24–54 лет со стажем от 2 до 32 лет с высшим образованием (в том числе 100 педагогов экспериментальной группы – ЭГ и 99 педагогов контрольной группы – КГ).

С помощью «Методики диагностики уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко изучалась выраженность (сформированность) трех фаз эмоционального выгорания (напряжение, резистенция, истощение) и соответствующих им симптомов (напряжение: переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, «загнанность в клетку», тревога и депрессия; резистенция: неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, расширение сферы экономии эмоций, эмоционально-нравственная дезориентация, редукция профессиональных обязанностей; истощение: эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность, личностная отстраненность (деперсонализация), психосоматические и психовегетативные нарушения).

В ходе обработки данных были получены следующие результаты:

1. Уровень выраженности профессионального выгорания (сформированность фаз выгорания по В.В. Бойко):

- у 27,6 % обследованных педагогов был диагностирован сформировавшийся синдром профессионального выгорания («эмоционально выгоревшие» педагоги) (69 человек);

- у 52 % педагогов та или иная фаза профессионального выгорания находится в стадии формирования («эмоционально выгорающие» педагоги) (130 человек);

- 20,4 % педагогов не демонстрируют выраженности профессионального выгорания (51 человек).

В двух группах педагогов: ЭГ (с выраженными симптомами выгорания) и КГ (без симптомов выгорания) была проведена диагностика уровня тревожности, степени истощенности жизненных сил, наличия внутри-

личностных конфликтов, деформированных свойств личности, статусов и структуры эго-идентичности и уровня рефлексивности.

В результате сравнения данных, полученных по всем методикам в выделенных группах педагогов – имеющих и не имеющих симптомы выгорания с использованием критерия χ^2 Фишера выявлены статистически значимые различия в выраженности всех показателей. Так, на уровне статистической значимости $p \leq 0,001$ были выявлены различия в выраженности тревожности, истощенности жизненных сил, наличии внутриличностных конфликтов, автономной, диффузной и предрешенной эго-идентичности, шкал ипохондрии, депрессии, истерии, психопатии, психастении и рефлексивности, а на уровне статистической значимости $p \leq 0,01$ выявлены различия в выраженности показателей гипомании, на уровне статистической значимости $p \leq 0,05$ – различия в выраженности показателей шизоидности.

Проведенное скрининговое исследование позволяет сделать вывод о том, что для педагогов с выраженными симптомами выгорания в большей мере, чем для педагогов без симптомов выгорания, характерны личностная тревожность, истощенность жизненных сил, внутриличностные конфликты, деформированные свойства личности (склонность к тревоге, неуверенность в себе, агрессивность, конфликтность), диффузный и предрешенный статусы эго-идентичности, рефлексивность недостаточно развита (такие особенности характерны для предкритической или собственно критической фаз кризиса развития личности). Эти испытуемые не склонны обращаться к анализу своей деятельности, поступков других людей. Потребность в анализе причинно-следственных связей своих действий в прошлом, настоящем и будущем у них либо си-

туативна, либо акцентирована на прошлом или будущем.

2. Сравнение особенностей профессионального выгорания и статусов и структуры эго-идентичности у педагогов в разных фазах профессионального выгорания

Выборку испытуемых для экспериментального исследования составили педагоги с выраженным выгоранием.

У педагогов в разных фазах профессионального выгорания выявлены специфические особенности профессионального выгорания, деформированные свойства личности, предрешенная и диффузная эго-идентичность, недостаточно развитые рефлексивные способности.

По мере развития профессионального выгорания от фазы напряжения к фазе резистенции, а затем – к фазе истощения, у педагогов увеличивается личностная тревожность ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,001$ соответственно), истощенность жизненных сил ($p \leq 0,001$) и внутриличностные конфликты ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$) (рис. 1).

Различия в показателях свойств личности между группами педагогов в фазах напряжения и резистенции и в фазах резистенции и истощения статистически значимы по шкалам ипохондрии ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$ соответственно), депрессии ($p \leq 0,01$, $p \leq 0,001$), истерии ($p \leq 0,01$), психопатии ($p \leq 0,01$, $p \leq 0,001$), паранойальности ($p \leq 0,01$, $p \leq 0,001$), психастении ($p \leq 0,01$, $p \leq 0,01$), шизоидности ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,05$). Группу педагогов в фазе истощения отличают самые высокие показатели по всем перечисленным шкалам (рис. 2).

У педагогов в процессе развития профессионального выгорания все больше проявляются такие деформированные свойства личности, как медленная приспособляемость, пассивность, покорность власти, потеря равнове-

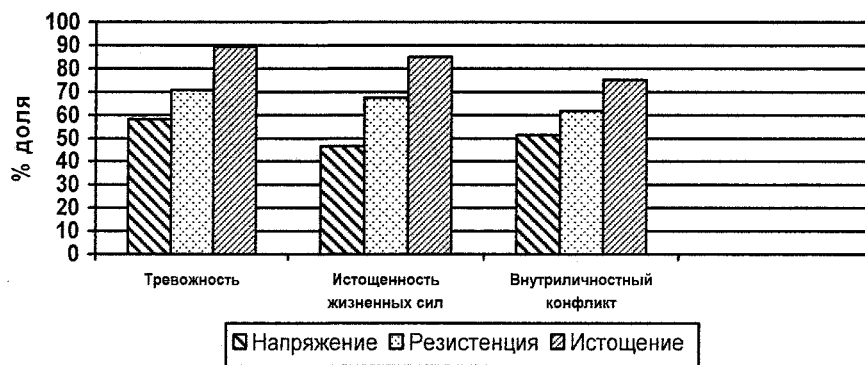

Рис. 1. Показатели особенностей профессионального выгорания в группах педагогов с разными фазами выгорания

Общая психология, психология личности, история психологии

сия в социальных конфликтах (шкала ипохондрии), склонность к тревоге, робость, сензитивность, неуверенность в себе (шкала депрессии), избегание ответственности, уход в болезнь, поверхностность чувств и интересов (шкала истерии), агрессивность, конфликтность, обидчивость, злопамятность (шкала психопатии и паранойальности), тревожность, боязливость, нерешительность, постоянные сомнения (шкала психастении), эмоциональная холодность, отчужденность в межличностных отношениях (шкала шизоидности).

Статистический анализ данных фиксирует значимые различия между группами педагогов в разных фазах по статусам эго-идентичности ($p \leq 0,05$). Самые высокие значения по показателям предрешенной и диффузной эго-идентичности отмечены в группе педагогов, находящихся в фазе истощения

(рис. 3). Полученные данные подтверждают, что по мере развития профессионального выгорания у педагогов наблюдается увеличение предрешенной и диффузной эго-идентичности, то есть педагоги находятся в пролонгированном кризисе.

При сравнении показателей рефлексивности и ее видов в группах педагогов с разными фазами профессионального выгорания были выявлены значимые различия у педагогов, находящихся в фазах резистенции и истощения, по показателям рефлексивности и ее видам – рефлексии настоящей деятельности и будущей деятельности ($p \leq 0,05$). Самые низкие значения по этим показателям отмечены у педагогов, находящихся в фазе истощения (рис. 4).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в процессе развития профессио-

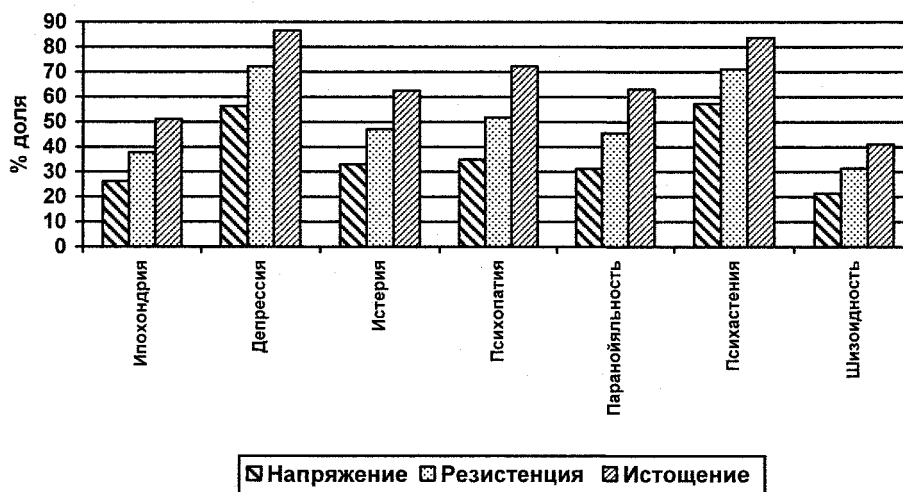

Рис. 2. Показатели свойств личности в группах педагогов с разными фазами профессионального выгорания

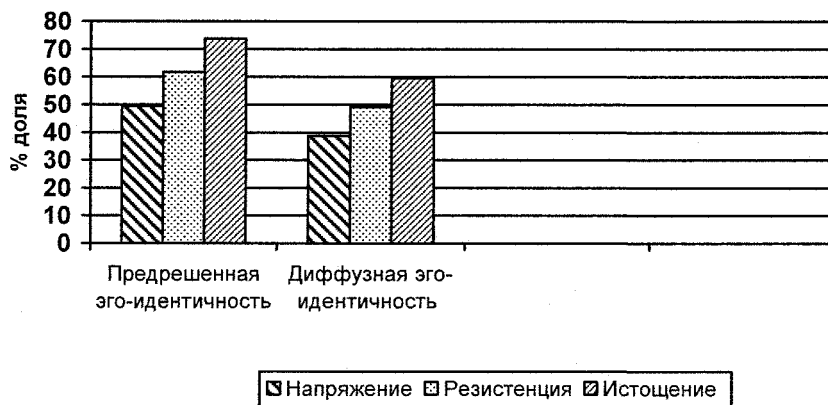

Рис. 3. Показатели статусов эго-идентичности в группах педагогов с разными фазами профессионального выгорания

Рис. 4. Показатели рефлексивности в группах педагогов с разными фазами профессионального выгорания

нального выгорания педагогам становится все сложнее поставить себя на место другого и регулировать собственное поведение, они в меньшей степени склонны обращаться к анализу своей деятельности, своих действий в настоящем и будущем, в меньшей степени склонны планировать и прогнозировать возможные последствия. Это подтверждает, что педагоги находятся в пролонгированном кризисе развития личности, для которого характерен низкий уровень рефлексивности.

Можно сделать вывод о том, что по мере развития профессионального выгорания у педагогов повышаются показатели выгорания, деформированных свойств личности, предрешенной и диффузной эго-идентичности, снижается уровень рефлексивности. Педагоги находятся в пролонгированном кризисе развития личности (в предкритической и собственно критической фазах кризиса).

3. Корреляционные связи между уровнем и особенностями профессионального выгорания и эго-идентичностью

Следующим шагом исследования было выявление корреляционных связей между профессиональным выгоранием и структурно-статусными особенностями эго-идентичности с целью выявления структуры профессионального выгорания.

Корреляционные плеяды (рис. 5) отражают статистически значимые положительные связи показателей предрешенной и диффузной эго-идентичности с показателями уровня профессионального выгорания, тревожности, истощенности жизненных сил, внутриличностного конфликта, свойств личности.

Наибольшее количество значимых положительных связей выявлено между показателями диффузной эго-идентичности и уровнем, особенностями выгорания, деформированными свойствами личности (шкалы опросника «Мини-мульт»). Предрешенная эго-идентичность коррелирует с показателями шкалы ги-

помании («Мини-мульт») и симптомами выгорания.

Это свидетельствует о том, что для личности в предкритической фазе нормативного кризиса (с предрешенной эго-идентичностью) характерны симптомы выгорания (неудовлетворенность собой и расширение сферы экономики эмоций) и такие свойства, как активность, поверхностность и неустойчивость интересов, нехватка выдержки и настойчивости. Для личности в собственно критической фазе (с диффузной эго-идентичностью) характерны фазы профессионального выгорания, тревожность, истощенность жизненных сил, внутриличностные конфликты, высокая сензитивность, неуверенность в себе, застенчивость, агрессивность, конфликтность, обидчивость, возбудимость, пренебрежение социальными нормами и ценностями, злопамятность, тревожность, нерешительность, боязливость, эмоциональная холодность, отчужденность в межличностных отношениях.

Более подробный анализ позволил выявить многочисленные положительные связи показателей диффузной и предрешенной эго-идентичности шкал «СЭИ-теста» с показателями выгорания, а также отрицательные корреляции – с уровнем рефлексивности и ее видами.

Таким образом, находит подтверждение гипотеза, что именно диффузная и предрешенная эго-идентичность является системообразующим фактором в структуре профессионального выгорания.

4. Исследование факторной структуры профессионального выгорания

Была определена структура профессионального выгорания. Фактор 1 «Диффузная и предрешенная эго-идентичность» (диффузная эго-идентичность (0,932), осознанность собственных ценностей (диффузная эго-идентичность) (0,924), принятие настоящего (диффузная эго-идентичность) (0,912), напря-

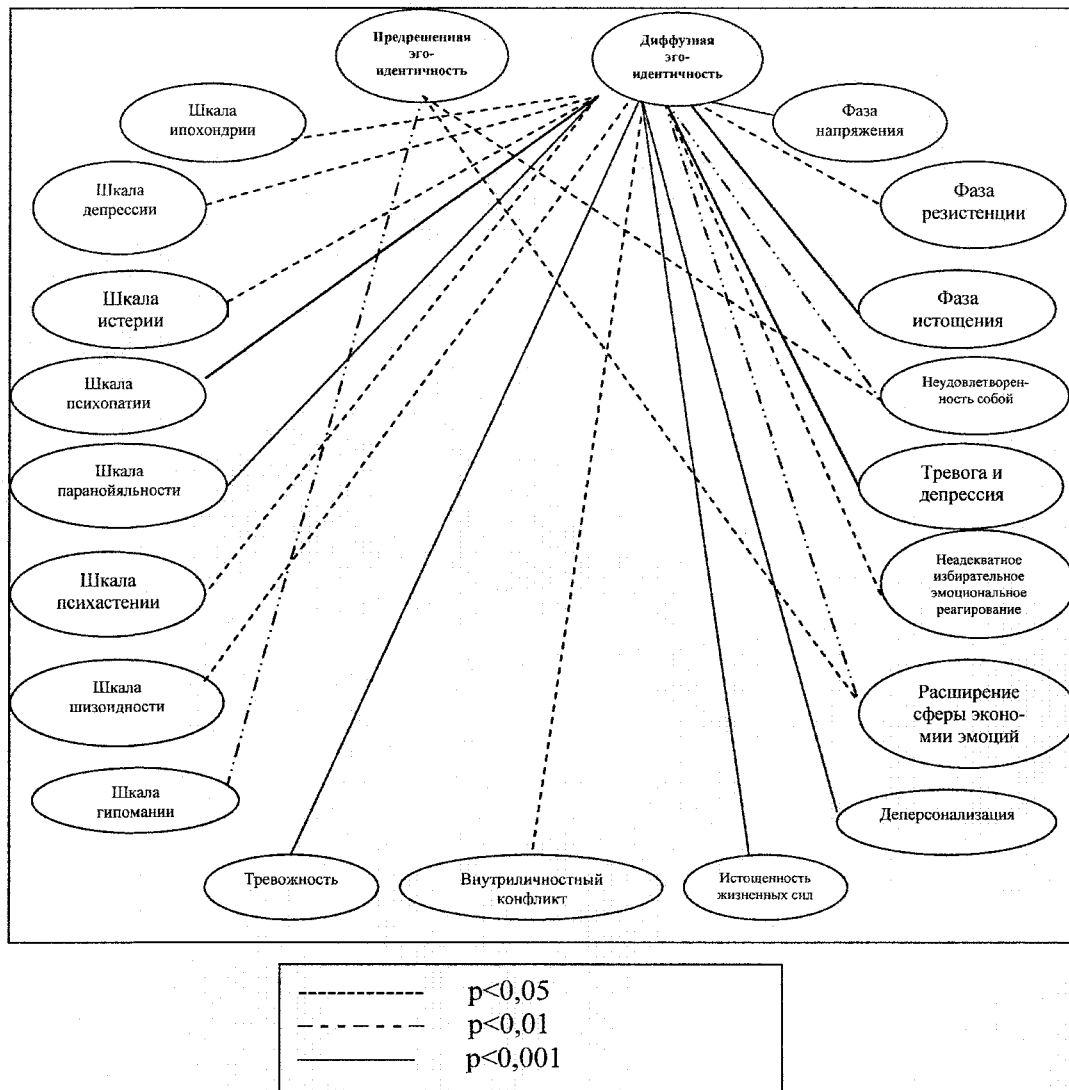

Рис. 5. Корреляционные плеяды показателей предрешенной и диффузной эго-идентичности с уровнем и особенностями выгорания

жение (0,851), соответствие себе (предрешенная эго-идентичность) (0,850), принятие настоящего (предрешенная эго-идентичность) (0,845), эмоциональная зрелость (предрешенная эго-идентичность) (0,843), осознанность собственных ценностей (предрешенная эго-идентичность) (0,839), соответствие себе (диффузная эго-идентичность) (0,789), ответственность за выбор (диффузная эго-идентичность) (0,786), неудовлетворенность собой (фаза напряжения) (0,671), рефлексивность (-0,657), осознанность жизненного пути (предрешенная эго-идентичность) (0,656), истощенность жизненных сил (0,636), эмоциональная зрелость (диффузная эго-идентичность) (0,626), расширение сферы экономии эмоций (фаза резистенции) (0,598), самодостаточность (диффузная эго-идентич-

ность) (0,553), осознанность жизненного пути (диффузная эго-идентичность) (0,538), эмоциональная отстраненность (фаза истощения) (0,525), самодостаточность (предрешенная эго-идентичность) (0,491), личностная отстраненность (деперсонализация) (фаза истощения) (0,471), ответственность за выбор (предрешенная эго-идентичность) (0,434)).

Фактор 2 «Личностная дисгармония и отсутствие автономии» (самодостаточность (автономная эго-идентичность) (-0,784), психопатия (0,776), шизоидность (0,640), паранойяльность (0,631), неадекватное избирательное эмоциональное реагирование (фаза резистенции) (0,444), автономная эго-идентичность (-0,416)).

Фактор 3 «Тревожно-депрессивные состояния» (тревога и депрессия (фаза напряже-

ния) (0,749), психастения (0,718), депрессия (0,701), ипохондрия (0,687), истерия (0,680), рефлексия настоящей деятельности (-0,627), внутриличностный конфликт (0,619), ответственность за выбор (автономная эго-идентичность) (-0,573), рефлексия общения (-0,532)).

Наибольший вес имеет фактор «Диффузная и предрешенная эго-идентичность». В связи с этим профессиональное выгорание определяется в большей степени диффузной и предрешенной эго-идентичностью, напряженностью, неудовлетворенностью собой, низкой рефлексивностью, истощенностью жизненных сил, эмоциональной незрелостью, зависимостью, недостаточной осознанностью собственных ценностей и своего жизненного пути.

Факторный и корреляционный анализ позволили выявить структуру профессионального выгорания и экспериментально подтвердить теоретически смоделированный конструкт профессионального выгорания, где системообразующим фактором является дисгармоничная эго-идентичность.

Выводы

1. В разных фазах профессионального выгорания наблюдаются тревожность, истощенность жизненных сил, внутриличностный конфликт, деформированные свойства личности, предрешенная и диффузная эго-идентичность, недостаточно развитые рефлексивные способности. По мере развития профессионального выгорания (от фазы напряжения к фазе резистенции, затем к фазе истощения) у педагогов усиливаются особенности выгорания, деформированные свойства личности, предрешенная и диффузная эго-идентичность, снижается уровень рефлексивности. Педагоги находятся в пролонгированном кризисе развития личности (в предкритической или собственно критической фазах).

2. Профессиональное выгорание взаимосвязано с диффузной и предрешенной эго-идентичностью, которые являются системообразующим фактором в структуре выгорания. В случае дисгармоничного прохождения нормативного кризиса развития личность приобретает дисгармоничную эго-идентичность, которая включает в себя диффузную и предрешенную эго-идентичности и проявляется в профессиональном выгорании.

3. Факторная структура профессионального выгорания включает три фактора: фактор 1 «Диффузная и предрешенная эго-идентич-

ность», фактор 2 «Личностная дисгармония и отсутствие автономии», фактор 3 «Тревожно-депрессивные состояния». Наибольший вес имеет фактор «Диффузная и предрешенная эго-идентичность». Корреляционный и факторный анализ позволил выявить структуру профессионального выгорания и подтвердил теоретически смоделированный конструкт профессионального выгорания, в котором профессиональное выгорание рассматривается как совокупность дисгармоничной эго-идентичности (диффузной и предрешенной эго-идентичности), относительно устойчивых свойств личности (личностная тревожность, неуверенность в себе, низкая рефлексивность, конфликтность, агрессивность) и состояний (истощенность жизненных сил, тревога и депрессия, внутриличностные конфликты), возникающих в процессе профессионального развития и в результате дисгармоничного прохождения нормативных кризисов развития личности, где системообразующим фактором является дисгармоничная эго-идентичность. В связи с этим профессиональное выгорание определяется в большей степени показателями диффузной или предрешенной эго-идентичности личности.

Литература

1. Вачков, И.В. «Особенности профессионального самосознания студентов педвуза и работающих учителей» / И.В. Вачков // Проблемы профессиональной социализации личности: коллективная монография. – Кемерово, 1966.
2. Зеер, Э.Ф. Психология профессий: учеб. пособие для студентов вузов / Э.Ф. Зеер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.
3. Ключева, Н.В. Технологии работы психолога с учителем / Н.В. Ключева. – М.: ТЦ «Сфера», 2000. – С. 19.
4. Митина, Л.М. Психологическая диагностика эмоциональной устойчивости учителя: учебное пособие для практических психологов / Л.М. Митина. – Кемерово, 1992.
5. Митина, Л.М. Эмоциональная устойчивость учителя: психологическое содержание, генезис, динамика / Л.М. Митина // Школа здоровья. – 1995. – № 1. – С. 25–42.
6. Орел, В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы / В.Е. Орел // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 90–101.

Общая психология, психология личности, история психологии

7. Солдатова, Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография / Е.Л. Солдатова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 267 с.

8. Форманюк, Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональ-

ной дезадаптации учителя / Т.В. Форманюк // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 57–64.

9. Maslach, C. The truth about burnout: How organization cause personal stress and what to do about in / C. Maslach, M.P. Leiter. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997.

Поступила в редакцию 14 июля 2010 г.

Андреева Наталья Юрьевна. Старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной психологии Челябинского государственного педагогического университета: 89642431359.

Natalya Yu. Andreeva. Assistant of professor of department «Theoretical and applied psychology» of the Chelyabinsk State Pedagogical University: 89642431359.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА «ГЛОБАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ»

Е.В. Гудкова

Обосновывается необходимость теоретического осмысления и эмпирического изучения глобальных отношений личности, предлагается теоретическая модель конструктов «глобальное отношение к себе» и «глобальное отношение к миру», описываются свойства и функции глобальных отношений.

Ключевые слова: оценочные явления личностного уровня, субъективные отношения личности, глобальное отношение к себе, глобальное отношение к миру.

В условиях социально-экономической и политической нестабильности человек постоянно вынужден преодолевать негативные обстоятельства, противостоять стрессам, приспосабливаться к новым требованиям, предъявляемым обществом. Система субъективных отношений является тем внутренним стержнем личности, который обеспечивает успешную адаптацию и развитие индивида.

Анализ литературы, посвященной субъективным отношениям, позволяет утверждать, что глобальные отношения личности к себе и к миру выполняют особую системообразующую роль в структуре сознания и самосознания. Позитивное или негативное отношение к себе определяет уровень притязаний личности, составляет основу чувства собственного достоинства, является необходимым условием для формирования партнерских отношений в семье и профессиональной сфере. Позитивное или негативное отношение к миру лежит в основе созидательной или разрушительной творческой активности, проявления доброй воли, морально-этических качеств личности.

Существует две тенденции изучения психических феноменов, близких по содержанию к глобальным отношениям. С одной стороны сложилось обобщенное философское представление об отношении личности к себе и к миру (В. Франкл, С.Л. Рубинштейн), любви к себе и к другим людям (Э. Фромм, А. Маслоу), безусловное принятие (К. Роджерс), Я-позиции (Э. Берн). Однако до сих пор отсутствуют эмпирические исследования, подтверждающие воззрения данных авторов.

Вместе с тем, в отечественной и зарубежной психологии накоплен обширный эмпирический материал исследований частных аспектов отношения к себе: таких свойств лич-

ности как самоуважение, самопринятие, самооценочность, самоэффективность, частных самооценок, в основе которых очевидно лежит обобщенное самоотношение [25, 28, 32, 34, 36, 37, 39]. Многочисленные экспериментальные исследования различных проявлений отношения к миру: оптимизма-пессимизма, чувства благополучия, счастья, беспомощности, безнадежности, позволяют выделить лежащую в их основе базовую оптимистическую или пессимистическую тенденцию личности [15, 27, 33, 35, 22, 38]. Это свидетельствует о необходимости осмысления и концептуализации выделенных конструктов.

Таким образом выявлены противоречия: 1) между большим значением, которое придается глобальным отношениям в рамках прикладных отраслей психологического знания, и недостаточной разработанностью проблемы в фундаментальной психологии; 2) на уровне методологических подходов – между сложившимися теоретическими представлениями о глобальных отношениях и имеющейся эмпирической базой в исследовании данной проблематики. Первым шагом в их разрешении может стать формирование системных представлений о глобальных отношениях с точки зрения теории оценки и психологии отношений личности, уточнение содержания понятия «глобальное отношение» на теоретическом уровне.

В моделировании конструкта «глобальное отношение личности» мы можем опираться на результаты теоретического анализа категорий, описывающих данное понятие – «глобальность», «оценка», «отношение».

Категория «глобальность» характеризует высший уровень обобщенности, всеохватность определяемого явления [24]. Соответст-

венно глобальные отношения могут быть определены как всеобщие или обобщенные, включающие все проявления объектов отношения: себя и окружающего мира. Вместе с тем, понятие «глобальные отношения» включает в себя не только оценочный аспект субъективных отношений, рассматриваемый в данной статье, но также и смысловой, ценностный и познавательный аспекты. С точки зрения системного подхода особенностями глобальных свойств личности, отличающими их от частных личностных свойств, является то, что они характеризуют личность как целое и имеют ограниченное число ключевых параметров [12].

Категория «оценка» понимается здесь как способ отражения, существования и выражения потребностных объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений индивида с объектами внутренней и внешней реальности. В зависимости от уровня организации оценочных явлений психики различаются процессуальные оценки, интегрально-устойчивые и личностные оценочные образования [3].

Глобальные отношения относятся к оценочным образованиям личностного уровня и характеризуются максимально высоким уровнем обобщения. Они «вбирают» в себя оценки низших уровней (процессуальных и интегрально-устойчивых оценочных явлений), формируясь на их основе, и оказывают влияние на их последующее формирование, выражаясь через процессуальные и интегрально-устойчивые оценки.

Признаками глобального отношения к себе как свойства личности являются наличие в их основе потребностной природы и проявление их в социально-значимых отношениях индивида со средой. Данные некоторых работ указывают на то, что в основе глобального отношения к себе лежит базовая потребность в позитивном отношении к себе, самоуважении [4, 19, 26], а в основе глобального отношения к миру – базовая потребность в позитивном отношении к окружающей среде, доверии к миру [16, 30].

Таким образом, глобальные отношения формируются на основе оценочных образований низших уровней в процессе онтогенеза и выражаются в форме свойств личности, имеющих в своей структуре оценочный компонент. Глобальное отношение к себе выражается в таких свойствах личности как глобальная самооценка, самоуважение, глобаль-

ное самоотношение, и т. п. Глобальное отношение к миру выражается в таких свойствах личности как оптимизм или пессимизм, безнадежность или счастье, чувство благополучия. Из сказанного можно сделать вывод о том, что глобальные отношения являются системными свойствами личности, они включают в себя частные оценочные явления, но не сводятся к их сумме.

Глобальные отношения включают в себя аффективный и когнитивный компоненты. В процессе онтогенеза формирование этих компонентов происходит неравномерно и гетерохронно. Подтверждение этому можно найти в работах, посвященных описанию закономерностей психического развития на разных этапах онтогенеза.

Например, в период новорожденности и младенчества глобальные отношения закладываются под влиянием врожденных нейрофизиологических особенностей, опыта объектных отношений и первичной социализации. Это подтверждается исследованиями В.С. Мухиной, Н.Н. Авдеевой, С.Ю. Мещеряковой, Р. Спитца, М. Кляйн, Дж. Боулби [5, 6, 14, 17]. В этот период субъективные отношения существуют в виде преобладающего позитивного или негативного эмоционального фона. Далее, с развитием когнитивной сферы, у ребенка формируется навык продуцирования оценок, усваиваются оценки, транслируемые социальным окружением, происходит расщепление и дифференциация когнитивных оценок. При этом на проявление тенденции к позитивности или негативности в когнитивных оценках детей указывают Э. Эриксон, Дж. Боулби, Л.И. Божович, М.И. Лисина [4, 5, 19, 30].

К трем годам опыт родительских оценок, овладение социально приемлемыми способами выражения независимости и самостоятельности, развитие представления о себе, в котором интегрированы эмоционально окрашенные образы себя, позволяют ребенку поддерживать любовь к себе и чувствовать себя в целом «хорошим», несмотря на отдельные вспышки недовольства, чувства стыда или гнева по отношению к себе [29].

Ф. Тайсон считает, что «с установлением либидного «Я» и постоянства объекта, устанавливается прочное, стабильное и, в основном позитивно принимаемое чувство себя, отличающегося и отдельного от других» [29, с. 166]. Дж. Боулби предположил, что в процессе взаимодействия с другими людьми и с миром индивид на данном этапе развития

конструирует рабочие модели важнейших аспектов этого мира, с помощью которых он воспринимает и интерпретирует разные события. Рабочую модель он определяет как глубинную структуру самосознания или отношение, хотя связь этой модели с сознанием весьма неоднозначна: сама она не осознается индивидом, но сквозь нее он воспринимает и осознает себя и окружающий мир [4].

Таким образом, можно заключить, что к началу периода дошкольного детства у ребенка складываются не только «начатки» сознания и самосознания, но и эмоциональная основа глобального отношения к миру и глобального самоотношения.

Дошкольное детство можно назвать этапом сознательного исследования мира. Когнитивное развитие, а именно: дифференциация эмоциональных и перцептивных процессов, овладение речью, переход от наглядно-действенного к наглядно-образному, а в конце периода и к словесному мышлению позволяют ребенку самостоятельно продуцировать разного рода когнитивные оценки. Он без устали сравнивает, пробует, проверяет, обнаруживает связи и отношения.

Ребенка теперь в большей степени привлекает не мир предметов, а мир людей. Он пытается быть как взрослый, активно усваивает социальные и моральные нормы. В.С. Мухина считает, что в усвоении образцов поведения, выходящих за рамки поведения окружающих ребенка людей, особенно важна оценка, которую дают другим взрослым, детям, персонажам рассказов и сказок значимые и авторитетные для ребенка люди [6]. Сначала моральные оценки являются простым повторением оценок взрослого. К концу периода ребенок уже в состоянии сам оценивать поступки других людей, а затем и свои собственные. Имея в своем сознании обобщенные аффективно окрашенные образы мира и себя, ребенок начинает наполнять их конкретными деталями и когнитивными характеристиками. А.А. Люблинская отмечает, что в основе познавательного интереса дошкольника лежит единство интеллектуального и эмоционального отношения к предметам действительности [4].

Оценочные образования личностного уровня в этом возрасте тесно связаны с потребностями, лежащими в их основе, и лишь в незначительной степени определяются актуальным жизненным опытом. Исследование, проведенное А.И. Силвестру, показало, что

накопление опыта неудач в общении и любой другой деятельности способно стойко снизить представление о своих возможностях лишь у 10–12 % детей. Большинство детей, несмотря на неудачи, склонны, по-прежнему, преувеличивать свои успехи [19].

Глобальное отношение к миру, в основе которого лежит потребность в безопасном, доброжелательном окружении, как правило, выражается в открытости всему новому и неумном любопытстве дошкольников. То, что не устраивает ребенка, он исправляет в своих фантазиях. К старшему дошкольному возрасту относится появление вымышленных друзей. О преимущественно позитивной асимметрии в глобальных отношениях к миру говорит и преобладание позитивных, светлых образов и ожиданий, связанных с будущим. А. Адлер обнаружил, что при благоприятном развитии к пяти годам у ребенка на основе чувства доверия к людям формируется «социальное чувство», стремление к людям, готовность получить поддержку, что несомненно является выражением позитивного глобального отношения к окружающему миру [1].

К концу периода представления дошкольника о мире становятся более структурированными, а отношения более осознанными. Как пишет Л.С. Выготский, кризис семи лет сопряжен с появлением в психической жизни ребенка смысловых переживаний, когда он не просто радуется, огорчается, сердится, но начинает понимать, что значит «я радуюсь», «я огорчен», «я сердит» [8]. Таким образом, между непосредственным переживанием и поведением ребенка вклинивается «интеллектуальный» момент, что позволяет ему регулировать свое поведение в зависимости от отношения к ситуации. Вероятно, именно в этот период в структуре глобального отношения к себе и глобального отношения к миру, наряду с аффективным, появляется когнитивный компонент.

Младший школьный возраст сопряжен с формированием субъектной позиции личности. Новый уровень самосознания ребенка, по мнению Л.И. Божович, выражается в его «внутренней позиции», образующейся в результате того, что «внешние воздействия, преломляясь через структуру ранее сложившихся у ребенка психологических особенностей, как-то им обобщаются и складываются в особое центральное личностное образование, характеризующее личность ребенка в целом» [4, с. 215]. Раз возникнув, эта позиция стано-

вится присущей человеку на всех этапах его жизненного пути, отражает степень удовлетворенности его положением в жизни, наличие или отсутствие у него эмоционального благополучия, определяет его отношение к себе и порождает у него соответствующие потребности и стремления.

Большое значение для развития отношения ребенка к себе и к миру в этом возрасте приобретает личный опыт. Решение сложных задач, переживание успеха и достижений поддерживает чувство уверенности в себе и самоуважение, выражающие позитивное глобальное отношение ребенка к себе. Опыт неудач, напротив, способствует развитию чувства неполноценности, склонности к самоуничтожению, свидетельствующих о формировании негативного глобального отношения к себе. А. Адлер утверждает, что сформировавшиеся в этом возрасте чувства могут остаться на всю жизнь, особенно обостряясь в ситуациях оценивания. О формировании позитивного глобального отношения к миру свидетельствует наличие у ребенка чувства благополучия, развивающееся в условиях стабильности и благоприятного эмоционального климата в семье и школьном коллективе. Однако повторяющиеся психологические травмы, вызванные трудными жизненными ситуациями, такими как развод родителей, переезд в другой город, насилие, бедность, переживание угрозы жизни, а иногда и просто конфликт и непринятие со стороны значимых людей способствуют формированию у ребенка личностной тревожности, заставляют его занимать оборонительную жизненную позицию [1].

Из перечисленных характеристик периода следует, что в младшем школьном возрасте происходит активное развитие эмоционального компонента глобальных отношений к себе и к миру.

Таким образом, даже неполный анализ периодов детства позволяет проследить неравномерность и гетерохронность в развитии аффективного и когнитивного компонентов глобальных отношений: сначала формируется эмоциональный фон (развивается аффективный компонент), затем появляются первые оценочные суждения (когнитивный компонент), которые становятся основой для формирования эмоционального отношения и т. д.

Поскольку глобальные отношения имеют оценочную природу, им присущи свойства оценок. Свойства или параметры оценок были

рассмотрены И.В. Выбойщик при изучении оценочного стиля личности [7].

В качестве основной и наиболее важной характеристики автор выделяет знаковую валентность, которая означает возможность индивидуально предпочитаемой асимметрии – большей склонности к позитивности, либо к негативности.

Второй значимой характеристикой оценки является склонность к поляризации, либо к усредненности. Она связана с природой оценочных оснований, представляющих собой упорядоченную совокупность представлений о классе объектов или предметов потребности, а также с индивидуальной спецификой процесса сравнения, который также является неизбежным атрибутом оценочного отражения отношений.

Третья характеристика – диапазон оценок – тесно связана с первыми двумя и отражает степень разнообразия в использовании континуума оценок, соответствующих одному оценочному основанию.

Четвертая характеристика – дифференцированность – отражает степень разнообразия оценочных категорий, которые используются для выражения оценок.

Пятая характеристика – изменчивость – связана со склонностью легко менять оценки при появлении изменений в объекте.

Эмпирически были выделены два параметра, обладающие наибольшей устойчивостью во времени – валентность и поляризация. Можно предположить, что данные параметры характеризуют индивидуально-личностный аспект способа оценивания.

Поскольку оценка – это результат субъективного отражения объективных отношений, следует выделить еще одну характеристику оценок – субъективность.

Итак, валентность, будучи главным атрибутом оценки, является основной характеристикой глобальных отношений. Склонность к поляризации или усредненности оценок на уровне глобальных отношений проявляется как степень выраженности и в данной работе называется интенсивностью. Глобальные отношения как свойства личности характеризуются слабой изменчивостью, то есть не зависят от меняющихся условий и обстоятельств.

Диапазон оценок и дифференцированность характеризуют способ формирования и выражения оценок и больше подходят для описания процессуальных интегрально-устойчивых оценок.

Таким образом, основными характеристиками глобальных отношений являются валентность и интенсивность. Неотъемлемыми свойствами глобальных отношений являются устойчивость и субъективность.

Глобальные отношения отличаются от оценочных образований других уровней тем, что они отражают максимально обобщенные объекты оценивания («Я» и «Мир»).

Как и другие оценочные образования, глобальные отношения выполняют регулируемую функцию по отношению к подсистемам психики: познавательной, мотивационной, поведенческой.

«Субъективные отношения личности» – это наиболее существенные свойства личности, которые в обобщенной форме отражают общественные отношения и характеризуют активную жизненную позицию человека [21].

Как свойства личности, имеющие в своей основе субъективные отношения, глобальные отношения характеризуются устойчивостью во времени и проявляются в различных ситуациях. Они возникают по поводу максимально обобщенных «глобальных» объектов (себя и окружающего мира), и, соответственно, являются наиболее широкими по сравнению с субъективными отношениями более низкого порядка.

Процесс формирования субъективных отношений личности в общих чертах был раскрыт в работах В.Н. Мясищева, Б.Г. Ананьева и М.И. Лисиной.

Развитие субъективных отношений личности, по мнению В.Н. Мясищева, связано с формированием самосознания. Первоначальный период, предотношение, – формирование возрастающей, проявляющейся в разных областях и интегрирующей избирательности при еще несформировавшемся сознательном отношении. Овладев речью, ребенок не только избирательно реагирует на те или иные обстоятельства жизни, но и выражает речью свое отношение (в два года уже можно различить еще неустойчивые, но определенные реакции, сопровождаемые словами «хочу – не хочу», «люблю – не люблю» и т. д.). Со временем ребенок становится «сознательно относящимся существом». Начиная с 3 лет можно говорить о «выраженных и определенных избирательных отношениях» к родителям, детям, воспитателям, играм. У дошкольников некоторые свойства отношений выступают уже как черты характера (самостоятельность,

инициативность, добросовестность, общительность), но они еще легко меняются контрастно под влиянием переходящего эмоционального состояния, тесно слиты с поступком и реакцией, зависят от мнения взрослых. В школьном возрасте структура отношений определяется требованиями объективной необходимости, а в старшем школьном возрасте характеризуется формированием принципиальных отношений. Высший уровень развития отношений является «следствием не только функционального развития, но и общественной структуры условий общения и общественного воспитания» [23].

Б.Г. Ананьев рассматривает развитие отношений в тесной связи с формированием характера. По его мнению, раньше всего из взаимодействия между членами группы возникают отношения личности к другим людям. Эти отношения фиксируются в виде определенных позиций, рангов популярности, репутации, престижа, авторитета и, закрепляясь в практике общественного поведения, превращаются в наиболее общие и первичные черты характера – коммуникативные. В процессе развития из разнообразных отношений к жизненным обстоятельствам и событиям возникают интеллектуальные, волевые, эмоционально-мотивационные черты характера, отражающие субъективную позицию личности к предметному миру. На основе лонгитюдных исследований Б.Г. Ананьев делает вывод, что эти отношения, многократно проявляясь в жизненных ситуациях, превращаются во внутренние свойства личности, если они подкрепляются всей системой воспитания и опытом общественного поведения самих детей. Наиболее поздним, по мнению автора, является образование отношений формирующегося человека к самому себе. С накоплением опыта множества осознаний себя субъектом поведения и реализации в поведении отношения к себе превращаются в свойства характера, которые он называет рефлексивными [2]. Рефлексивные свойства завершают структуру характера и определяют его целостность. В этом смысле они наиболее тесно связаны с целями жизни и деятельности, ценностными ориентациями, установками, выполняя функцию саморегулирования и контроля развития.

М.И. Лисина, придерживаясь общеметодологической концепции, которая разрабатывалась В.Н. Мясищевым и Б.Г. Ананьевым, рассматривает личность как совокупность общественных отношений. Помимо связей с

окружающими людьми необходимым условием для формирования отношений и развития личности она считает ведущую деятельность ребенка. На основе анализа материалов эмпирических исследований, посвященных детскому развитию, автор выделяет ряд закономерностей развития и генетических связей системы субъективных отношений в период от рождения до семи лет [19]. Первым у ребенка возникает отношение к близкому взрослому, почти сразу же у младенца начинает складываться отношение к самому себе. Еще позднее складывается отношение к прочему миру – предметам, явлениям природы, объектам окружающей среды. При этом отношение к близкому взрослому составляет то кардинальное условие, без которого остальные виды отношений возникнуть не могут. Отношение к себе у ребенка проявляется в содержании (отражении собственных черт), аффективной окраске и точности (соответствии действительности). Отношение к взрослому и детям включает в себя также содержание и аффективную окраску, а, кроме того, относительное значение, придаваемое этим людям ребенком в его жизни и деятельности, генетическая и функциональная связь указанного отношения с образом жизни детей. В отношении ребенка к предметной действительности присутствуют такие черты как уровень активности, наличие инициативы, оригинальность и самобытность познавательных и практических действий, значение предметной (теоретической и практической) деятельности в жизни ребенка.

Таким образом, в развитии субъективных отношений прослеживается их обусловленность опытом взаимодействия ребенка со значимыми взрослыми и с миром предметов, тесная связь с развитием сознания и самосознания, становится очевидным центральное место глобальных отношений в структуре личности.

Свойства, или параметры, субъективных отношений описаны в работах отечественных психологов, исследовавших данную проблему. Первые попытки описать отношения с помощью определенных параметров принадлежат А.Ф. Лазурскому и С.Л. Франку. Они охарактеризовали отношения по степени их интенсивности (наличие отношения и степень его выраженности), дифференцированности (степень разнообразия и сложности отношений, увеличивающаяся с возрастом), широты (количества объектов, охватываемых отноше-

нием) и формы (эмоциональный или действенный способ реализации). Учитывая, что понятие «отношение» у А.Ф. Лазурского имеет эмоционально-потребностное наполнение и не различается с понятиями «потребность», «интерес», «форма типичной реакции личности», можно понять, почему автор ставит в один ряд такие качественно различные параметры [18].

В.Н. Мясищев предлагает 9 параметров для характеристики этого психического явления [31]. Активность, устойчивость и модальность он называет базовыми или параметрами первого порядка. Конкретизируя понятие «отношение» и помещая его контекст внутреннего мира личности, Мясищев предлагает также ряд вторичных показателей: эмоциональность, обобщенность, доминантность, когерентность, принципиальность и сознательность.

Б.Ф. Ломов анализирует зарубежный опыт исследования отношений (аттитюдов) и обнаруживает 11 таких параметров [20]. Приняв за основу схему, предложенную В.Н. Мясищевым, он разрабатывает свою. К базовым автор относит модальность (знак, характеризующий отношение), интенсивность (степень выраженности, сила переживаний), широту (совокупность объектов или сторон деятельности, к которым личность относится субъективно), а также степень устойчивости (постоянство и независимость от ситуативных факторов). На основе параметров первого уровня Б.Ф. Ломов выделяет ряд производных характеристик: доминантность, когерентность, эмоциональность, обобщенность, принципиальность, степень активности и сознательность отношений.

Как видно, системы параметров, предложенные В.Н. Мясищевым и Б.Ф. Ломовым, во многом совпадают. Это связано с тем, что авторы вкладывают сходный смысл в термин «отношение» и оба рассматривают субъективные отношения личности как сложную многоуровневую систему.

Е.П. Ильин, анализируя чувства как эмоциональные отношения, тоже выстраивает схему характеристик [13]. Автор сохраняет весь перечень характеристик первого порядка (модальность, интенсивность, устойчивость и широту). Но список характеристик второго порядка у него значительно короче: один из параметров имеет два полюса – генерализованность-дифференцированность, другой – обобщенность – возникает тогда, «когда человек обобщает эмоциональные впечатления и

знания и руководствуется ими в проявлении своего отношения к чему-либо» [13, с. 294]. Кроме того, Е.П. Ильин выделяет ряд специфических характеристик эмоциональных отношений: интимность, прочность, глубина.

В.А. Ясвин и С.Д. Дерябо по-своему переосмысливают систему параметров, характеризующих субъективные отношения, применительно к конкретному их виду – отношению к природе [31]. Базовыми параметрами субъективного отношения личности к природе они считают широту, интенсивность, устойчивость и модальность, а также добавляют еще один параметр – осознанность. Все параметры второго порядка авторы представляют в виде биполярных шкал, однако, по сути, повторяют производные характеристики, предложенные Б.Ф. Ломовым.

Таким образом, комплекс характеристик, применяемых теми или иными авторами, зависит от специфики изучаемого ими отношения (комплексности, аспекта или вида). Однако базовые характеристики сохраняются во всех схемах параметров. Вероятно, для изучения Глобального отношения личности применимыми являются именно эти параметры. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Модальность – параметр, характеризующий отношение как позитивное или негативное. Если в отношении объекта чаще высказываются суждения позитивного содержания и испытываются позитивные эмоциональные переживания, то можно говорить о наличии позитивного отношения к данному объекту. Преобладание негативных суждений и чувств свидетельствует о негативном отношении. Показатель модальности можно называть качественным.

Интенсивность – характеризует выраженность отношения. Показатель интенсивности – качественный. Крайние позитивные или негативные показатели по этому параметру свидетельствуют о выраженном или интенсивном отношении, показатели, близкие к нулю, характеризуют отношение как нейтральное.

Широта – характеризует общее количество объектов и явлений, на которые распространяется данное отношение. В связи с этим параметром можно выделить как узко направленные отношения, возникающие по поводу конкретных объектов или их отдельных сторон, так и широкие отношения, направленные на целостную систему объектов или явлений.

Устойчивость – параметр, характеризующий временную стабильность отношения,

а также его независимость от обстоятельств. Изменчивостью характеризуются, как правило, отношения, возникающие на ранних этапах онтогенеза, либо частные, узконаправленные отношения. Отношения зрелой личности, напротив, более устойчивы, как, впрочем, и отношения к более или менее обобщенным классам объектов или явлений.

Когерентность – параметр, характеризующий структурно-динамическую изменчивость, несовпадение темпов развития компонентов глобального отношения как системного образования.

Вероятно, индивидуальные различия можно выявить лишь по параметрам «модальность» и «интенсивность». Высокий показатель интенсивности по одной из модальностей при низком показателе интенсивности по другой модальности свидетельствует о сформировавшемся позитивном или негативном глобальном отношении. Интенсивность, близкая к нулю, говорит о нейтральном отношении. Высокие показатели интенсивности по обеим модальностям характеризуют амбивалентное отношение. Данные сочетания показателей отражают крайние проявления глобального отношения, но, очевидно, существуют и промежуточные количественные показатели.

Широта и устойчивость являются относительно неизменными свойствами глобальных отношений. Широта характеризуется в данном случае глобальностью – максимальной обобщенностью объектов отношения (Я и мир). Устойчивость свидетельствует о постоянстве глобальных отношений.

Когерентность характеризует несовпадение темпов развития аффективного и когнитивного компонентов глобального отношения, данные закономерности были отмечены при анализе проблемы развития глобальных отношений.

Нетрудно заметить, что многие свойства оценок и субъективных отношений совпадают (валентность и модальность, полярность и интенсивность, обобщенность, устойчивость), что подтверждает генетическую связь этих понятий. В связи с этим глобальные отношения можно определить как оценочную форму существования обобщенных субъективных отношений личности к себе и к миру.

Как обобщенные субъективные отношения, глобальные отношения выполняют следующие функции: отражение, адаптация, схематизация и симплификация знаний о себе, мире и своем месте в нем, включение лично-

сти в общественную жизнь, определение способа деятельности.

Обобщая сказанное, можно построить модель конструктов «глобальное отношение к себе» и «глобальное отношение к миру» (см. рисунок). На рисунке показано, что глобальные отношения являются зоной «смыкания» двух подсистем психики: системы оценочных явлений и системы субъективных отношений. Сами глобальные отношения имеют сложную структуру, в самом общем виде они представляют собой комплексные образования, включающие аффективный и когнитивный компоненты.

Таким образом, глобальное отношение – это системное свойство личности, которое имеет оценочную природу, выражается в наиболее обобщенном субъективном отношении к себе или к окружающему миру, включает в себя аффективный и когнитивный компоненты, проявляется через свойства личности, имеющие в своей основе субъективные отношения, интегрально-устойчивые оценочные образования, процессуальные оценки.

Глобальное отношение обладает свойствами, присущими как оценкам (валентностью, интенсивностью), так и субъективным отношениям (субъективностью, обобщенностью, устойчивостью и когерентностью).

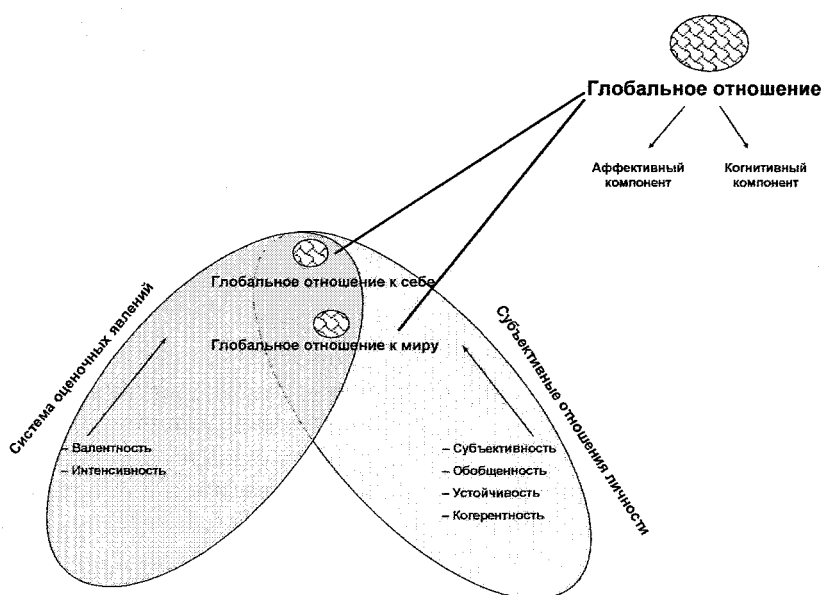
Данная модель является теоретическим основанием для дальнейшего изучения глобальных отношений. На ее основе были разработаны диагностические методики «Глобальный дифференциал – Я» и «Глобальный

дифференциал – мир». Некоторые положения, сформулированные в данной статье, уже нашли свое подтверждение в ходе эмпирических исследований, проведенных с помощью разработанных методик [9, 10, 11]. В частности, доказано, что глобальные отношения – относительно устойчивые свойства личности, в них определенным образом соотносятся аффективный и когнитивный компоненты, глобальные отношения имеют специфические связи с характерологическими и стилевыми особенностями личности. При этом многие соображения, высказанные в данной статье, сформулированы на уровне гипотез.

Последующие шаги в изучении глобальных отношений должны заключаться в изучении их связи с динамическими свойствами личности, способностями, а также с компонентами направленности личности. Целесообразно также эмпирическое изучение закономерностей развития глобальных отношений и их влияния на различные стороны жизни человека.

Литература

1. Адлер, А. *Понять природу человека / А. Адлер.* – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1997. – 251 с.
2. Ананьев, Б.Г. *Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев.* – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
3. Батулин, Н.А. *Оценочная функция психики / Н.А. Батулин.* – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 312 с.

Модель конструктов «глобальное отношение к себе» и «глобальное отношение к миру»

4. Божович, Л.И. *Этапы формирования личности в онтогенезе* / Л.И. Божович // Проблемы формирования личности. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1995. – 352 с.
5. Боулби, Дж. *Создание и разрушение эмоциональных связей* / Дж. Боулби. – М.: Академический Проект, 2004. – 232 с.
6. Венгер, Л.А. *Психология* / Л.А. Венгер, В.С. Мухина. – М.: Просвещение, 1988. – 336 с.
7. *Выбойщик, И.В. Оценочный стиль и его психологическое содержание: дис. ... канд. психол. наук* / И.В. Выбойщик – Челябинск, 2003. – 146 с.
8. *Выготский, Л.С. Кризис семи лет* / Л.С. Выготский // Собр. соч. в 6 т. – Т.4. – М., 1984.
9. Гудкова, Е.В. *Валидизация методик изучения глобальных отношений личности к себе и к миру* / Е.В. Гудкова // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2009. – № 11.2. – С. 33–44.
10. Гудкова, Е.В. *Исследование связи глобальных отношений с другими свойствами личности* / Е.В. Гудкова // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Батурина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Т. 5. – С. 186–197.
11. Гудкова, Е.В. *Специфика глобальных отношений к себе и к миру и стилевые особенности личности* / Е.В. Гудкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 4. – № 5(138). – С. 15–24.
12. Дорфман, Л.Я. *Метаиндивидуальный мир* / Л.Я. Дорфман. – М.: Смысл, 1993. – 456 с.
13. Ильин, Е.П. *Эмоции и чувства* / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
14. Кляйн, М. *Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка* / М. Кляйн // Психоанализ в развитии: сб. пер. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 59–107.
15. *Когнитивная психотерапия расстройств личности* / под ред. А. Бека, А. Фримена. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
16. Колесов, Д.В. *Оценка: психология и прагматика оценки* / Д.В. Колесов. – М.: Изд-во МПСИ, 2006. – 816 с.
17. Кулагина, И.Ю. *Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет)* / И.Ю. Кулагина. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 176 с.
18. Лазурский, А.Ф. *Очерк науки о характерах* / А.Ф. Лазурский. – М.: Наука, 1995. – 271 с.
19. Лисина, М.И. *Общение, личность и психика ребенка* / М.И. Лисина. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 384 с.
20. Ломов, Б.Ф. *Методологические и теоретические проблемы психологии* / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1999. – 350 с.
21. Мерлин, В.С. *Психология индивидуальности* / В.С. Мерлин. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 448 с.
22. Минчев, Б. *Исследования върху оптимизма в съвременната психология.* / Б. Минчев, Р. Стаматов // Приложна психология и социална практика. – В.: Издателство на Варненския свободен университет, 2002. – С. 257–264.
23. Мясищев, В.Н. *Психология отношений* / В.Н. Мясищев. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1998. – 356 с.
24. *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка* / под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
25. Пантилеев, С.Р. *Самоотношение как эмоционально-оценочная система* / С.Р. Пантилеев. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 110 с.
26. Роджерс, К. *Свобода учиться* / К. Роджерс. – М.: Смысл, 2002. – 527 с.
27. Селигман, М. *Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни* / М. Селигман. – М.: Издательство «София», 2006. – 368 с.
28. Столин, В.В. *Самосознание личности* / В.В. Столин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.
29. Тайсон, Ф. *Психоаналитические теории развития* / Ф. Тайсон, Р. Тайсон. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 528 с.
30. Эриксон, Э. *Детство и общество* / Э. Эриксон. – СПб.: Летний сад, 2000. – 415 с.
31. Ясвин, В.А. *Психология отношения к природе* / В.А. Ясвин. – М.: Смысл, 2000. – 456 с.
32. Aidman, E. *Measuring individual differences in implicit self-concept: initial validation of the Self-apperception test* / E. Aidman // Personality and Individual Differences. – 1999. – Vol. 27. – P. 211–228.

33. Cassidy, T. *Social Background, Achievement Motivation, Optimism and Health: A Longitudinal Study* / T. Cassidy // *Counselling Psychol. Quart.* – 2000. – Vol. 13(4). – P. 399–412.
34. Coopersmith, S. *The Antecedents of Self-Esteem* / S. Coopersmith. – San Francisco: W.H. Freeman & Co, 1967.
35. Eshun, S. *Cultural Variations in Hopelessness, Optimism, and Suicidal Ideation: A Study of Ghana and U.S. College Samples* / S. Eshun // *Cross-Cultural Research.* – 1999. – Vol. 33(3). – P. 227–239.
36. Robins, R.W. *Measuring Global Self-Esteem: Construct Validation of a Single-Item Measure* / R.W. Robins, H.M. Hendin, K.H. Trzeniewski // *Personality and Social Psychology Bulletin.* – 2001. – Vol. 27. – P. 151–161.
37. Rosenberg, M. *Society and the adolescent self-image* / M. Rosenberg. – N.J.: Princeton University Press, 1965. – 326 p.
38. Scheier, M.F. *Optimism, Coping and Health: Assessment and Implications of Generalized Outcome Expectancies* / M.F. Scheier, C.S. Carver // *Health Psychology.* – 1985. – Vol. 4. – P. 219–247.
39. Tafarodi, R.W. *Self-liking and self-competence as dimensions of global self-esteem: Initial validation of a measure* / R.W. Tafarodi, W.B. Swann // *Journal of Personality Assessment.* – 1995. – Vol. 65. – P. 322–342.

Поступила в редакцию 15 июня 2010 г.

Гудкова Елена Владимировна. Старший преподаватель кафедры психологии развития Южно-Уральского государственного университета: helen73@yandex.ru.

Elena V. Gudkova. Assistant of professor of Department of Developmental Psychology, South Ural State University: helen73@yandex.ru.

АРХЕТИПЫ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ*

Е.Ю. Зарубко

Описано исследование, посвященное выявлению категориальных структур сознания, корреспондирующих к психической реальности, терминологически обозначенной как архетипы. Образцом для исследования служит эксперимент Е.Ю. Артемьевой. По аналогии с выявленными Е.Ю. Артемьевой перцептивными универсалиями, в данной работе выявлены коммуникативные универсалии, присущие глубинному уровню образа мира, который описывает отношения между людьми.

Ключевые слова: обыденное сознание, архетипы, универсалии.

Современная российская культура находится в состоянии межцивилизационного периода, которому свойственны утрата естественных традиций и норм цивилизации, активный экзистенциальный диалог, формирование новых форм цивилизации [6]. В силу отсутствия четко обозначенных культурных стереотипов поведения каждый получает полную свободу самовыражения и выбора, поиска смысла, что ведет к сложностям в понимании между людьми. Чтобы осуществить коммуникацию, достичь взаимопонимания, развить новые формы культуры, становится необходимым изучать *категории*, которые являются *основополагающими для культуры*. Такие категории служат ориентирами, на основе которых можно выстраивать систему ценностей, смыслов, отношений к миру. К числу таких категорий относится и категория «архетип», которая является обозначением для предельных оснований культуры, наиболее устойчивых, базовых ее первоэлементов [5].

Понятие «архетип» стало предметом исследований в философии (А.А. Брудный, 1983; С. Сендерович, 1997; С.А. Нижников, 2002; Т.И. Вендина, 2007; И.А. Есаулов, 2004), в литературоведении (Е.А. Козицкая, 1995; Ю.М. Доманский 1999; Н.Г. Урванцева, 2005; Иванов, 2004; Т.Г. Бочина). Понятие «архетип» активно используется в прикладных областях психологии: политической психологии (А.А. Андреев, 2002; А. Цуладзе, 2000 и др.); психологии рекламы (Г.Г. Почепцов, 2000; Е.В. Змановская, 2005; А.И. Иващенко 2006 и др.), в организационной психологии

(С. Hodgkinson, 1983; Й. Нойбергер, 2001; Р. Мохнес, 2006).

В *научной психологии термин «архетип» часто обходят стороной, считая его ненаучным понятием*, относящимся скорее к эзотерике, чем к науке. Это справедливое утверждение, так как используя термин «архетип», К.Г. Юнг определял его размыто. В его работах разных лет можно найти различные определения архетипа. Понятие архетипа в большей степени опиралось на культурологический анализ, а психологический статус его в основном декларировался и не подвергался прямому эмпирическому исследованию. В работах последователей К.Г. Юнга расширяется феноменология, описываются все новые и более частные проявления архетипа. Но само понятие архетипа остается нечетким. Исследователи ограничиваются тем, что берут определение архетипа у К.Г. Юнга. Не проводится работа по уточнению самого понятия «архетип». Размытость в определении архетипа приводит к тому, что его используют в псевдонаучных работах эзотерического толка.

Поскольку научная психология не занимается разработкой и уточнением этого термина, то практическому психологу приходится пользоваться работами Юнга семидесятилетней давности. Нельзя игнорировать понятие архетипа, которое *прижилось настолько, что уже порой бездумно воспроизводится* в качестве технологии при проведении тренингов и при создании рекламного образа.

Правда в условиях, когда академическая психология обходит термин «архетип» сторо-

* Исследование поддержано ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, номер контракта П611 от 07.08.2009.

ной, при изучении обыденного сознания *ученые сталкиваются с феноменами*, которые так или иначе оказываются *связанными с понятием «архетип»*. К таковым мы относим исследования, посвященные прототипам (Э. Рош, Дж. Лакофф), инвариантам (А. Вежбицкая), ядерным смыслам (Е.Ю. Артемьева, С.Д. Смирнов, В.В. Петухов).

В настоящей работе сделана попытка описать, как в обыденном сознании категоризируются понятия, описываемые авторами (Е.М. Мелетинский, П. Я. Пропп и др.) как универсальные, общечеловеческие. Мы предполагаем, что обыденное сознание категоризирует понятия так, что это напоминает архетипы. Понятие архетипа, предлагаемое в данной работе, создано на основе литературного анализа и выглядит так: Архетип – это имплицитная модель взаимодействия между универсальными деятелями.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить категориальные структуры сознания, корреспондирующие к психической реальности, терминологически обозначенной как архетипы.

Образцом для исследования послужила работа, проведенная Е.Ю. Артемьевой, посвященная изучению перцептивных универсалий. В этом исследовании респонденты составляли списки слов, описывающих геометрические фигуры. Затем, в обратном эксперименте, другие респонденты по этим спискам свойств должны были нарисовать фигуры. Сходство изначально заданных и воспроизведенных фигур позволило Е.Ю. Артемьевой говорить о существовании таких перцептивных универсалий, присущих глубинному уровню структур субъективного опыта [2]. В нашем исследовании мы также обращаемся к глубинным ядерным структурам, надеясь получить аналоги перцептивных универсалий только в области межличностных отношений. Если такие универсалии существуют, то они могут быть получены в прямом и обратном эксперименте. Прямой эксперимент заключается в том, что респондентам предъявляется название архетипа, респонденты рисуют этот архетип. Обратный эксперимент состоит в том, что респондентам предъявляется рисунок, но не указывается, что именно он иллюстрирует. Респонденты озвучивают содержание рисунка.

Содержательный анализ результатов, полученных на предыдущем этапе исследования в ходе опроса 154 респондентов, позволил выявить ряд архетипов [4]. Были отобраны

архетипы, достаточно содержательные, чтобы быть изображенными в рисунке: Помощь, Агрессор–Жертва, Исцеление, Искушение, Убежище/Дом.

На этапе *прямого эксперимента* группе респондентов (студентов первого курса факультета психологии ТюмГУ, 42 человека) было озвучено название архетипа с указанием персонажей, задействованных в данном архетипе. Предлагалось представить архетип и нарисовать его. В результате прямого эксперимента был получен набор рисунков по каждому архетипу.

Следующим шагом являлась *экспертная оценка* рисунков. Экспертам выступали 6 человек, из них 3 психолога (1 д-р психол. наук, 2 канд психол. наук) и 3 философа (2 канд. философ. наук, 1 д-р философ. наук). Эксперту озвучивался архетип и показывались все рисунки, его иллюстрирующие. Эксперт оценивал, насколько точно выражен в рисунке архетип. Оценка производилась с помощью шкалы от 0 (рисунок совсем не иллюстрирует архетип) до 7 (рисунок очень точно выражает архетип). Баллы, которые эксперты присваивали каждому рисунку, суммировались. Наиболее репрезентативные рисунки получали наибольшую сумму баллов. В итоге по каждому архетипу были отобраны 4 наиболее релевантных рисунка. Отобранные рисунки были переданы профессиональному художнику. Задача художника заключалась том, чтобы осуществить визуальное «сгущение смысла», на их основе составить один рисунок, в котором наиболее четко изображены характерные черты архетипа.

На этапе *обратного эксперимента* респондентами выступали 44 человека, представители различных специальностей. Выборка была выравнена по полу и возрасту. В качестве стимульного материала выступали три рисунка по каждому архетипу: два наиболее информативных рисунка, сделанных респондентами, и один рисунок, выполненный художником. Таким образом, респонденту предъявлялись три рисунка, иллюстрирующие один и тот же архетип. Респондентам необходимо было озвучить содержание каждого рисунка. Ответы были записаны на диктофон, затем были составлены протоколы.

По каждому рисунку были составлены сводные *протоколы*, на которых были зафиксированы высказывания всех респондентов относительно данного рисунка. Всего было составлено 15 таких протоколов по 15 рисункам.

Внутри каждого описания, которое респондент давал рисунку, были *убраны повторы*. Каждый протокол был подвергнут *частотному анализу*. В качестве семантических единиц выступали части речи – существительное, глагол, прилагательное, причастие, наречие, – которые имели самостоятельный смысл. В частотном анализе не учитывались слова, которые не несут самостоятельной смысловой нагрузки: союзы («и», «а»), предлоги, местоимения («мой», «который», «эти»), вводные слова («наверное», «может быть»), вспомогательные глаголы («будут», «были», «являются»).

Рубрики частотного анализа составлялись исходя из определения архетипа, предложенного в данной работе. В качестве рубрик выступают: общее название ситуации взаимодействия («помощь» – существительные, ответ на вопрос «что?»), персонажи/действующие лица (существительные, ответ на вопрос «кто?»), действия персонажа 1, действия персонажа 2 (глаголы). Некоторые рубрики были выделены эмпирически: характеристики персонажа 1, характеристики персонажа 2 (прилагательные и причастия, ответ на вопрос «какой?» – «добрый», «плачущий»), средства (с помощью чего производится действие), желания персонажей («наестся»), характеристика ситуации («домашняя», «депрессивная»).

Сокращение размерности семантических профилей

1. Слова, которые респонденты использовали один раз, описывая рисунок, были объединены с близкими по смыслу словами, которые чаще употреблялись при описании рисунка. Для более точного поиска синонимичных слов был использован словарь синонимов русского языка. Например, при описании одного и того же персонажа характеристика «агрессивный» упоминалась 2 раза, а характеристика «агрессивно настроенный» – 1 раз. В этом случае характеристика «агрессивно настроенный» удаляется из списка, а ее частота суммируется с частотой слова «агрессивный». Таким образом, слово «агрессивный» получило частоту упоминаний – 3.

2. Список слов в каждой рубрике был сокращен. Удалялись слова, редко использовавшиеся респондентами (реже 3 раз). Если между частотами употребления слов был обнаружен большой разрыв, то слова, находящиеся ниже линии разрыва, то есть редко употреблявшиеся, удалялись. Если рубрику

составляли только редко употреблявшиеся слова (с частотами 1 или 2), то такая рубрика исключалась из сводной таблицы.

В результате были получены сводные таблицы, в которых указаны наиболее часто употреблявшиеся слова, описывающие каждый из трех рисунков. Ниже приведены две сводные таблицы, описывающие семантические профили двух архетипов: «Помощь» и «Агрессор–Жертва».

Обсуждение

Как видно из табл. 1, архетип Помощи, заложенный в рисунках, воспроизведен респондентами очень четко, о чем свидетельствует частота слова «Помощь», которое было использовано респондентами при характеристике рисунков. Необходимо подчеркнуть, что частота употребления слова «помощь», полностью совпадающего с названием архетипа, намного превышает частоту сходного по смыслу слова «спасение». Легкость, с которой воспроизводится название архетипа, говорит о том, что в обыденном сознании респондентов присутствует архетип помощи, и этот архетип легко распознается. Слово «спасение» может быть представлено как сходное по смыслу слову «помощь», но, по мнению части респондентов, спасение адресует к другому кругу ситуаций. Когда речь идет о помощи, предполагается, что человек попал в затруднительную, но не безвыходную ситуацию. Говоря о спасении, респонденты подчеркивали, что спасение характерно для ситуаций на грани жизни и смерти.

В соответствии с предложенным определением архетипа как сценария взаимодействия между фигурами (действиями, персонажами), респонденты идентифицировали каждого из нарисованных персонажей.

Называя одного из персонажей, респонденты использовали такие существительные, как «спасатель», «спаситель», «помощник». Другому персонажу были присвоены описательные характеристики «терпящий бедствие», «потерпевший», «спасаемый». Персонажи также описывались через совершаемые ими действия. Один из персонажей «помогает», «спасает», «вытаскивает». Другой персонаж, в свою очередь, «просит», «ждет», «падает». В сознании респондентов, таким образом, выявилась диада персонажей, один из которых явно оказывает помощь, а другой в этой помощи нуждается и принимает её. Стоит отметить, что в качестве средства, с помощью которого производится действие, респонденты

Семантический профиль архетипа «Помощь»

Рубрика	№ рисунка		
	Рисунок 1	Рисунок 2	Рисунок 3
Ситуация взаимодействия	Помощь 36 Спасение 18	Помощь 34 Спасение 17	Помощь 37 Спасение 19
Персонаж 1	Утопающий 5 Спасаемый 5	Рыбак 3 Робинзон Крузо 2	Человек 22
Персонаж 2	Спасатель 10 Спаситель 5 Помощник 4	Спасатель 9 Спаситель 6 Помощник 4 МЧС 2	Спасатель 9 Помощник 5 Спаситель 5 Мама 2
Действия персонажа 1	Падает 6 Забирается 4 Залезть 3 Сорвался 3 Просит 3 Нуждается 2 Попадает (в беду) 2	Ждет 5 Оказывает 4 Спасается 3 Просит 3 Горит 2 Нуждается 2 Ожидает 2 Поест 2 Радуется 2	Просит 4 Упал 4 Попадает 3 Стоит 3 Нуждается 2 Оказался 2 Тянется 2 Ожидает 2
Действия персонажа 2	Помогает 21 Спасает 11 Вытаскивает 4 Протягивает 4 Вытягивает 3 Приходит 3 Дает 2 Идет 2 Поднимает 2 Тянет 2	Спасает 13 Помогает 11 Сбрасывают 10 Скидывает 6 Пришла 4 Не спасает 2 Протягивает 2 Решили 2 Бросают 2	Спасает 13 Помогает 12 Протягивает 9 Нужно 6 Вытаскивает 5 Тянет 3 Вытягивает 2 Подает 2 Оказывает 2
Характеристики персонажа 1	Терпящий (бедст.) 4 Попавший (в беду) 3 Потерпевший 3 Тот, кому нужна помощь 2 Нуждающийся 2 Пострадавший 2	Потерпевший 4 Спасаемый 4 Терпящий 4 Утопающий 3 Нуждающийся 4 Ближний 2 Голодный 2 Голод 2 Попавший 2 Пострадавший 2	Утопающий 6 Потерпевший 4 Спасаемый 4 Терпящий (бед.) 4 Нуждающийся 3 Несчастный 2 Попавший 2 Пострадавший 2
Характеристики персонажа 2	Помогающий 2	Помогающий 2 Спасательный 2 Спасающий 2	Спасающий 3 Помогающий 2
Характеристика ситуации	В беде 5 Бедствие 4 Экстремальная 2	Бедствие 5 Беда 4 Экстремальный 2 Не вижу 2 Положительный 2	Непонятно 9 Не очень понятно 2 Беда 5 Экстремальная 2 Положительный 2
Средства	Рука 9 Веревка 4	Самолет 8 Посылка 7 Гуманитарная 5 Пища 5 Груз 4 Рука 4 Продукты 3	Руки 17

чаще всего называли «руки». Гораздо реже встречаются объекты, которые использует один персонаж для помощи другому – «веревка» и др.

Высокая частота употребления слов, релевантных архетипу Помощи, в описаниях каждого из трех рисунков, говорит о том, что

данный архетип присутствует в обыденном сознании и легко распознается респондентами. Характеризуя результаты контент-анализа в целом по трем рисункам архетипа «Помощь», можно утверждать, что архетип был полностью воспроизведен в описании респондентами рисунков (табл. 2).

Таблица 2

Семантический профиль архетипа «Агрессор – Жертва»

Рубрика	№ рисунка		
	Рисунок 1	Рисунок 2	Рисунок 3
Ситуация взаимодействия	Насилие 10 Нападение 7 Агрессия 6 Охота 6 Жестокость 4 Убийство 4 Борьба 2 Любовь 2 Выживает сильнейший 2 Половой акт 2	Насилие 14 Агрессия 9 Драка 8 Бокс 3 Борьба 3 Нападение 3 Убийство 3 Удар 3 Избиение 3 Угроза 3	Насилие 13 Расстрел 12 Агрессия 9 Жестокость 5 Наказание 5 Убийство 5 Казнь 3 Нападение 3 Угроза 3 Терроризм 3
Персонаж 1	Жертва 15 Бык 16 Корова 11 Буйвол 5 Лось 3	Жертва 14 Женщина 3 Девочка 3 Девушка 3 Сын 3	Жертва 18 Заложники 9 Люди 7 Преступники 6 Человек 5 Мишени 3
Персонаж 2	Тигр 9 Хищник 8 Агрессор 6 Волк 5 Динозавр 3 Леопард 3 Охотник 3	Обидчик 5 Мужчина 5 Агрессор 5 Насильник 3 Злодей 3 Мальчик 2 преступник 3	Агрессор 6 Бандит 4 Палач 4 Террорист 4 Преступник 4 Человек 3 Злодей 3 Носитель закона 3
Действия персонажа 1	Смотрит 3 Гулял 2	Плачет 20 Не слушается 4	
Действия персонажа 2	Нападает 16 Загрызает 3 Убивает 3 Побеждает 3	Бьет 23 Обижает 7 Нападает 2 Утешает 2	Стреляет 8 Убивает 4 Держит под прицелом 4 Угрожает 4 Направляет 3 Расстреливает 3 Навел 3
Характеристики персонажа 1	Страдающий 5 Несчастный 4	Слабый 7 Слезы у него 7 Обиженный 6 Пострадавший 5 Бедный 3 Хороший 3	Связанный 9 Страдающий 4 Слабый 3
Характеристики персонажа 2	Плохой 4 Сильнейший 4 В пятнышках 3 Сверху 3	Нападающий 4 Сильный 4 Плохой 3 Агрессивный 3 Наносящий боль 3 Грустный 2 Доминирующий 2 Нехороший 2	Нападающий 2 Пришлось сделать 2 Доминирующий 2 Плохой 2 Сильный 2
Характеристика ситуации	Непонятный 3	Жестокость 5 Зло 2 Власть 2	
Средства	Когти 3	Палка 7	Пистолет 14 Оружие 6 Под прицелом 3 Ствол 3 Наручники 3
Желания	Съесть 12 Выжить 4		

Данный архетип предполагает наличие двух взаимодействующих фигур, одна из которых – «Жертва», другая – «Преследователь». Архетипическая фигура жертвы была воспроизведена респондентами, описывавшими рисунки. Частота встречаемости слова «Жертва» (от 14 до 18 раз) намного превышает предметно окрашенные названия персонажа – «бык», «корова» (для рисунка 1), «женщина», «девочка» (для рисунка 2), «заложники», «преступники» (для рисунка 3). Описывая рисунок 1, респонденты интерпретировали «жертву» как травоядное животное. Обращаясь к рисунку 2, многие респонденты называли в качестве страдающего персонажа человека женского пола – «женщина», «девочка», «девушка». Причем персонаж рисунка 2 не имеет внешних признаков, которые позволяли бы отнести его именно к женскому полу. Скорее всего, в обыденном сознании респондентов жертва – это, прежде всего, женщина. Возможно, в обыденном сознании существуют культурные, цивилизационные шаблоны, ставшие стереотипами, которые восходят ко времени, когда женщина занимала подчиненное положение по отношению к мужчине. Характеризуя третий рисунок, респонденты также наиболее часто называли персонажа жертвой, другим вариантом были «заложники» или «преступники», ожидающие наказания.

Другой персонаж был интерпретирован респондентами как «хищник», «агрессор», «обидчик». Персонаж рисунка 1 описывался как хищное животное, которое нападает на травоядное животное, не в силу неприязни к нему, а ради выживания. Персонаж рисунка 2 уже интерпретировался как обидчик, злодей, то есть деятель, намеренно причиняющий другому персонажу вред. Еще более ярко был описан персонаж рисунка 3: это не просто «агрессор», это «бандит», «палач», «террорист» – человек, чья жестокость по отношению к другому персонажу является чрезмерной и нарушающей общественные нормы. Хотя, в трех случаях респонденты предположили, что в качестве агрессора выступает представитель правоохранительных органов, который выполняет свой долг.

Один персонаж характеризуется как «страдающий», «несчастный», «слабый», «связанный». Другой персонаж имеет кардинально отличающиеся характеристики: «нападающий», «сильный», «плохой». Актуализация подобных характеристик в сознании респондентов также говорит о том, что рес-

понденты улавливают различия между персонажами: один из них является страдающим (жертвой), другой – нападающим (агрессором). Стоит также отметить, что «страдающий» персонаж часто характеризуется как «хороший», а «нападающий» – как плохой. Возможно, это связано с особенностями российского менталитета – склонностью терпеть, смиряться [1, 3].

Ситуация наиболее часто описывалась респондентами как «насилие». Название ситуации, содержательно близкое названию архетипа – «нападение» – также встречалось достаточно часто. Чаще всего это слово использовалось применительно к рисунку, на котором изображены животные. В целом респонденты использовали слова, сходные по смыслу с содержанием архетипа: «агрессия», «жестокость», «драка» и т.д. интерпретируя рисунок с животными, респонденты также предположили, что персонажей помимо отношений агрессии связывают и любовные отношения. Такая характеристика вполне отвечает психоаналитической теории З. Фрейда, согласно которой активность человека определяется инстинктами. Основными из них являются Эрос, инстинкты жизни, служащие для сохранения и размножения вида, и Танатос, инстинкты смерти, лежащие в основе жестокости, агрессии [8].

Необходимо также отметить, что если в архетипе «помощь» в качестве средства реализации действия выступают руки, то в архетипе «нападение» действие опосредуется другими предметами, в качестве которых выступают «палка», «пистолет», «оружие». Различные названия оружия, с помощью которого осуществляется акт агрессии, дают информацию только о предметных подробностях ситуации. Но акцент не на руку, держащую оружие (и фактически осуществляющую акт агрессии), а на само оружие отнюдь не случаен и восходит к архаическим представлениям. Оружие часто воспринималось как имеющее душу, свой характер, обладающее именем [7].

Характеризуя ответы респондентов по трем рисункам в целом, необходимо отметить, что респонденты воспроизвели в своих ответах архетип Нападения, предполагающий взаимодействие Жертвы и Агрессора.

Частотный анализ протоколов по другим архетипам (Исцеление, Искушение, Убежище/Дом) указывает, что архетип, заложенный в рисунках, с легкостью воспроизводится респондентами, о чем свидетельствует высокая

частота слов, прямо отсылающих к названию архетипа. В обратном эксперименте, таким образом, был восстановлен перечень архетипов.

В эксперименте, проведенном Е.Ю. Артемьевой, были выявлены перцептивные универсалии, присущие глубинным структурам образа мира и характеризующие восприятие в целом. В нашем исследовании, по аналогии с исследованием Е.Ю. Артемьевой, были получены коммуникативные универсалии, категории высокого уровня обобщения, характеризующие отношения между людьми. Подводя итог, мы можем констатировать, что фрагмент образа мира, описывающий отношения между людьми, также имеет глубинную структуру, содержит в себе коммуникативные универсалии, которые можно обозначить как архетипы. Понятие архетип, таким образом, оказывается демистифицированным.

Выводы. Высокая частота появления слов, прямо совпадающих и близких по смыслу названиям архетипов, заложенных в рисунки, говорит о том, что в обыденном сознании существуют архетипы, представляющие собой сценарии взаимодействия между персонажами. Эти архетипы, как было показано в обратном эксперименте, с легкостью воспроизводятся респондентами. Таким образом, в исследовании проверено предположение о том, что в обыденном сознании существуют категориальные структуры, которые соотно-

симы с понятием «архетип». Следовательно, предложенное определение архетипа может служить эффективным инструментом работы с обыденным сознанием.

Литература

1. Андреев, А.А. *Политическая психология* / А.А. Андреев. – М.: *Весь Мир*, 2002. – 240 с.
2. Артемьева, Е.Ю. *Психология субъективной семантики* / Е.Ю. Артемьева. – М.: *ЛКИ*, 2007. – 136 с.
3. Вьюнов, Ю.А. *Русский культурный архетип. Страноведение России* / Ю.А. Вьюнов. – М.: *Наука: Флинта*, 2005. – 480 с.
4. Доценко, Е.Л. *ИмPLICITные семантические поля архетипов* / Е.Л. Доценко, Е.Ю. Зарубко // *Вестник Тюменского государственного университета*. – 2008. – №5. – С. 111–117.
5. Колчанова, Е.А. *«Архетип» как категория философии культуры: дис. ... канд. философ. наук* / Е.А. Колчанова. – Тюмень, 2006. – 160 с.
6. Павлов, А.В. *О средообразующей роли отдельно стоящего дерева (к проблеме межкультурного периода)* / А.В. Павлов // *Взаимопонимание культур*. – Тюмень, 1998. – Вып. 1. – С. 1–19.
7. Пропт, В.Я. *Морфология сказки* / В.Я. Пропт. – М.: *Лабиринт*, 1998. – 512 с.
8. Хьелл, Л. *Теории личности* / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: *Питер*, 2003. – 608 с.

Поступила в редакцию 29 июня 2010 г.

Елена Юрьевна Зарубко. Преподаватель кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета: arslonga13@yandex.ru.

Elena Yu. Zarubko. Assistant of professor, Department of General and Social Psychology, Tyumen State University: arslonga13@yandex.ru.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Т.В. Наливайко, З.А. Шакурова

Представлены результаты эмпирического исследования места жизнестойкости в структуре социально-психологических свойств личности студентов разной профессиональной направленности и разного пола. На основе результатов факторного анализа делается вывод, что жизнестойкость в структуре личности студента определяется как паттерн обусловленных сложившимся опытом деятельности регуляторных процессов и внутреннего согласия с собой и зависит от половых и социально-демографических факторов.

Ключевые слова: жизнестойкость, стилевые особенности саморегуляции, самоотношение, смысложизненные ориентации, структура социально-психологических свойств личности.

Важную роль в личностном, социальном и профессиональном развитии студента играет жизнестойкость как способность преодолевать кризисные ситуации. Студенческая пора приходится на возрастной этап юношества или ранней зрелости, когда личность выходит на уровень смысловой саморегуляции, которая определяет особенности развития жизнестойкости данного возрастного периода.

Чрезвычайно продуктивной при рассмотрении проблемы переживания кризисных ситуаций является концепция жизнестойкости С. Мадди. **Жизнестойкость** – система убеждений человека о себе, мире и отношениях с ним, позволяющая воспринимать события как менее травматические и успешно справляться с ними. Это особое личностное качество, паттерн структуры установок и навыков, который помогает превратить изменения, происходящие с человеком, в его возможности [1–3, 5, 8, 9].

Жизнестойкость включает в себя два компонента: жизнестойкое поведение и жизнестойкое отношение. Жизнестойкое поведение предполагает активное преодоление кризисных ситуаций, мобилизацию сил, избегание крайностей, ориентацию на сохранение собственного здоровья, личностных ресурсов [2, 8]. Мадди рассматривает открытый им феномен достаточно широко, включая его в контекст социальной экологии, считая, что это качество является основой жизнестойкости не только индивидуальной, но и организационной. Развитие личностных установок, включаемых им в понятие «hardiness» или жизнестойкость,

может стать основой для более позитивного мироощущения человека, повышения качества жизни, превращения препятствий и стрессов в источник роста и развития [9]. Поэтому на основе анализа теоретического материала мы можем сделать вывод, что речь в изложенных концепциях идет не о разных подходах к проблеме психологической устойчивости и жизнестойкости человека, а о разных уровнях анализа этого процесса: от адаптации к самодетерминации и реализации своего жизненного предназначения. В практическом плане это дает нам основание для исследования связи жизнестойкости с ценностно-смысловой сферой личности и, в частности, со смысложизненными ориентациями как высшим уровнем самореализации личности, а также со стилевой саморегуляцией и самоотношением [5]. Жизнестойкость студента при переживании кризисного события проявляется в снижении значимости события, в вовлеченности в решение проблемы, извлечения опыта из событий при отсутствии гарантий успеха.

Цель данной работы – определить особенности образования жизнестойкости в структуре социально-психологических свойств личности студентов разной профессиональной направленности и разного пола.

Организация и методы исследования

В нашем исследовании были использованы: опросник жизнестойкости С. Мадди (адаптация авторов статьи [7]), тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева

ва, методика исследования самоотношения (МИС) Р.С. Пантеева [6] и тест «Стилевые особенности саморегуляции поведения» (ССП-98) В.И. Моросановой (всего 20 показателей) [4]. В качестве респондентов выступили представители крупного мегаполиса Челябинска и небольшого промышленного города Аши, всего 332 человека. Результаты обследования испытуемых подверглись факторному анализу (факторные нагрузки определялись после варимакс-вращения).

Обсуждение результатов исследования

Факторный анализ структуры личности студентов, проживающих в малом (г. Аша, Челябинская область) и большом (г. Челябинск) городах и имеющих разную профессиональную направленность (студенты Ашинского филиала ЮУрГУ имеют техническую направленность, а студенты ЮУрГУ – экономико-управленческую), выявил различия в структуре взаимосвязей жизнестойкости со свойствами личности. В обеих группах студентов выделено по 4 фактора, определяющих структуру личности студентов (табл. 1).

В группе ашинских студентов, обучающихся на технических специальностях, эти

факторы следующие. *Первый фактор* обозначен как «*Ценность собственного смысла жизни*» (23 %), в него с высокими значимыми весами вошли шкалы смысложизненных ориентаций, *второй фактор* «*Самостоятельные регуляторные процессы*» (10 %) образован общим уровнем стилевой регуляторики (0,766), планированием (0,665), программированием (0,665), самостоятельностью (0,453). *Третий фактор* определен как «*Оценивающее самоотношение*» (14 %), в него, кроме всех шкал самоотношения, входит оценка результатов (0,584). *Четвертый фактор* «*Моделирующая жизнестойкость*» (13%), в него вошли моделирование (0,915), общий уровень стилевой саморегуляции (0,602), оценка результатов (0,571), внутренняя конфликтность (-0,511), гибкость (0,480), жизнестойкость (0,427). Здесь проявились деятельностная и психологическая составляющие жизнестойкости, три показателя характеризуют процессуальные стороны стилей поведения, гибкость и внутренняя конфликтность определяют ее психологические характеристики.

То, что ЖС у данной выборки не образовала общий фактор со смысложизненными

Таблица 1
Результаты факторного анализа структуры личности студентов технической направленности, проживающих в малом городе (n=74)

Показатель	Факторы			
	1	2	3	4
СЖО-ОУ	0,946			
Щ	0,800			
ПП	0,728			
ППР	0,757			
IVЛК-Я	0,829			
ВЛК-ж	0,808			
МИС-ОУ			0,923	
ЮС			0,631	
ПСЦ			0,555	
ШСП			0,664	
IVBK			-0,409	-0,511
VCO			-0,569	
ЖС				0,427
Пл		0,665		
М				0,915
Пр		0,665		
ОР			0,584	0,571
Г				0,480
С		0,453		
ССП-ОУ		0,766		0,602
Собственные значения	4,68	1,91	2,86	2,65
Доля общей дисперсии	23 %	10 %	14 %	13 %

Примечание: жирным шрифтом выделены нагрузки по модулю большие 0,5. Нагрузки, не указанные в таблице, не превышают по модулю величины 0,2.

Общая психология, психология личности, история психологии

ориентациями, свидетельствует о недостаточно сформированной ценностно-смысловой сферы личности студентов, проживающих и обучающихся в малом городе.

У студентов экономико-управленческой направленности г. Челябинска – несколько иные факторы, связанные со смысложизненными ориентациями, самоотношением и стилевой саморегуляцией поведения (табл. 2). *Первый фактор* определен как «*Гибкое самоотношение*» (20 %), так как в него вошли: показатель общего уровня самоотношения (0,928), отраженного самоотношения (0,838), самообвинение (–0,769), самооценność (0,736), внутренняя конфликтность (–0,603), самопринятие (0,558), гибкость (0,424). Во втором случае жизнестойкость образовала общий фактор (*второй*) со смысложизненными ориентациями, который можно обозначить как «*Осмысленная жизнестойкость*» (23 %). Его подробный состав: общий уровень развития смысложизненных ориентаций (0,962), результат жизни «Шсжо» (0,842), локус контроля-Я «IVсжо» (0,812), локус контроля-жизнь «Vсжо» (0,801), процесс жизни «Псжо» (0,795), цель в жизни «Iсжо» (0,740), жизнестойкость (0,418). *Третий фактор* – «*Стилевая саморегуляция*» (23 %), в него вошли шесть из семи

показателей стилевой саморегуляции поведения: общий уровень стилевой регуляторики (0,932), планирование (0,714), оценка результатов (0,709) программирование (0,621), моделирование (0,589), гибкость (0,483). *Четвертый фактор* «*Конфликтная самостоятельность*» (5 %) объединил самостоятельность (0,502) как показатель личностной регуляторики и внутреннюю конфликтность (0,467).

Таким образом, проявления жизнестойкости студентами, обучающимися в большом городе на престижных специальностях, будут определяться паттерном волевых установок личности, связанных с осознанием собственной ответственности за все с ней происходящее, стратегических навыков (возможностью и умением строить жизненную перспективу), удовлетворенностью собственной самореализацией. Что и составляет различие в социальной зрелости студентов двух городов.

Проявления жизнестойкости студентами, обучающимися в малом городе и на технических специальностях, связаны с установками самореализации в настоящем, тактическими навыками применения стилевой саморегуляции для решения актуальных проблем и ситуаций.

Факторный анализ структуры личности

Таблица 2
Результаты факторного анализа структуры личности студентов экономико-управленческой направленности, проживающих в большом городе (n=163)

Показатель	Факторы			
	1	2	3	4
СЖО-ОУ		0,962		
Щ		0,740		
ШП		0,795		
ШР		0,842		
IVЛК-Я		0,812		
VЛК-ж		0,801		
МИС-ОУ	0,928			
ЮС	0,838			
ИСС	0,736			
ШСП	0,558			
IVВК	–0,603			0,467
VСО	–0,769			
ЖС		0,418		
Пл			0,714	
М			0,589	
Пр			0,621	
ОР			0,709	
Г	0,424		0,483	
С				0,502
ССП-ОУ			0,932	
Собственные значения	4,05	4,64	3,45	0,96
Доля общей дисперсии	20 %	23 %	17 %	5 %

представителей мужского и женского пола показал четкие различия в структуре взаимосвязей жизнестойкости со свойствами личности в зависимости от пола (табл. 3–4).

У мужчин (табл. 3) выделилась четырехфакторная структура личности: *первый фактор «Осмысленная жизнестойкость»* (23 %), *второй фактор «Самоотношение»* (17 %), *третий и четвертый факторы* связаны со стилевой саморегуляторикой: *«Планирование и программирование»* (10 %) и *«Гибкое моделирование»* (11 %). Жизнестойкость у мужчин образует общий фактор со смысло-жизненными ориентациями, из которых имеют большую факторную нагрузку показатели локуса контроля, они и определяют ее проявления. В таком случае определять жизнестойкость для мужчин будет паттерн волевых установок личности, связанных с осознанием собственной ответственности за все с ней происходящее, общей системой осмысления жизни, целеполагания.

У представительниц женского пола (табл. 4) при факторном анализе структуры взаимосвязей жизнестойкости со свойствами личности выделилась трехфакторная модель структуры личности, демонстрирующая четкое наполнение факторов слагающими примененных методик: *первый фактор «Цен-*

ность собственного смысла жизни» (24 %), *второй фактор «Жизнестойкое самоотношение»* (21 %), *третий фактор «Стилевая саморегуляция жизни»* (14 %). Как явствует из названия, жизнестойкость образует общий фактор с самоотношением, где большие веса имеют общее хорошее самоотношение, позитивный эмоциональный фон по отношению к себе, отсутствие самообвинений, отраженная саморефлексия.

Студентка будет жизнестойкой, если у нее преобладает положительное представление о том, как она выглядит в глазах окружающих, если она внутренне уравновешена и невозмутима, не страдает интрапунитивностью. В этом случае определять жизнестойкость для женщин будет паттерн самооценочных свойств личности, самоосознания и самоотношения.

Заключение

Жизнестойкость представляет собой личностное качество, позволяющее воспринимать кризисные события как менее травматичные за счет активной личной позиции, осознания собственной возможности преодолеть психологический кризис, положительной переоценки события с акцентированием внимания на личностном росте. Жизнестойкое отношение

Таблица 3
Результаты факторного анализа структуры личности студентов мужского пола (n=143)

Показатель	Факторы			
	1	2	3	4
СЖО-ОУ	0,957			
Щ	0,726			
ШП	0,764			
ШР	0,752			
IVЛК-Я	0,809			
VЛК-ж	0,797			
МИС-ОУ			0,918	
ЮС			0,722	
ПСЦ			0,664	
ШСП			0,515	
IVBK			-0,586	
VCO			-0,700	
ЖС	0,407			
Пл		0,697		
М				0,910
Пр		0,696		
ОР				0,538
Г				0,508
С				
ССП-ОУ		0,734		0,604
Собственные значения	4,55	1,93	3,46	2,28
Доля общей дисперсии	23 %	10 %	17 %	11 %

Таблица 4
Результаты факторного анализа структуры личности студентов женского пола (n=189)

Показатель	Факторы		
	1	2	3
СЖО-ОУ	0,951		
Щ	0,789		
ПП	0,798		
ППР	0,824		
IVЛК-Я	0,834		
VLK-ж	0,795		
МИС-ОУ		0,954	
ЮС		0,747	
ПСЦ		0,708	
ШСП		0,511	
IVBK		-0,715	
VCO		-0,802	
ЖС		0,471	
Пл			0,619
М			0,430
Пр			0,633
ОР			0,657
Г			0,400
С			
ССП-ОУ			0,920
Собственные значения	4,82	4,24	2,72
Доля общей дисперсии	24%	21%	14%

студента проявляется в снижении значимости кризисного события, вовлеченности в решение проблемы при отсутствии гарантий успеха, в извлечении положительного опыта из кризисной ситуации.

Результаты факторного анализа служат еще одним доказательством социального характера жизнестойкости, зависимости ее взаимосвязей со свойствами личности от половых и социально-демографических факторов. В обобщенной структуре личности проявления жизнестойкости определяет паттерн обусловленных сложившимся опытом деятельности регуляторных процессов, гибкости как ведущего регуляторно-личностного свойства и внутреннего согласия с собой как основного свойства самоотношения. Жизнестойкость в структуре личности студента технической направленности, проживающего в малом городе, определяется установками самореализации в настоящем, тактическими навыками применения стилевой саморегуляции для решения актуальных проблем и ситуаций. Жизнестойкость студентов, обучающихся в большом городе на престижных специальностях, определяется паттерном волевых установок личности, стратегических навыков (возможностью и умением строить жизненную перспективу), удовлетворенностью соб-

ственной самореализацией. Жизнестойкость женщин – паттерн самооценочных свойств личности, самоосознания и самоотношения, для мужчин она связана с системой осмысления жизни, целеполагания.

Литература

1. Леонтьев, Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1993. – 16 с.
2. Мадди, Сальвадоре Р. Смыслообразование в процессе принятия решений / Сальвадоре Р. Мадди // Психол. журн. – 2005. – № 6. – Т. 26. – С. 87–101.
3. Мадди, Сальвадоре Р. Теории личности: сравнительный анализ: пер. с англ. / Сальвадоре Р. Мадди. – СПб., 2002. – 567 с.
4. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Психолог. журн. – 1995. – Т. 16 – № 4.
5. Наливайко, Т.В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т.В. Наливайко / Ярославль: Ярослав. гос. ун-т им. П.М. Демидова, 2006. – 27 с.
6. Пантилеев, С.Р. Методика исследования самоотношения / С.Р. Пантилеев. – М.: Смысл, 1993. – 32 с.

7. Шакурова, З.А. Адаптация опросника жизнестойкости С. Мадди / З.А. Шакурова, Т.В. Наливайко // Человек как субъект социально-экономического развития общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., 26–27 мая 2005 г. – Челябинск, 2005. – С. 74–76.

8. Maddi, S.R. *The hardy executive: Health under stress* / S.R. Maddi, S.C. Kobasa. – Homewood, IL: Dow Jones-Irwin, 1984.

9. Maddi, S.R. *Hardiness training at Illinois Bell Telephone* / S.R. Maddi // In J. Opatz (Ed.) *Health promotion evaluation*, 1987. – P. 101–115.

Поступила в редакцию 5 июля 2010 г.

Наливайко Татьяна Викторовна. Кандидат психологических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета, г. Аша: 8(351)2679056.

Tatyana V. Nalivaiko. Candidate of psychological sciences, docent of South Ural State University, Asha: 8(351)2679056.

Шакурова Зинаида Александровна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679056.

Zinaida A. Shakurova. Candidate of psychological sciences, docent of Department «Applied psychology», South Ural State University: 8(351)2679056.

Социальная психология

УДК 159.944.3
ББК Ю 941.1

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

И.М. Марковская, А.Я. Черепанова

В период экономического кризиса особенно актуальна задача сохранения мотивации и приверженности персонала. Цель исследования – изучить динамику приверженности сотрудников, зафиксировать изменения в устойчивости иерархии мотивов, произошедшие за полгода существования экономического кризиса. Выявлены различия в мотивации руководителей, специалистов и рабочих. Используется подход «три вида приверженности»: нормативная, текущая и эмоциональная. Применяется новая методика диагностики трудовой мотивации, разработанная на кафедре социальной психологии ЮУрГУ.

Ключевые слова: приверженность, мотивация, иерархия мотивов, потребности, диагностика трудовой мотивации, условия труда.

Введение

На протяжении двух последних десятилетий в зарубежной науке сложилась устойчивая традиция изучения состояния персонала, вопросов мотивации, отношения к работодателю. Ежегодно публикуется множество исследований, связанных с лояльностью, удовлетворенностью работой, вовлеченностью персонала, трудовой мотивацией [5, 6, 11, 13, 16]. Заново пересматривается влияние психологических особенностей человека на экономические результаты компаний. Беспрецедентен тот факт, что Дэниалу Канеману (Daniel Kahneman), профессору психологии Принстонского университета, была вручена Нобелевская премия по экономике (2002) за построение модели поведения человека, отличной от классической модели Homo economicus и более точно отражающей особенности принятия решений [1]. К сожалению, в отечественной науке примеров подобного рода исследований пока недостаточно. При этом очевидно, что выводы, полученные в западных исследованиях, далеко не всегда могут быть применены к российской действительности. Это связано с различиями в уровне развития экономической и политической системы, трудового сознания, особенностями протекания кризиса в нашей стране и т. д.

Современная ситуация экономического кризиса заставляет по-новому взглянуть на взаимодействие работодателей и сотрудников,

переоценить некоторые сложившиеся процессы управления трудовой деятельностью. В электронных публикациях в области управления персоналом, на наш взгляд, повысилась активность в обсуждении тем повышения мотивации, лояльности к компаниям, часто дискуссии сопровождаются предложениями по структурной перестройке системы стимулирования и оценки результативности, повышения производительности труда персонала и т. д. По данным исследования Группы компаний «Институт Тренинга – АРБ Про» (2009), большинство руководителей из принявших участие в опросе 180 компаний на первое место в управлении человеческими ресурсами поставили задачу сохранения «ключевых» специалистов, на второе – повышение качества кадрового состава и на третье – сохранение лояльности сотрудников [14]. Кадровая политика компаний в ситуации кризиса меняется: сокращение штатов провели 61 % компаний, участвовавших в исследовании. Причем, чаще сокращали «рядовой» и вспомогательный персонал. Меньше всего сокращения затронули руководителей высшего звена и ключевых специалистов [9].

Проблемы, которые возникают из-за снижения доходов организации, способствуют снижению благосостояния сотрудников. Требования к работе часто ужесточаются, и нетрудно догадаться, что отношение к компании-работодателю со стороны конкретных

людей может меняться в худшую сторону. Зачастую этому способствует и информационная закрытость управляющего звена организации, неготовность открыто обсуждать возникающие проблемы. Однако изменения в отношении работника к организации возможны как в отрицательную, так и в положительную сторону. Действия, предпринятые менеджментом компании для преодоления кризиса, могут как повысить, так и понизить уровень мотивации включенных в трудовые отношения людей. Например, сотрудники компаний, почувствовав доверие к ним со стороны руководства, могут активно включиться в преобразование, внедрение новых форм работы. Некоторые активно работающие компании рассматривают кризис как возможность оптимизации бизнес-процессов и внедрения инноваций. Так или иначе, происходящий в экономике кризис, усиление роли человека в успехе компаний обуславливают новый взгляд на проблемы мотивации персонала и требуют своего разнопланового социально-психологического анализа.

Проблема стабилизации персонала тесно связана с сохранением приверженности сотрудников, в данном исследовании намеренно используется термин приверженность, а не лояльность, поскольку понятие «лояльность» в российской действительности часто ассоциируется с этическим компонентом поведения сотрудников (честность, готовность следовать стандартам и т.д.). В самом общем виде приверженность рассматривается как совокупность установок сотрудника относительно его дальнейшего пребывания в компании. В отечественной науке можно найти примеры исследований приверженности (лояльности) в работах Л.Г. Почебут, М.А. Соловьевой, Д.С. Витмана, В.И. Доминьяк, С.В. Голубкова и т.д. [2–4, 10, 12]. Однако несмотря на очевидную значимость проблемы приверженность, эта тема остается мало разработанной в теоретическом и практическом плане. В исследовании использован подход А. Мейера и Н. Аллен, которые предложили рассматривать три вида приверженности: эмоциональная, нормативная и текущая [15], и создали методику для измерения этих трех видов приверженности – Organizational Commitment Scale (OCS – Шкала Приверженности Организации). Данная методика была адаптирована и использована в диссертации Д.С. Витмана. Эмоциональная приверженность включает в себя эмоциональную привязанность к организации, самоидентифи-

кацию с организацией и вовлеченность в ее дела и проблемы. Сотрудники с сильной эмоциональной приверженностью остаются в организации, потому что они этого хотят. Текущая приверженность связана с пониманием тех потерь, которые вызовет уход из организации; эта приверженность возникла по привычке и часто напрямую связана со стажем работы сотрудника. Нормативная приверженность связана с обязательствами работника оставаться в данной организации, с чувством долга, обещанной преданностью. В.И. Доминьяк [4] утверждает, что приверженность в значительной степени определяется мотивационной сферой сотрудника и тем, насколько реализованы его ожидания от организации, точнее, как он оценивает возможности их реализации. М.И. Магура и М.Б. Курбатова [7] выделяют две группы факторов, влияющих на формирование приверженности: индивидуальные особенности работников и основные характеристики работы и рабочей среды.

Организация и методы исследования

В этой статье представлены результаты исследования, проведенного на одном из промышленных предприятий Урала. Предметом экспериментального исследования стали особенности трудовой мотивации работников и их приверженность предприятию. Наиболее активно различные социально-психологические феномены трудовой активности, в том числе и вопросы мотивации, изучались в масштабных социологических проектах, выполненных в советской науке под руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова, А.А. Русалиновой [12]. Анализ удовлетворенности трудом, мотивационных предпочтений имеет свои традиции в рамках отечественной социальной психологии (Е.П. Ильин, А.Л. Журавлев, А.Л. Свенцицкий и т.д.). При этом под мотивацией трудовой деятельности понимается весь комплекс факторов, направляющих и побуждающих трудовую деятельность человека (Е.П. Ильин, 2000, А.Л. Свенцицкий, 1999, Г.В. Суходольский, 2004, П.М. Якобсон, 1969). В качестве основного инструментария мы использовали две методики. Первая – «Диагностика трудовой мотивации» Н.Н. Мельниковой и Д.М. Полева (2008), созданная на кафедре социальной психологии ЮУрГУ, и вторая – Organizational Commitment Scale (OCS – Шкала Приверженности Организации), авторы методики А. Мейер и Н. Аллен. Помимо этого с респондентами проводилось полу-

стандартизированное интервью с целью прояснить причины неудовлетворенности трудовыми отношениями и условиями работы.

Методика «Диагностика трудовой мотивации» (ДТМ) предназначена для исследования структуры мотивации, актуализирующейся в условиях различных видов деятельности, представляет собой вариант последовательного выбора из предлагаемых альтернатив. Результаты исследования позволяют получить данные по шести типам потребностей структуры трудовой мотивации: условия труда, общение, карьерный рост, самоактуализация в профессии, социальная защищенность и личностная безопасность. Представленный перечень потребностей был получен эмпирически в результате систематизации данных глубинного интервью, проведенного с сотрудниками разных организаций. Надежность выбора повышается за счёт использования 4 проб (4 параллельных формы утверждений). Устойчивость системы мотивов определяется на основании оценки согласованности ранжирования в 4 пробах. Кроме того, устойчивость иерархии мотивов является одним из наиболее интересных и информативных показателей теста. Методика прошла полную психометрическую проверку. Данные по практическому использованию методики, оценке её надёжности и валидности позволяют говорить о достаточно высоком прогностическом потенциале методики в русле решения практических задач, стоящих перед организационной психологией [8]. Методика ДТМ выявляет не только ведущие и игнорируемые потребности профессиональной деятельности, но и степень согласованности выборов по тем или иным мотивам профессиональной деятельности. Коэффициент конкордации (W) позволяет сделать выводы о степени устойчивости иерархии мотивов.

Исследование проводилось в два этапа: первый – в марте 2009 г., второй – в ноябре 2009 г. Выборка была представлена руководителями среднего и высшего звена, специалистами и рабочими предприятия, занятого химическим производством. Выборку составили 90 человек. На первом этапе опрошено 90 человек. В том числе 15 руководителей, 17 специалистов, 58 человек рабочих специальностей. На втором этапе опрошено 88 человек: 15 руководителей, 16 специалистов, 57 человек рабочих специальностей.

Первоначально целью исследования было зарегистрировать сдвиги в мотивации и при-

верженности, которые могут произойти в результате позитивных изменений в области политики управления человеческими ресурсами. Однако в силу ряда обстоятельств эти изменения не были осуществлены. С марта по ноябрь 2009 г. проводился целый ряд антикризисных мероприятий. За этот период в три раза был увеличен объем выпускаемой продукции на изучаемом нами вредном производстве. Это связано и с падением спроса в другой отрасли, к которой также относится многопрофильное предприятие, и с выросшим спросом на отечественную продукцию, более приемлемую по цене для падающей металлургической отрасли. Большинство мероприятий были направлены на увеличение объема производства, но при этом оборудование оставалось прежним. В связи с этим на предприятии ухудшилась экологическая обстановка рабочего места. В дальнейшем это повлияло на отношение сотрудников к деятельности Компании. В период исследования руководителем отдела персонала были отмечены рост заболеваемости среди сотрудников наряду со снижением ответственности к выполняемой работе.

Одной из научных задач исследования было изучение взаимосвязи между мотивами трудовой деятельности и отдельными видами приверженности (эмоциональная, нормативная и текущая). Для определения статистической значимости различий использовался Т-критерий Стьюдента. В рамках данной работы ставилась еще одна задача – установить взаимосвязи между отдельными компонентами приверженности и трудовой мотивацией с помощью корреляционного анализа по Пирсону.

Результаты исследования

Первой задачей исследования было выявление различий в уровне приверженности сотрудников до и после проведения антикризисных мероприятий. В табл. 1 представлены показатели нормативной, текущей и эмоциональной приверженности сотрудников предприятия.

Наблюдается статистически достоверное снижение нормативной приверженности. Гипотетически предполагать, что повышенные требования к производительности без улучшения условий труда, ухудшение экологии рабочего места, привели к такому результату. Показатели по текущей приверженности сохранились на прежнем уровне. Возможно, это связано с трудностями трудоустройства при потере рабочего места. Промышленность

Урала переживает в настоящее время не лучшие времена, и субъективная оценка вероятности нахождения рабочего места влияет на устойчивость показателей текущей приверженности. Наибольшие изменения произошли в нормативной приверженности, которая связана с чувством долга и ответственностью перед компанией. Показатели по шкале эмоциональной приверженности в группах специалистов и руководителей остались на прежнем уровне (табл. 2). Негативная динамика в нормативной приверженности фиксируется во всех группах опрошенных: руководителей, специалистов и рабочих. Эмоциональная же приверженность на достоверном уровне значимости снизилась только в группе рабочих. Возможно, что реализация нововведений, связанных с повышением производительности без улучшения условий работы, сопровождающаяся недостаточным информированием и пренебрежением к нуждам рабочих, привели к подобным результатам.

Столь резкая негативная динамика эмоциональной приверженности рабочих, возможно, объясняется и особенностями их мотивации. Хорошие условия труда для рабочих в марте 2009 года составляли основу их трудовой мотивации (табл. 3).

Отсутствие позитивных изменений в условиях труда наряду с возросшей напряженностью труда (увеличены объемы производства при той же численности), привело к падению нормативной и эмоциональной приверженности. В интервью как рабочие, так и специалисты активно высказывали

свою неудовлетворенность сложившейся ситуацией, отсутствием необходимых санитарно-гигиенических условий, устаревшим оборудованием, ухудшением экологических параметров (задымленность воздуха, едкий запах). Известно, что вредные или опасные для здоровья условия труда снижают уровень удовлетворенности деятельностью, пропадает интерес к совершенствованию своего профессионального мастерства. Вместе с тем, поскольку специалисты в меньшей степени связаны с необходимостью находиться целый день в тяжелых производственных условиях, на их отношение к компании такое изменение не сказалось.

В табл. 3 не приводятся данные второго среза, так как обнаружены значимые изменения в устойчивости мотивов при повторном исследовании (табл. 4), в связи с этим усредненные данные не могут быть взяты за основание для дальнейших выводов. Отмечается отчетливая тенденция во всех группах на снижение устойчивости иерархии трудовых мотивов, что может свидетельствовать о переживаемом внутреннем кризисе сотрудников предприятия.

Корреляционный анализ выявил взаимосвязи между эмоциональной приверженностью и потребностями в карьерном росте (корреляция значима на уровне $p < 0,05$) в группе руководителей и специалистов. На выборке рабочих были получены данные о связи потребности в личной безопасности и нормативной приверженности при повторном срезе (корреляция значима на уровне $p < 0,05$).

Таблица 1

Средние значения показателей по шкалам методики OSC

Этап исследования	Вид приверженности		
	Текущая	Нормативная	Эмоциональная
1 этап (март 2009г.)	3,33	3,27	3,5
2 этап (ноябрь 2009г.)	3,20	2,66	3,17
Значимость	0,06	0,003	0,05

Таблица 2

Средние значения показателей по шкалам методики OSC (для руководителей, специалистов и рабочих)

Этап исследования	Вид приверженности								
	Руководители			Специалисты			Рабочие		
	ТП	НП	ЭП	ТП	НП	ЭП	ТП	НП	ЭП
1 этап (март 2009г.)	3,36	3,49	3,78	3,22	3,33	3,36	3,42	2,98	3,10
2 этап (ноябрь 2009г.)	3,33	2,69	3,64	3,11	2,85	3,25	3,16	2,45	2,63
Значимость	0,8	0,01	0,6	0,5	0,02	0,6	0,15	0,01	0,008

Обозначения: ТП – текущая приверженность, НП – нормативная приверженность, ЭП – эмоциональная приверженность.

Таблица 3

Средник значения по методике «Диагностика трудовой мотивации»

Потребности трудовой деятельности	Группы респондентов (март 2009г.)		
	Руководители	Специалисты	Рабочие
Самоактуализация в профессии	2,28**	2,05**	3,49
Карьерный рост	3,25	4,19*	4,09*
Социальная защищенность	3,77	4,03	3,38
Условия труда	3,48	3,11	2,9**
Личностная безопасность	3,86	3,78	3,65
Общение	4,31*	3,78	3,45

Обозначения: ** – ведущие потребности, * – игнорируемые потребности.

Таблица 4

Изменения степени устойчивости иерархии мотивов

	Руководители		Специалисты		Рабочие	
	Март	Ноябрь	Март	Ноябрь	Март	Ноябрь
Высокая степень устойчивости	13%	0%	12%	0%	9%	0%
Средняя степень устойчивости	67%	40%	76%	12,5%	69%	31%
Низкая степень устойчивости	20%	60%	12%	87,5%	22%	68%

Выводы

В эмпирическом исследовании, проведенном на конкретном предприятии химической промышленности, установлены значимые изменения в уровне нормативной приверженности сотрудников. Анализ ситуации на предприятии и данные интервью и позволяют предполагать, что различия вызваны введением новых, более жестких, стандартов работы в условиях кризиса, ухудшением экологических параметров на предприятии. Наряду со снижением показателей нормативной приверженности, показатели текущей приверженности остаются стабильными. Не смотря на возросший риск потери работы, текущая приверженность не растет. В сочетании с тенденцией снижения эмоциональной приверженности мы можем сделать вывод о неблагоприятной ситуации на предприятии с точки зрения стабилизации персонала.

Полученные результаты о ведущих мотивах рабочих, связанных с потребностями в хороших условиях труда подтверждают идею, что комфортные и безопасные условия труда – один из основных факторов влияющих на эмоциональную и нормативную приверженность людей рабочих специальностей, в том числе и рабочих данного предприятия.

Также заслуживают внимания изменения в устойчивости иерархии мотивов сотрудников всех категорий. Низкая степень устойчивости мотивов большинства работающих затрудняет построение системы управления человеческими ресурсами, ориентированной на индивиду-

альную мотивацию. Вместе с тем, уже сейчас принимать управленческие решения с тем, чтобы не допустить дальнейшего падения приверженности и ухода высококвалифицированных специалистов из организации.

Литература

1. Белянин, А.В. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) / А.В. Белянин // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 4–23
2. Витман, Д.С. Мотивация и стабильность персонала в организации: дис. ... канд. психол. наук / Д.С. Витман. – СПб., 2004. – 188 с.
3. Голубков, С.В. Лояльность персонала компании: психологическая структура, формирование и методика измерения / С.В. Голубков // Управление персоналом. – 2003. – №10. – С. 62–63.
4. Доминьяк, В.И. Лояльность персонала как социально-психологическая установка / В.И. Доминьяк // Ананьевские чтения: тез. науч.-практ. конф. «Ананьевские чтения-2000» / под ред. А.А. Крылова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000 – С. 211–213.
5. Ильин, Е.П. Мотивация трудовой деятельности / Е.П. Ильин // Психология работы с персоналом в трудах отечественных специалистов / сост. и общ. ред. Л.В. Винокурова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 197–211.
6. Ковров, А. Лояльность персонала: что и как изучается в организации / А. Ковров // Мир и безопасность. – 1998. – №2. – С. 11–17.

7. Магура, М.И. *Современные персональные технологии* / М.И. Магура, М.Б. Курбатов. – М: Интел-Синтез, 2001. – 376 с.
8. Мельникова, Н.Н. *Диагностика трудовой мотивации* / Н.Н. Мельникова, Д.М. Полев // *Современная психодиагностика в изменяющейся России: сб. тез. Всерос. науч. конф.* / отв. ред. Н.А. Батурич. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 79–81.
9. Малыхин, М. *Кризис заставил треть россиян и украинцев полюбить свою работу* / М. Малыхин // *Ведомости*. – 2009. – 22 сентября.
10. Почебут, Л.Г. *Оценка лояльности сотрудника к организации* / Л.Г. Почебут // *Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности* / под ред. Г.С. Никифорова и др. – СПб.: Речь, 2001. – С. 283–287.
11. Ребзуев, Б.Г. *Четырехслойная модель аффективной преданности работников организации: опыт применения на российской вы-*
борке / Б.Г. Ребзуев // *Психологический журнал*. – 2006. – № 2. – С. 44–59.
12. Соловьева, М.А. *Психологические предпосылки лояльности* / М.А. Соловьева // *Психология XXI века: тез. междунар. межвузов. науч.-практ. студенческой конф.* / под ред. А.А. Крылова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 20–25.
13. *Человек и его работа* / под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. – М: Мысль, 1967. – 392 с.
14. *HR практики в кризис. Отчет по исследованию ГК «Институт Тренинга – АРБ Про»*, 2009. – 35 с.
15. Meyer J.P. *Testing the “side-bet theory” of organizational commitment: Some methodological considerations* / J.P. Meyer, N.J. Allen // *Journ. of Applied Psychology*. – 1984. – V. 69. – № 2. – P. 372–378.
16. *The best of Gallup management journal 2001–2007*. – New York: Edited by Geoffrey Brewer and Bard Sanford – Gallup press, 2007. – 293 p.

Поступила в редакцию 7 июля 2010 г.

Марковская Ирина Михайловна. Кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии Южно-Уральского государственного университета: im2008@inbox.ru.

Irina M. Marcovskaya. Candidate of Psychological sciences, docent, head of Department of social psychology, South Ural State University: im2008@inbox.ru.

Черепанова Алла Яковлевна. Старший преподаватель Уральской государственной медицинской академии дополнительного образования: alla_ch@list.ru.

Alla J. Cherepanova. Assistant of professor, Ural State Medical Academy of an Additional Education: alla_ch@list.ru.

ПОКАЗАТЕЛИ МОТИВАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА: ПРИМЕР ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Морозов

Дается авторское определение понятия «лояльность сотрудника». Описывается обоснование использования баланса справедливости, основанного на ортогональных основаниях ожидания и поддержки в исследовании лояльности. Предлагается изучение баланса справедливости в различных областях мотивации. Приводится пример прикладного исследования лояльности сотрудников бизнес-организации.

Ключевые слова: лояльность сотрудника, фактор справедливости: ожидание и поддержка, мотивация персонала.

В русскоязычных источниках для обозначения степени верности сотрудника организации используются, обычно, два термина – лояльность и приверженность. В англоязычной литературе используется термин “commitment”, который часто переводят как «приверженность» или «обязательство».

Многообразие определений термина «лояльность» выражено характеристиками:

– «безопасности и эффективности сотрудника для фирмы, проявленными в честности (сознательный отказ от нанесения ущерба имуществу фирмы), корректности (соблюдение ценностей фирмы, приверженность ее целям, поведение, направленное на укрепление ее имиджа), полезности (усилия, направленные на наиболее полное исполнение миссии фирмы, высокая эффективность труда) [1];

– «приверженности сотрудника организации, включающей в себя одобрение персоналом целей компании и способов их достижения (Интернет источник, Е. Перевозникова);

– благожелательного, уважительного отношения сотрудника к организации, соблюдения существующих правил, норм, предписаний даже при несогласии с ними [5];

– сотрудника, находящегося в рамках законности, невозможности предать, нарушить обязательства [2];

– верности сотрудника целям, интересам, ценностям, направленности деятельности и сохранении собственности организации, мотивации человека работать на пользу организации, отстаивать ее интересы в различных сферах бизнеса [2];

– разумных, взвешенных и честных взаимоотношений между организацией и сотруд-

ником, построенных по одинаковым правилам для обеих сторон [1].

Мы предлагаем следующее определение термина «лояльность».

Лояльность сотрудника – характеристика отношений сотрудника и организации, ее атрибутов, руководителя, персонала, определяющая степень верности сотрудника им. Источником лояльности являются одобрение и адекватность целей, ценностей, интересов организации и сотрудника. Максимальным проявлением лояльности сотрудника является его приверженность [3].

При поступлении на работу организация выдвигает ряд требований к кандидату на должность (своего рода «ожидания» от него), которые принятый работник обязуется выполнять (то есть, «поддерживать» своим вкладом). В то же время работник устраивается на работу со своими ожиданиями, которые организация обязуется поддержать. По сути, договор между работником и организацией является формой согласованных обязательств между работником и работодателем о взаимной поддержке двусторонних ожиданий. Ожидания работника являются обязательством поддержки со стороны организации, а ожидания организации – обязательством поддержки со стороны работника. Для создания необходимого уровня лояльности сотрудников важно постоянно отслеживать баланс «справедливости», существующий в вышеобозначенной договоренности между организацией и работником. Изучение данного баланса возможно посредством введения показателей: ожидание и поддержка. При образовании полярности: низкие ожидания – высо-

кие ожидания, низкая поддержка – высокая поддержка, получаем семантическую модель с ортогональными основаниями (авт.). Наиболее проявленными ожиданиями сотрудников являются в сфере мотивации.

Соответственно, чем четче соблюдается баланс справедливости мотивационных параметров сотрудника, тем более лояльным он является [4].

Описанные характеристики позволяют

предложить модель, описывающую соотношение показателей «Ожидание» и «Поддержка» для каждого сотрудника и для организации в целом (см. таблицу).

Области мотивации сотрудников:

1. Вознаграждение включает в себя зарплату и прочие выплаты, выходные дни и дополнительные льготы (жилье, личное медицинское страхование, страхование жизни и от

Типы лояльности в зависимости от показателей ожидания и поддержки

<p>Организация с низким уровнем ожидания и высоким уровнем поддержки (I тип)</p> <p>Характерными особенностями состояния сотрудников и климата в коллективе такой организации являются:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Нормативная культура отношений. • Комфортная атмосфера. • Располагающая к расслабленности атмосфера, в которой персонал чувствует себя удобно и безопасно. <p>От сотрудников мало ожидают, а достигают они всегда ровно столько, сколько от них ожидают.</p> <p>Подобная атмосфера характерна для государственных, бюджетных учреждений, в традиционном семейном бизнесе, где работникам свойственно убеждение, что это «работа на всю жизнь». Если подобная атмосфера сохраняется в условиях усилившейся неопределенности и подвижности внешней среды, то для организации могут наступить фатальные последствия.</p> <p>Характерными симптомами являются: добродушное настроение, размеренность, граничащая с вялостью, намерение держаться за свое место, зрелые (стареющие) сотрудники</p>	<p>Организация с высоким уровнем ожидания и поддержки (IV тип)</p> <p>Характерными особенностями состояния сотрудников и климата в коллективе такой организации являются:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Самомотивация сотрудников. • Амбициозные цели. • Стремление к достижению. <p>Характерной является атмосфера конструктивной конкуренции среди сотрудников. Направленность на достижение результатов. Организация имеет высокий уровень подвижности и гибкости на рынке, возможность роста и расширения, что способствует росту и развитию сотрудников в карьере.</p> <p>Характерными симптомами являются: высокая динамика процессов, напряженное сотрудничество, наличие конструктивных конфликтов</p>
<p>Организация с низким уровнем ожидания и низким уровнем поддержки (II тип)</p> <p>Характерными особенностями состояния сотрудников и климата в коллективе такой организации являются:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Апатия к работе. Скука. • Низкая ценность производимой работы. • Ощущение, что ни чего не делается. <p>Создается атмосфера апатии, застоя и упадка. Это настроение свойственно как отдельным сотрудникам, так и целым отделам или организациям. В них создаются условия для самоорганизации неформальных структур, действующих автономно (часто во вред организации). Уровень сопротивления управленческим решениям очень высок.</p> <p>Характерными симптомами являются: мотивация сотрудников посредством наказания, воровство, невозможность определить источник проблемы в случае «форс мажорных» обстоятельств</p>	<p>Организация с высоким уровнем ожидания и низким уровнем поддержки (III тип)</p> <p>Характерными особенностями состояния сотрудников и климата в коллективе такой организации являются:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Хронический стресс. • Эмоциональное выгорание. <p>Атмосфера в организации явно или латентно напряжена. Краткосрочные результаты ставятся во главу угла. Несмотря на то, что высокий уровень ожидания стимулирует к действиям, без должной поддержки цена, которую приходится платить высока.</p> <p>Характерными симптомами являются: постановка задач носит характер хронического аврала, текучесть кадров, саботаж управленческих решений, разочарование сотрудников и руководителей в действиях друг друга</p>

несчастных случаев, оплаченное питание, возможности для развлечения, бесплатные товары, предоставление одежды, проведение диспансеризации и лечения, программы участия в прибыли, низкопроцентные кредиты, возмещение затрат на образование, загородные выезды для служащих и их семей, социальные функции).

2. Приемлемая рабочая среда (физические условия). Обстановка, в которой выполняется работа, существенно влияет на отношение и энергию работников. Это значит, что организации стоит вкладывать время, ресурсы и заинтересованность в создание такой обстановки, которая содействовала бы достижению ее задач и отвечала бы потребностям работников.

3. Безопасность. Чувство безопасности не просто связано с наличием или отсутствием работы. Люди также боятся утратить свое положение или потерять уважение, которое испытывают к ним другие. Многим нравится чувство безопасности, которое они испытывают в группе, к которой принадлежат. Взаимопонимание с коллегами.

4. Личное развитие. Один из наиболее эффективных способов увеличить вклад людей в работу организации заключается в оказании помощи их личному развитию, самосовершенствованию.

5. Профессиональный рост. Развитие и опыт неразделимы, и, хотя тренировка и обучение могут оказаться полезными, невозможно найти замену возрастающей ответственности и новому опыту. Обратная связь с работой неотделима от развития людей, и она может быть сильнейшим мотивом для еще больших достижений.

6. Чувство причастности. Большинству людей нравится ощущение полезности их работы, и они хотят чувствовать себя частью организации, которая их нанимает. Поскольку чувство причастности – это двусторонний процесс, необходимо интересоваться мнениями, суждениями и взглядами работников. Признание заслуг позволяет приобрести общественную значимость.

7. Интерес и вызов. Возможность добиваться значительных результатов. Работа, в которой содержался бы «вызов», которая требовала бы мастерства и не была бы слишком простой. Само содержание работы может взбодрить работников.

Изучение лояльности управленческой команды: прикладное исследование Исходные данные

Управляющая инвестиционная компания приобрела пакет акций обанкротившегося завода. В процессе реорганизации системы управления, управляющая компания заказала исследование уровня лояльности управленцев высшего звена с целью создания программы развития управленческой команды.

Целевая группа

В исследовании приняли участие первые лица завода: генеральный директор, директор направлений, главный бухгалтер, главный конструктор. Двенадцать человек, из них 10 мужчин, 2 женщины, возраст респондентов от 34 до 60 лет.

Диагностическая методика

Для изучения лояльности сотрудников по фактору справедливости на основе показателей ожидания и поддержки предложен «Дифференцированный опросник изучения мотивации по фактору справедливости: ожидания и поддержки в организации (ДООП)» [4].

Опросник составлен с использованием дифференциальной шкалы. Каждый вопрос отражает один из параметров: «ожидание» или «поддержка», а так же отнесен к одной из семи областей мотивации: вознаграждение, приемлемая рабочая среда, безопасность, личностное развитие, профессиональный рост, чувство причастности, интерес и вызов. Всего в опроснике 28 вопросов. 14 вопросов касаются параметров ожидания и 14 – параметров поддержки. По каждой из областей мотивации 4 вопроса.

Результаты

1. Представлены в виде диаграммы с двумя ортогональными осями:

- высокий и низкий уровень ожидания,
- высокий и низкий уровень поддержки.

2. Анализируются:

– общая диаграмма и диаграммы по каждой области ожидания поддержки.

– индивидуальные диаграммы по каждому сотруднику, отражающие соотношение параметров «ожидание и поддержка» по каждой из мотивационных областей (рис. 1).

– **выделены сотрудники со значимыми показателями.**

– не выделены незначимые или неопределенные показатели.

– анализируются показатели только выделенных сотрудников.

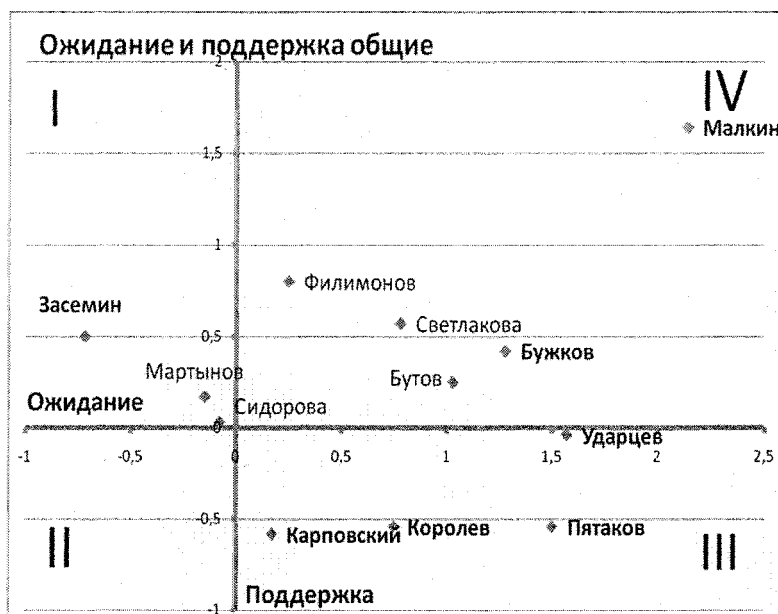

Рис. 1. Пример интерпретации общей диаграммы. Результаты реального исследования группы управленцев одного из производственных предприятий г. Челябинска, фамилии изменены

Общее состояние лояльности персонала можно охарактеризовать как напряженное ожидание перемен.

В настоящий момент управленческая команда испытывает дисбаланс между завышенными ожиданиями со стороны руководства и низкой степенью поддержки в виде:

- информации. Недостаточно коммуникаций в области принятия управленческих решений между управляющей компанией и руководством предприятия. А также тревожное ожидание кардинальных изменений в стратегии управления.

- доверия. Наблюдается высокий уровень ожиданий и низкий уровень свободы управленческих решений.

- поощрений. Доминирует форма стимулирования в форме наказаний (на одном уровне с наказаниями, отмечен «демотивирующий стиль руководства»).

На данный момент Вознаграждение в организации является скорее не стимулирующим фактором, а фактором деструктурирующим (рис. 2). И здесь возможны две точки зрения. С одной стороны, вознаграждение всегда является острой темой между работо-

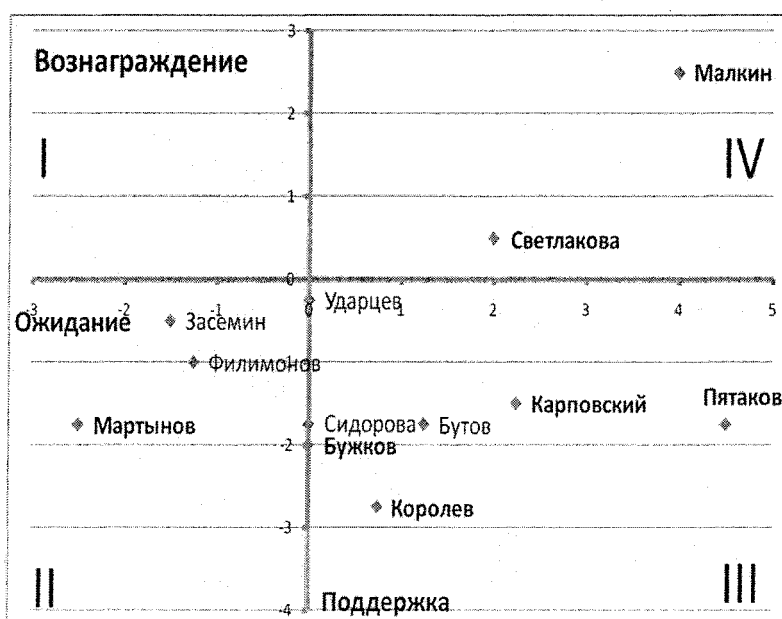

Рис. 2. Пример интерпретации диаграммы в области мотивации «Вознаграждение»

дателем и сотрудником. С другой стороны, вознаграждение – ключевой фактор управления активностью скорее низовых уровней. А в данном случае мы говорим об управленцах высшего звена. Соответственно при неудовлетворенности управленца в вознаграждении появляется высокий риск искушения получить источник к материальному стимулированию другими способами.

Для Бужкова, Королева, Карповского, Пятакова именно вознаграждение может стать стимулом, побуждающим их к большей лояльности, соответственно «рычагом» в переговорах об их большей производительности и ответственности.

Светлакова и Малкин находятся в области оптимального стимулирования вознаграждением.

Нахождение Мартынова (новый сотрудник, на предприятии вторую неделю) в области низкого ожидания и низкой поддержки можно объяснить скорее адаптационным периодом и преобладанием в настоящий момент других стимулов. На данном этапе «вхождения», большим стимулом является необходимость самоутвердиться, показать свои преимущества и только после этого проявить свои амбиции на вознаграждение.

Пожалуй, это тот фактор, который объясняет существующую напряженность в сфере лояльности сотрудников в организации. Руководители воспринимают свое настоящее по-

ложение небезопасным (рис. 3). Сотрудники боятся потерять положение и работу, неуверены в своем будущем и будущем организации. А постоянное нахождение в таком состоянии приводит к нервозности, состоянию стресса, потере веры в свои силы, к желанию «зацепиться» за ситуативные результаты (а не планировать и работать на будущее).

Если объединить результаты показателя Вознаграждение и Безопасности, то мы видим, что не удовлетворенными оказываются параметры базовых потребностей: материального благополучия и уверенности в будущем. А это показатели, на которых выстраивается политика стимулирования работников среднего и низшего звена. При условии неудовлетворения базовых потребностей у руководителей высшего звена, мы наблюдаем соответствующие симптомы сотрудников среднего звена:

- безынициативность, реагирующее поведение;
- оперативный стиль мышления;
- местечковая (локальная) ответственность;
- базовое стимулирование через наказание.

Сидорова находится в области малых ожиданий и поддержки. Возможная причина: отсутствие внутренней конкуренции на занимаемую ею должность, желание сохранить во что бы то ни стало существующее положение. Отсюда, возможно, отсутствие внутренней конкуренции на проекты и нововведения в

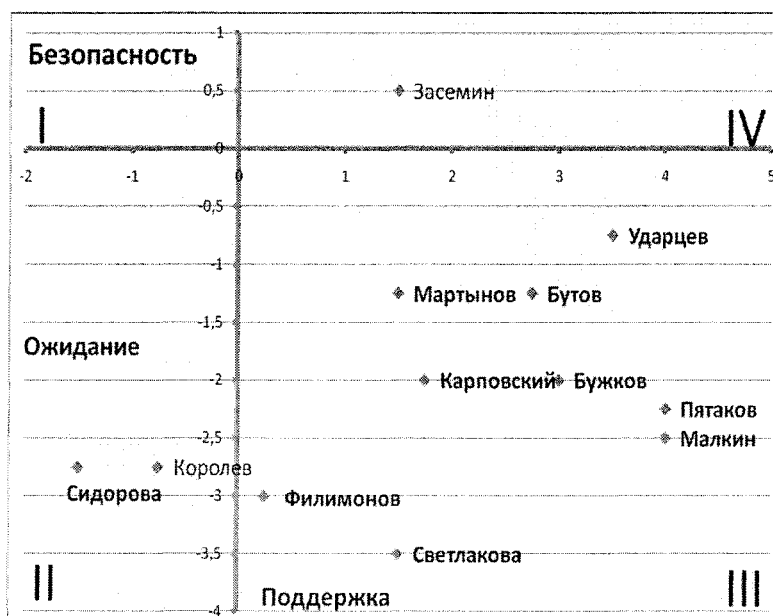

Рис. 3. Пример интерпретации диаграммы в области мотивации «Безопасность»

сфере данной деятельности, невозможность создания новых рискованных, неординарных проектов.

Полученные в ходе опроса данные анализировались так же индивидуально по каждому сотруднику (рис. 4).

Ударцев Сергей Владимирович, директор по производству, 34 года (опыт работы на предприятии 9 лет).

1. В настоящий момент Сергей Владимирович не видит необходимости в задачах большого порядка, предполагающих риск (**Интерес и вызов**). В данном случае – большой разрыв в ожиданиях и поддержке компании в отношении данного сотрудника и его личными ожиданиями. Возможно, это продиктовано неуверенностью в своих силах. Существующий груз ответственности превышает его персональные возможности, что приводит к опасению и страху включаться в задачи большого порядка, чем существующие до сих пор.

2. **Материальное вознаграждение** не является приоритетной областью мотивации, гораздо более важными в настоящий момент Сергей Владимирович считает **Профессиональный рост и Личностное развитие**.

3. Для сотрудника очень важным является признание полезности его труда, признание заслуг и принадлежности данной организации (**Чувство причастности**).

4. Сергей Владимирович воспринимает свое настоящее положение небезопасным, неуверен в своем будущем и будущем органи-

зации (**Безопасность**). Ожидает изменений в области **Приемлемой рабочей среды**.

Рекомендации по использованию и развитию управленческих компетенций:

1. Прояснить управленческие амбиции. При необходимости предложить возможность обучения процессному и стратегическому менеджменту.

2. Исследовать способность к развитию управленческих компетенций, при позитивном результате рассмотреть возможность роста дальнейшей управленческой карьеры.

Рекомендации по повышению лояльности

1. Поддержать в стремлении профессионально расти, обеспечить возможности для получения и применения новых знаний.

2. Формировать взаимосвязь параметров «Интерес и вызов», «Профессиональный рост» и «Вознаграждение». Соотнести личные амбиции и ожидания организации.

Результаты прикладного исследования баланса справедливости (ожидания и поддержки), во-первых, показывают соотношение в организации показателей мотивации и лояльности; во-вторых, отражают динамику этих показателей и область ближайших конструктивных изменений в политике лояльности персонала; в-третьих, дают возможность для руководителя обозначить границы диалога о перспективах роста сотрудника, в-четвертых, результаты изучения соотношения показателей ожидания и поддержки дают понять, насколько использован потенциал каждого сотрудника и организации в целом.

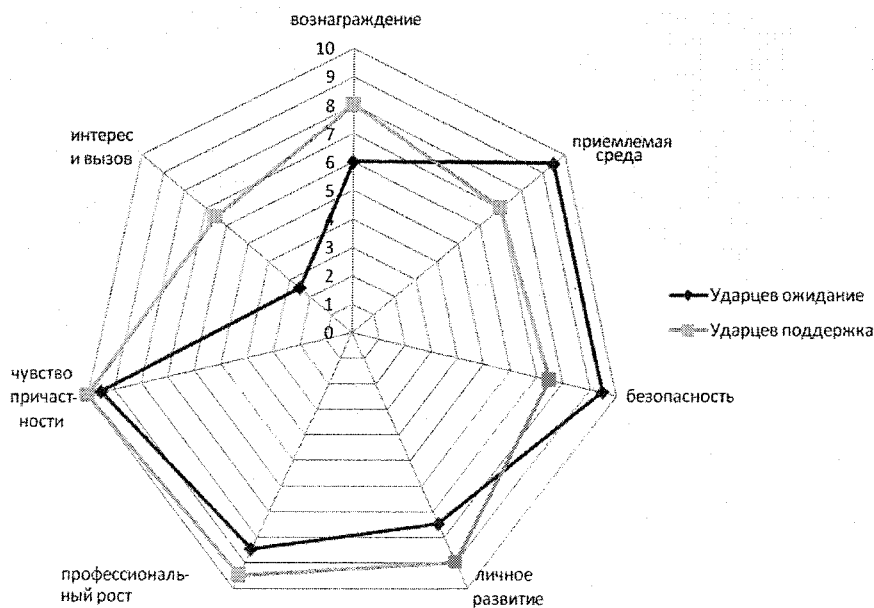

Рис. 4. Пример интерпретации индивидуальных данных

Литература

1. Доминяк, В.И. Результаты экспериментального исследования лояльности персонала / В.И. Доминяк. – <http://www.dominiak.by.ru>.
2. Грюнхольд, Л. Лояльность работника – лояльность клиента – прибыльность компании / Л. Грюнхольд, А. Мартенсен. – <http://www.cfm.ru>.
3. Морозов, В.В. Безопасный работник – лояльный сотрудник – приверженный сотрудник // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр./ В.В. Морозов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Т.5. – С.352 – 358.
4. Морозов, В.В. Показатели ожидания и поддержки в формировании лояльности персонала / В.В. Морозов // Личность и общество: проблемы взаимодействия: материалы II международной науч. конф., 23 апреля 2009 г. – Челябинск: Изд-во «1-Альянс». 2009. – С. 138–142.
5. Харский, К. Неблагонадежность и лояльность / К. Харский. – <http://www.loyalty-expert.ru>.

Поступила в редакцию 5 июля 2010 г.

Морозов Вадим Валерьевич. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития Южно-Уральского государственного университета, доцент кафедры социальной и клинической психологии Уральской академии образования: 8(351)2679896.

Vadim V. Morosov. Candidate of psychology, assistant professor of development psychology department of the Southern Ural State University, assistant professor of social and clinical psychology department of the University of the Russian Academy of Education: 8(351)2679896.

Психология развития, акмеология

УДК 159.923.2
ББК Ю937

СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЗРОСЛОЙ ЛИЧНОСТИ

Е.Л. Солдатова

Обсуждаются перспективы системогенетического подхода к исследованию развития и функционирования личности взрослого человека. Обсуждается роль эго-идентичности как системообразующего фактора развития личности.

Ключевые слова: системогенез, эго-идентичность, развитие личности взрослого человека.

Закономерности организации, формирования и функционирования зрелой личности или индивидуальности – одна из важных проблем современной психологии. Ее изучение основано на принципах целостности, развития, активности. Современное понимание личности в психологической науке диктует необходимость изучения структурной организации личности и особенностей ее функционирования и формирования в процессе взаимодействия индивида с миром.

Изучение структурной организации зрелой личности может открыть новые перспективы в разработке представлений об индивидуальных и возрастных закономерностях зрелости (личностной, профессиональной, конфессиональной и пр.), особенностей взаимодействия, отношения к миру, к другим людям («своим» и «чужим»), отношения к себе, в создании диагностических и прогностических подходов, востребованных современной практикой.

Личность принято определять как систему социально значимых качеств индивида, меру овладения социальными ценностями и способность к реализации этих ценностей. Понятие личности тесно связано с понятием индивидуальности – с творческим преломлением в индивиде общих социальных качеств, с неповторимой системой отношений конкретного человека к миру, с его индивидуальными способностями социального взаимодействия.

Существенной стороной личности является ее отношение к обществу, к отдельным людям, к себе и своим общественным и иным обязанностям. Личность характеризуется уровнем осознанности и степенью устойчиво-

сти своих отношений. В личности существенна не только ее позиция, но и способность к реализации своих отношений. Это зависит от уровня развития творческих, созидательных возможностей человека, его способностей, знаний и умений, его эмоционально-волевых и интеллектуальных качеств. Становление человека как личности происходит только в конкретных общественных условиях. Требования общества определяют модели поведения людей и критерии оценки их поведения.

То, что личность развивается в онтогенезе непрерывно, в том числе и во взрослом периоде, уже не подвергается сомнению в современной психологии. Тем не менее, дискуссионным остается вопрос о том, в каких терминах обсуждать основы формирования личности взрослого человека, личностной зрелости, индивидуальности. С подходами, связанными с выделением сущностных качеств личности, фиксирующих предопределенное функционирование личности, активно конкурирует системное понимание функционирования личности. В этом подходе любые достижения личности рассматриваются не как результат локализованных в сформировавшихся (зрелых) отдельных качествах функций, а как результат функционирования целостной системы личности.

«В процессе онтогенеза личности формируются качественные новообразования. Этот процесс характеризуется стадийностью, неравномерностью и гетерохронностью развития отдельных качеств. Формирование качественных новообразований, например одаренности к деятельности на основе спо-

собностей, можно описать, используя принципы системогенеза. Большинство качественных новообразований выступает в форме функциональных систем. Именно функциональные системы разрешают противоречия между ограниченностью сущностных качеств личности и многообразием форм деятельности и поведения, одновременно позволяют проявляться индивидуальным качествам в индивидуализации деятельности и индивидуальности поведения» [4].

Принципы системогенеза, сформулированные П.К. Анохиным для обоснования развития функциональных систем в онтогенезе, позволяют рассматривать не только отдельные психические новообразования, новообразования личности, но и личность в целом.

1. Принцип гетерохронной закладки компонентов функциональной системы. За счет внутрисистемной гетерохронии – неодновременной закладки и разной скорости формирования различных по сложности компонентов функциональной системы (более ранняя закладка и последующее более позднее формирование сложных компонентов) – эти компоненты "подгоняются" к одновременному началу функционирования в рамках данной системы.

2. Принцип фрагментации. В связи с межсистемной гетерохронией – формирования отдельных функциональных систем на последовательных этапах онтогенеза – состав новообразования в каждый момент развития неоднороден по своей зрелости. Наиболее зрелыми оказываются те элементы, которые должны обеспечить реализацию систем, формирующихся на более ранних этапах.

3. Принцип минимального обеспечения функциональных систем. Функциональная система становится «продуктивной», обеспечивает достижение результата до того, как все ее компоненты получают окончательное структурное оформление за счет того, что уже имеет все необходимые составляющие операциональной архитектоники.

Системогенетический подход к исследованию развития и функционирования взрослой личности предполагает обращение к изучению последовательного формирования структуры личности, формальному описанию этих структурных преобразований и задач, относительно которых и для решения которых та или иная структура сформирована, изучению собственной активности личности, влиянию индивидуального жизненного опыта.

Системогенетический подход позволяет утверждать, что новые формирующиеся системы (личностные структуры) не замещают предыдущие, а определенным образом накладываются на них, переструктурируя систему под новые задачи развития, используя элементы уже сформированных систем. В этом смысле индивидуальная история формирования личности основана на опыте проживания последовательных этапов развития и определяет ее уникальность и индивидуальность.

Системогенетический подход к исследованию развития личности во взрослом возрасте предопределяет постановку вопросов об определении детерминант развития личностных структур на каждом этапе онтогенеза, выявление системообразующего фактора, обеспечивающего непрерывность личности в процессе структурных преобразований.

Проведенные нами исследования нормативных кризисов развития личности взрослого человека позволили выявить системообразующий фактор развивающейся во взрослом периоде личности: эго-идентичность. Эго-идентичность принято определять как последовательность и непротиворечивость личности, которая выражается через состояние интенсивного и глубокого ощущения собственной активности и жизненной силы «настоящий Я» [6]; синтез идентичностей – личной (непрерывность Я во времени) и социальной (принятие групповых идеалов и норм) [5, 7].

Нормативность кризисов развития личности взрослого человека обусловлена противоречием между мотивацией самоактуализации и развития в соответствии с нормативными критериями социальных ожиданий и стремлением сохранения личностной целостности и самотождественности.

Актуализация и решение указанного противоречия задает специфическую динамику нормативного кризиса, который включает ряд обязательных общих фаз. Содержание нормативного кризиса связано с интериоризацией культурально обусловленных возрастных задач развития и интеграцией соответствующих новообразований личности.

Новообразования нормативного кризиса развития личности взрослого (достигнутая эго-идентичность) определяются рефлексией изменений всех уровней социальной ситуации развития личности (уникальной системы отношений личности, в которой происходит ее развитие), которая кардинально трансформируется в ходе кризиса. В исследовании струк-

турных особенностей социальной ситуации и содержания кризисов развития личности взрослого человека была выявлена специфическая фазовая динамика кризисов и уточнены области проявления отношений, которые подвергаются рефлексии изменяющейся личностью: сферы профессиональной и семейной жизни, тождественность образа Я во времени, особенности самоактуализации и системы ценностей.

Тем психологическим конструктом, который позволяет определить динамику всех уровней социальной ситуации развития – системы значимых отношений личности, является эго-идентичность [2, 3]. Таким образом, изучать динамику нормативных кризисов развития личности, исследуя эго-идентичность – процесс самоотождествления личности, который отражает отношения третьего рода и измеряет отношение к себе личности, измененной в результате динамических преобразований социальной ситуации развития – значит осуществить системогенетический подход к развитию личности взрослого человека.

В связи с внутрисистемной и межсистемной гетерохронией отдельных подсистем на последовательных этапах, онтогенез личности характеризуется неоднородностью по своей зрелости структурных новообразований личности в каждый момент развития. В стабильном этапе развития латентно закладываются необходимые для решения возрастных задач развития новообразования, которые в нормативном кризисе интериоризируются личностью через самоотождествление. Работу по инте-

грации личности в процессе кризиса выполняет эго-идентичность, которая изменяется в соответствии с фазами кризиса от предрешенной к диффузной и, затем – к достигнутой. Достигнутая эго-идентичность является новообразованием кризиса. Сформированные новообразования нормативного кризиса определяют психологическую готовность к переходу на следующий этап развития личности и свидетельствуют о личностной зрелости.

Литература

1. Анохин, П.К. *Очерки по физиологии функциональных систем* / П.К. Анохин. – М., 1975.
2. Солдатова, Е.Л. *Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография* / Е.Л. Солдатова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 267 с.
3. Солдатова, Е.Л. *Эго-идентичность в нормативных кризисах развития* / Е.Л. Солдатова // *Вопросы психологии*. – 2006. – № 5. – С. 75–84.
4. Шадриков, В.Д. *Деятельность и способности* / В.Д. Шадриков. – М., 1994. – С. 129–133.
5. Эриксон, Э. *Идентичность: юность и кризис: пер. с англ.* / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
6. James, W. *The Principles of Psychology* / W. James. – 1890.
7. Marcia, J.E. *Identity and psychosocial development in adulthood. Identity* / J.E. Marcia // *An International Journal of Theory and Research*. – 2002. – № 2. – P. 7–28.

Поступила в редакцию 10 июля 2010 г.

Солдатова Елена Леонидовна. Доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679896.

Elena L. Soldatova. PhD, associate professor, Head of Department of Developmental Psychology, South Ural State University: 8(351)2679896.

ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова

Обсуждается проблема взаимосвязи феноменов эго-идентичности и личностной зрелости, обосновывается понимание эго-идентичности как системообразующего фактора личностной зрелости. Личностная зрелость рассматривается как системное качество личности, новообразование нормативных кризисов развития личности взрослого человека и критерий психологической готовности к переходу на следующий этап развития.

Ключевые слова: личностная зрелость, эго-идентичность, системообразующий фактор, возрастное новообразование, нормативные кризисы развития личности взрослого человека.

Проблема зрелости человека – комплексная проблема научного знания биологии, медицины, социологии, философии и т. д. Феномен зрелости представляет собой междисциплинарный предмет научных изысканий.

В психологической науке наиболее важным, но, вместе с тем, и наиболее сложным и менее исследованным из всех аспектов зрелости, по признанию многих авторов, является личностная зрелость [19]. Вместе с тем, анализ современных научных публикаций позволяет констатировать, что в психологических исследованиях проблема зрелости личности редко становится самостоятельным предметом изучения. Личностная зрелость обычно выступает в роли коррелята других психологических феноменов – личностная зрелость и отношение к деньгам [22], типы личностной зрелости и отношение к собственности [14], личностная зрелость и конфликтность [21], личностная зрелость и формирование эффективного родительства [15] и т. д.

Кроме того, анализ имеющихся в психологии представлений о феномене зрелости позволяет обнаружить множественность подходов к его пониманию. Поскольку проблема зрелости рассматривается в разных контекстах, для ее объяснения используются разные системы психологических понятий и категорий. В рамках одной парадигмы конструкт зрелости может относиться к уровню индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности, а в другом случае исследователь может иметь в виду интеллектуальную, эмоциональную или социальную зрелость. Подобная дифференциация представлений о

зрелости личности рождает настоятельную потребность в поиске обобщенных оснований для понимания и описания этого феномена.

Актуальность изучения проблемы формирования и развития зрелой личности обусловлена не только потребностями науки, но и требованиями жизни. Реалии бытия современного человека характеризуются динамичностью и стремительностью преобразований во всех сферах жизни. Активно развивающееся общество предъявляет повышенные требования к личности, ожидая от взрослого человека активности, самостоятельности, независимости и личной ответственности, конструирования персональной системы ценностей и идентичности. Современное общество нуждается в гражданах, которые являются творцами собственной жизни и способствуют инновациям и развитию мироустройства. Таким образом, решение проблемы понимания сущностных особенностей, структуры, механизмов и условий формирования зрелой личности позволит содействовать развитию общества в целом, поскольку только зрелая личность способна творить гармоничный и зрелый мир вокруг себя.

В настоящей статье предпринята попытка обобщить имеющиеся в психологии представления о личностной зрелости, определить понятие личностной зрелости с точки зрения представлений о динамике эго-идентичности в нормативных кризисах развития личности взрослого человека Е.Л. Солдатовой [24–26] и обосновать системообразующую роль эго-идентичности в формировании личностной зрелости.

Феномен личностной зрелости в психологии

Для интеграции научно-психологических представлений о феномене личностной зрелости принято опираться на методологию системного подхода и рассматривать предмет исследования комплексно и целостно [2–5, 7, 9, 11, 20]. Оформившиеся в психологии представления о феномене личностной зрелости можно обобщить в соответствии с принципами системного описания психологических явлений в нескольких положениях: структура (содержание и взаимосвязи между элементами), функция (функциональное предназначение) и свойства личностной зрелости.

Структура личностной зрелости. Анализ содержания, которым наполняется конструктор личностной зрелости современными авторами, позволяет говорить о ключевых элементах – составляющих личностной зрелости:

- сформированность мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер личности, в которых на вершине их иерархии находятся высшие духовные, общечеловеческие и культурные потребности и ценности;
- автономия, независимость, самостоятельность и ответственность;
- саморегуляция, самодетерминация и самоопределение личности и способность их реализации;
- самопознание, самореализация, самоактуализация, саморазвитие, самосовершенствование и способность их реализации;
- самотрансценденция и способность к ее реализации.

Часто среди компонентов личностной зрелости принято выделять активность и инициативность личности; сформированную Я-концепцию и самосознание; высокий уровень рефлексии; эмпатию и позитивное отношение к миру; идентичность; удовлетворенность жизнью; доверие себе и т. д. Важно отметить, что выделенные личностные особенности, выступают центральными составляющими самых разных видов зрелости (собственно личностной, социальной, когнитивной, эмоциональной и т.д.). Другими словами, можно считать, что разные виды зрелости имеют один и тот же личностный «субстрат». Так, например, ответственность рассматривается как критерий эмоциональной зрелости и проявляется в виде осознания собственных чувств и принятия за них ответственности [30], в когнитивной зрелости она представлена

навыками независимого принятия решений [13], в структуре социальной зрелости ответственность проявляется как способность к самостоятельным поступкам, принятие ответственности за последствия своего поведения [12].

При этом состав ключевых элементов личностной зрелости неоднороден: в нем присутствует два рода переменных – собственно компоненты личности, по степени сформированности которых судят о ее зрелости (Я-концепция, ценностно-смысловая сфера и т. д.), и обобщенные свойства личности, которые можно назвать способами самовыражения и самоосуществления личности – автономия, независимость, ответственность, активность и т. п. Наиболее обобщенными свойствами личности, определяющими личностную зрелость, являются способность к саморегуляции, самоактуализации, самотрансценденции и т. д., которые все вместе образуют интегральную способность личности к самоорганизации. Очевидно, что между этими двумя наборами переменных существует тесная взаимосвязь. Можно предположить, что способности самовыражения и самоосуществления личности зависят от уровня сформированности соответствующих личностных структур. Так, способность к самодетерминации проявляется в способности личности быть автономной, принимать независимые решения, что, в свою очередь, обусловлено степенью зрелости внутренних источников мотивации, то есть соответствующих потребностей и ценностей, а также сформированностью инструментов овладения своим поведением, например, уровнем развития рефлексии, самоконтроля и т. д.

Таким образом, структурно личностная зрелость в системе взаимосвязей между компонентами может быть представлена следующим образом (см. рисунок).

Функции личностной зрелости. Понятие «функция» имеет несколько значений. Согласно психологическому словарю, «функция (лат. *function* – исполнение) – форма психической активности, которая всегда остается неизменной в меняющихся условиях. Функция – это деятельность, работа, процесс» [18, с. 725]. Более расширенное толкование функции включает в определение функции такие значения как роль, значение чего-либо; возможность, умение [16]. В более узком толковании под функцией системы в контексте системных описаний психологических феноменов понимается соответствие между средой и системой [9].

Структура личностной зрелости

Под функциями личностной зрелости будем иметь в виду особые формы активности зрелой личности по отношению к себе и к окружающему миру, новые личностные возможности, рождающиеся с достижением человеком личностной зрелости и реализующиеся в многообразных отношениях.

Задача выявления функциональной роли личностной зрелости требует обращения к тем формам активности человека, которые описываются как интегральные способы самовыражения зрелой личности: способность к саморегуляции, саморазвитию, самосовершенствованию, самореализации, самовыражению, самоопределению, самодетерминации, самодвижению, самотрансценденции и т. д. Перечисленные способности можно назвать интегральными функциональными свойствами личности, то есть системными свойствами, которые возникают в результате интеграции отдельных свойств, способностей и качеств и обеспечивают реализацию человека как личности.

С точки зрения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, сущностной характеристикой личности является способность к «овладению» своим поведением [8], фактически – способность к саморегуляции, которая возникает на определенном этапе жизни в результате культурного развития. Развивая это положение, Л.И. Божович обозначает понятием «личность» «такой уровень психического развития человека, который позволяет ему управлять и обстоятельствами своей жизни, и самим собой» [7], а Б.С. Братусь определяет личность как «рабочий инструмент человеческого развития», как некое психологическое орудие, которое коор-

динирует и направляет «формирование и самостроительство в себе человека». Таким образом, возникновение «личностного» в человеке связано с появлением нового качества – способности к саморегуляции и саморазвитию, которые, в свою очередь, определяют интегральную способность человека к самоорганизации. Большое внимание представлениям о самоорганизации личности уделяется в работах В.Е. Ключко, посвященных теории психологических систем, в которых человек рассматривается как самоорганизующаяся система, порождающая психологические новообразования и опирающаяся на них в своем самодвижении [11].

Таким образом, понимание личности как нового, культурно обусловленного качества человека (по сравнению с индивидуальными свойствами), возникающего в связи с появлением способности к самоорганизации, позволяет определить личностную зрелость (с точки зрения ее функционального предназначения) как качество, которое обеспечивает личности возможность наиболее полной и эффективной реализации ее функций.

Свойства личностной зрелости. С точки зрения теории системных описаний психологических явлений, свойствами системы называются постоянные суммарные характеристики состава и отношений между компонентами системы [9]. К свойствам личностной зрелости можно отнести те характеристики, которые обусловлены совокупностью всех имеющихся взаимосвязей между ее элементами.

Обычно зрелость как психологический конструкт наделяется свойствами множественности, интегрированности, целостности,

динамичности, незавершенности, неполноты развития и гетерохронности развития, вне зависимости от представлений исследователей о методологии изучения, форме и структуре зрелости.

Множественность зрелости определяется большим числом ее видов и форм. В.М. Русалов специально ставит вопрос о единственности или множественности психологической зрелости, отдавая предпочтение множественности, допуская в то же время возможность разработки единой суммарной концепции зрелости. Однако подобное решение становится возможным только после правильного определения и измерения каждой характеристики зрелости в отдельности [20]. Аналогичные задачи в исследовании зрелости рассматриваются и в исследовании Е.А. Сергиенко [23].

Множественность разных видов зрелости, ее отдельных компонентов, а также связей между ними приводит к возникновению таких свойств зрелости, как *сложность* и *иерархичность*.

Кроме того, разные стороны личности и соответствующие им виды зрелости формируются и достигают своего оптимума в разное время, чем обусловлена *гетерохронность развития* личностной зрелости. Явление гетерохронности является основополагающим с точки зрения «акмеологического» подхода к пониманию процессов формирования и развития зрелой личности. О действии законов гетерохронности, которым подчиняются все виды зрелости, упоминается в посвященных акмеологическим проблемам трудах Б.Г. Ананьева: «наступление зрелости человека как индивида (физическая зрелость), личности (гражданская), субъекта познания (умственная зрелость) и труда (трудоспособность) во времени не совпадает, и подобная гетерохронность зрелости сохраняется во всех формациях» [2, с. 90].

Такие свойства зрелости как *интегрированность* и *целостность*, связанные с функцией самоорганизации, обозначаются, когда речь идет о характеристиках зрелой личности. Кроме того, представление о целостности является основополагающим в представлениях об интегративной зрелости человека [2, 9, 20]. Так, у Б.Г. Ананьева принцип целостности и системности достигает своего апогея при выделении им наиболее интегрированной ипостаси человека – индивидуальности, в которой происходит синтез и гармонизация харак-

теристик человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

Л.И. Божович, говоря об условиях формирования целостной непротиворечивой зрелой личности, отмечает необходимость рассматривать личность вообще как «высшую интегративную систему, некоторую нерасторжимую целостность, в которой все процессы выступают в некотором гармоническом отношении друг к другу. Речь идет о некоей «системе Я» [8, с. 197–198].

По П.М. Якобсону, «зрелая личность характеризуется хорошо интегрированной, цельной психологической организацией, единство которой обеспечивается единством изменяющихся и развивающихся, но достаточно значительных жизненных целей» [31].

В современных исследованиях (например, диссертационные исследования Г.Г. Александровой [1], М.Ю. Семенова [22] и др.), отчетливо обнаруживается стремление к поиску интегративных характеристик зрелости. С точки зрения Г.Г. Александровой, важным критерием сформированности социальной зрелости личности является степень интегрированности ее элементов. М.А. Емельянова, разрабатывая «Концепцию развития интегративной зрелости будущего социального педагога», определяет интегративную зрелость как «особый вид категории «зрелость», представляющий собой системно-целостное, содержательно-смысловое единство личностных, академических и социальных качеств студента-выпускника, развиваемое в социально-педагогическом образовательном процессе, обеспечивающее ему успешную самореализацию в профессиональной деятельности, социализацию и гармонизацию с окружающей средой» [10]. М.Ю. Семенов характеризует зрелую личность как «сформированное устойчивое единство личностных черт и ценностных ориентаций» [22].

Таким образом, целостность и интегрированность являются базовыми свойствами зрелой личности, но следует обратить внимание, что эти свойства, как правило, только декларируются. Остается неясным, чем обусловлена целостность и интегрированность зрелой личности, поскольку не описаны условия и механизмы процесса интеграции.

Динамичность, принципиальная незавершенность и *неполнота развития* – взаимосвязанные свойства зрелости, акцентируемые многими исследователями, которые рассматривают зрелость как процессуальную, а не результативную характеристику личности [6,

19, 20, 23]. Например, по В.М. Русалову, акмеологическая зрелость (которая включает в себя нравственную, социальную, личностную, интеллектуальную, духовную, гражданскую, профессиональную зрелость) после достижения вершины продолжает увеличиваться, достигать новых вершин [20]. А.А. Реан высказывает точку зрения о принципиальной незавершенности и неполноте развития, при этом процесс формирования социальной зрелости личности он относит к процессам с неопределенным итогом, хотя и совершающимся с определенной целью и непрерывно на протяжении всего онтогенеза человека. При этом отмеченную незавершенность и неполноту развития А.А. Реан склонен интерпретировать как основание бесконечности и неограниченности саморазвития личности [19]. В акмеологии с течением времени происходили изменения трактовки понятия «акме» – от понимания акме как максимальной зрелости до рассмотрения акме как точки на непрерывной кривой. Так, А.А. Бодалев отмечает, что акме – многомерное состояние человека, которое никогда не является статичным образованием, а, наоборот, отличается большей или меньшей вариативностью и изменчивостью [6]. К. Роджерс делает аналогичное замечание, что полноценно функционирующая личность (то есть зрелая личность) возможна только как процесс, как постоянно изменяющийся человек [28]. Следует отметить, что не решен вопрос о причинах и конкретных механизмах, определяющих способность личности к достижению новых вершин. Кроме того, анализ научных публикаций по проблеме личностной зрелости позволил выявить множество вопросов, которые не нашли своего отражения в рамках существующих теорий и концепций. Наименее изученными остаются динамические аспекты личностной зрелости, в частности, не получен ответ на вопрос, достаточным ли для формирования личностной зрелости является достижение отдельными подструктурами личности оптимального уровня развития? Нет данных о том, что происходит после достижения определенного уровня зрелости, возможны ли процессы свертывания, регрессии в ходе ее развития. Не ясно, чем обусловлена целостность и интегрированность зрелой личности.

Основанием для поиска ответов на эти вопросы, на наш взгляд, может стать понимание личностной зрелости в контексте концепций эго-идентичности.

Теоретические предпосылки постановки проблемы взаимосвязи личностной зрелости и эго-идентичности

Идея возможной связи процессов идентичности и личностной зрелости имплицитно существовала в психологии. Например, В.В. Столин обращает внимание на то, что такие феноменальные свойства, как самоидентичность и самоидентификация рассматриваются многими теоретиками личности как критерий личностной зрелости, эффективности [27]). Однако как самостоятельная проблема взаимосвязи феноменов личностной зрелости и идентичности никогда не ставилась, можно говорить лишь о предпосылках постановки такой проблемы. Ниже представлены некоторые из таких предпосылок.

Отдельный кластер исследований, содержащих примеры изучения взаимосвязи указанных психологических конструктов, составляют работы, в которых декларируется или имплицитно подразумевается тождественность понятий «личностной зрелости» и «идентичности». Согласно этой позиции, зрелость личности трактуется как сформировавшаяся идентичность [37]. Особенно часто отождествление процессов формирования зрелости и эго-идентичности относится к периоду юности в связи с тем, что психологическая зрелость в юности определяется как степень консолидации идентичности, как состояние идентичности, обозначаемое статусом достигнутой идентичности. Как следствие, возникло представление о зрелости идентичности, когда сформировавшаяся и достигнутая идентичность стала определяться как «зрелая идентичность».

Другой кластер исследований – это работы, в которых эго-идентичность выступает одним из критериев личностной зрелости. Например, последователи теории развития личности Дж. Ловингер говорят о том, что личность современного взрослого человека не может считаться зрелой и интегрированной, пока она не наделена качеством идентичности [36].

Н.Е. Харламенкова понимает под психологической зрелостью личности способность человека к осуществлению спонтанного поведения, которое, наряду со степенью интериоризации этических ценностей, внутренней направленностью мотивации и согласованным с нею контролем поведения, определяется, в том числе, и уровнем интеграции идентичности [29].

Особенно отчетливо понимание идентичности как показателя личностной зрелости отразилось в концепции психосоциальной зрелости Greenberger and Sorensen [32, 33]. Согласно этой модели, стабильное чувство идентичности выступает одной из характеристик личностного компонента психосоциальной зрелости наряду с уверенностью в своих силах и профессиональной направленностью. Исследователи, работающие в русле этой концепции [34, 35], используют методы, направленные на выявление особенностей эго-идентичности, для оценки психологической зрелости в юности.

В российской психологической школе конструируются личностной зрелости и идентичности, говоря метафорическим языком, «встречаются» на территории «субъекта». Свойство «субъектности» является для них общим интегралом, поскольку показатели развития человека как субъекта – целостность, единство, формирование внутренних источников мотивации, способность к самоорганизации и т. д. – выступают критериями личностной зрелости и в то же время результатом интегративной работы идентичности [27]. Неслучайно, по мнению В.А. Петровского, понятие идентичности у Э. Эриксона эквивалентно субъектности [17].

Однако говорить об установлении ясных и точных взаимосвязей между феноменами личностной зрелости и эго-идентичности не приходится. Существует множество косвенных свидетельств, позволяющих предполагать о наличии общности природы и направленности процессов зрелости и идентичности. Следует констатировать, что остается неисследованным вопрос о соотношении этих психологических конструктов и соответствующих им личностных феноменов. Не определено, где находится разделительная черта, отделяющая процессы и состояния идентичности от процессов и свойств личностной зрелости. Не изучены уникальное содержание и функции каждого из этих психологических конструктов. Не прояснены особенности личности, выступающие общими конструктами для зрелости и идентичности, не определены механизмы их взаимосвязи. На наш взгляд, наиболее эвристичной для определения ранее не исследованных закономерностей существования и развития личностной зрелости является концепция динамики эго-идентичности в нормативных кризисах развития личности взрослого человека Е.Л. Солдатовой [24–26].

Эго-идентичность как системообразующий фактор личностной зрелости

Согласно концепции Е.Л. Солдатовой, эго-идентичность – это глубинная личностная структура, которая выполняет регулируемую, управляющую и оценивающую функции с целью сохранения тождественности себе, непрерывности и интегративности личности взрослого человека [26].

Эго-идентичность, понимаемая как процесс рефлексии личностью собственных изменений, актуализируется в нормативных кризисах развития взрослого человека. Динамика эго-идентичности связана с динамикой нормативного кризиса. На основании результатов теоретического и эмпирического исследований, Е.Л. Солдатова определяет соответствие между фазами нормативного кризиса и определенными статусами эго-идентичности. В дебюте кризиса возникает предрешенная эго-идентичность, заданная новой социальной ситуацией, внешними образцами и идеальной формой; в апогее кризиса – размытая или диффузная; в завершении кризиса – автономная или достигнутая эго-идентичность; для стабильных периодов развития характерен мораторий в поиске эго-идентичности.

Согласно положениям концепции Е.Л. Солдатовой, те личностные преобразования, которые происходят во время нормативного кризиса, приводят к появлению нового системного качества личности, возникающего вследствие интеграции возрастных новообразований в структуру личности и выработки нового отношения к себе. Это системное качество представляет собой психологическую готовность к переходу на следующий этап развития [26]. Основываясь на положениях данной концепции, уточним, что психологическую готовность следует понимать как достижение взрослым человеком личностной зрелости, которая в большей степени определяется рефлексивными процессами, направленными на осознание и принятие себя нового, то есть процессами формирования эго-идентичности.

Таким образом, эго-идентичность, выполняющая интегрирующую функцию, и сам факт наличия нормативного кризиса выступают необходимыми условиями формирования зрелости личности. Личностная зрелость – это не просто определенный уровень развития ценностно-смысловой системы личности, ответственности, автономии, то есть те возрастные новообразования, которые сфор-

мировались в предшествующем стабильном периоде развития и определяют возможность и направления самоактуализации, самореализации в дальнейшей жизни. Личностная зрелость – это еще и способность личности к самоорганизации, возникающая вследствие принятия (интериоризации) и интеграции новых ценностей, смыслов и целей своей жизни.

Развитие личностной зрелости, опосредованное развитием эго-идентичности, нелинейно и неравномерно. Динамика формирования эго-идентичности в нормативных кризисах определяет динамику формирования личностной зрелости. Поэтому зрелость можно рассматривать как обратимое состояние, в нормативном кризисе развития она может снижаться, быть утраченной и вновь приобретенной, то есть ее развитие может происходить как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении.

В предкритической фазе нормативного кризиса возникает предрешенная эго-идентичность, для которой характерно открытие новой идеальной формы развития, и в связи с этим фиксация на новых ценностях и смыслах, отрицание прежних целей, ощущение своей предельной независимости и автономии и способности управлять процессом жизни. В апогее кризиса происходит диффузия ценностей, целей, смыслов, временной определенности, поиск и ревизия основных ориентиров и способов реализации жизни. В фазе выхода из кризиса достигнувший идентичности человек, пройдя путь самосознания, окончательно формирует систему личностно значимых целей, ценностей и убеждений и соответственно им структурирует свою жизнь. Людям с достигнутой идентичностью свойственно чувство глобального доверия, стабильности, оптимизм в отношении будущего. Собственные цели, ценности и убеждения человек переживает как личностно значимые и обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни.

Сущностные особенности личностной зрелости определяются не только динамикой нормативного кризиса, структура личностной зрелости меняется на разных этапах развития взрослого человека. На каждом возрастном этапе личность решает свои задачи, определяющиеся тем представлением о возрасте, которое сложилось в данной культуре и данном обществе. Переход на следующий этап развития невозможен без формирования пси-

хологической готовности к переходу, которая, в свою очередь, определяется возникновением новых возможностей личности, формированием необходимых внутриличностных новообразований, содержание которых различно на разных этапах развития.

Однако возникновение новообразований является необходимым, но недостаточным условием формирования личностной зрелости, поскольку возрастные новообразования представляют собой отдельные, не включенные в систему личности свойства. Личностная зрелость невозможна без интеграции возрастных новообразований в структуру личности. Эту интегрирующую функцию выполняют в процессе нормативного кризиса рефлексивные процессы самоотождествления, принятия себя нового, то есть эго-идентичность. Результатом интеграции является возникновение нового системного качества личности – личностной зрелости, для которого эго-идентичность выступает системообразующим фактором.

Таким образом, понятие личностной зрелости может быть расширено за счет обновленного понимания с позиций концепции эго-идентичности: личностная зрелость – это системное качество личности, возникающее к концу нормативного кризиса вследствие интеграции возрастных новообразований в структуру личности и выработки нового отношения к себе, характеризующееся свойствами целостности, динамичности, принципиальной незавершенности развития и обуславливающее сохранение и совершенствование способности личности к наиболее полной реализации ее функций в процессе возрастного развития. Личностная зрелость определяет возникновение психологической готовности к переходу на следующий этап развития. Содержание личностной зрелости обусловлено возрастными задачами развития. Необходимым условием формирования личностной зрелости являются рефлексивные процессы самоотождествления, принятия себя нового. Другими словами, процессы формирования эго-идентичности выступают в роли системообразующих оснований для личностной зрелости.

Литература

1. Александрова, Г.Г. *Психологические критерии социальной зрелости личности в условиях современного российского общества: дис. ... канд. психол. наук / Г.Г. Александрова. – Казань, 2004. – 150 с.*

2. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
3. Анцыферова, Л.И. Психологическое учение о человеке: теория Б.Г. Ананьева, зарубежные концепции, актуальные проблемы / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1998. – № 1. – С. 3–15.
4. Анцыферова, Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности / Л.И. Анцыферова // Психология личности: сб. ст. / сост. А.Б. Орлов. – М.: ООО «Вопросы психологии», 2001. – 192 с.
5. Анцыферова, Л.И. Психология формирования и развития личности / Л.И. Анцыферова // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – 480 с.
6. Бодалев, А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения / А.А. Бодалев. – М.: Флинта; Наука, 1998. – 168 с.
7. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович / ред. и вступит. ст. Д.И. Фельдштейна. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с.
8. Выготский, Л.С. Психология / Л.С. Выготский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.
9. Ганзен, В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
10. Емельянова, М.А. Концепция развития интегративной зрелости будущего социального педагога / М.А. Емельянова // Вестник ОГУ. – 2004. – № 12. – С. 47–56.
11. Ключко, В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) / В.Е. Ключко. – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.
12. Кон, И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1984. – 151 с.
13. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 940 с.
14. Маркова, О.Н. Отношение к собственности у предпринимателей с разным типом личностной зрелости: дис. ... канд. психол. наук / О.Н. Маркова. – Тамбов, 2006. – 207 с.
15. Нестерова, Е.А. Формирование эффективного родительства через развитие личностной зрелости родителей младших школьников: автореферат дис. ... канд. психол. наук / Е.А. Нестерова. – Казань, 2005. – 18 с.
16. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Изд-во «Азъ», 1992. – 600 с.
17. Петровский, В.А. Феномены субъектности в развитии личности / В.А. Петровский; Междунар. ин-т «Открытое общество», Самар. фил., Самар. гос. ун-т, Каф. педагогики и психологии. – Самара: Би., 1997. – 102 с.
18. Психологический словарь / под общей науч. ред. П.С. Гуревича. – М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. – 800 с.
19. Реан, А.А. Психологические проблемы акмеологии. Акмеология личности / А.А. Реан // Психологический журнал. – 2000. – № 3. – С. 87–94.
20. Русалов, В.М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? / В.М. Русалов // Психологический журнал. – 2006. – № 5. – С. 83–91.
21. Свириденко, И.Н. Конфликтность личности с разными уровнями зрелости: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.Н. Свириденко. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
22. Семенов, М.Ю. Особенности отношения к деньгам у людей с разным уровнем личностной зрелости: дис. ... канд. психол. наук / М.Ю. Семенов. – Ярославль, 2004. – 178 с.
23. Сергиенко, Е.А. Зрелость: молярный или модулярный подход? / Е.А. Сергиенко // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 13–28.
24. Солдатова, Е.Л. Психология нормативных кризисов взрослости: монография / Е.Л. Солдатова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 281 с.
25. Солдатова, Е.Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития / Е.Л. Солдатова // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 74–84.
26. Солдатова, Е.Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека: дис. ... докт. психол. наук / Е.Л. Солдатова. – Екатеринбург, 2007. – 375 с.
27. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М.: Издательство Московского университета, 1983. – 284 с.
28. Фрейдджер, Р. Личность: теории, эксперименты, упражнения / Р. Фрейдджер, Д. Фейдимен. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 864 с.

29. Харламенкова, Н.Е. Спонтанность и контроль в зрелых личностных отношениях / Н.Е. Харламенкова // *Феномен и категория зрелости в психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко.* – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 128–148.
30. Чудина, Е.А. Эмоциональная зрелость личности: определение понятия и выделение критериев / Е.А. Чудина // *Личность и проблемы развития: сборник работ молодых ученых / отв. ред. Е.А. Чудина.* – М.: Издательство Института психологии РАН, 2003. – 127 с.
31. Якобсон, П.М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности / П.М. Якобсон // *Психология личности в трудах отечественных психологов.* – СПб: Питер, 2000. – 480 с.
32. Greenberger, E. *The Measurement and Structure of Psychosocial Maturity* / E. Greenberger, R. Josselson, C. Knerr, B. Knelt // *Journal of Youth and Adolescence.* – Vol. 4. – No. 2. – 1975. – P. 128–141.
33. Greenberger, E. *Toward a Concept of Psychosocial Maturity* / E. Greenberger, B. Sorensen // *Journal of Youth and Adolescence.* – Vol. 3. – No. 4. – 1974. – P. 329–352.
34. Josselson, R. *Phenomenological aspects of psychosocial maturity in adolescence. Part I. Boys.* / R. Josselson, E. Greenberger, D. McConochie // *Journal of Youth and Adolescence.* – No. 6. – 1977a. – P. 25–55.
35. Josselson, R. *Phenomenological aspects of psychosocial maturity in adolescence. Part II. Girls.* / R. Josselson, E. Greenberger, D. McConochie // *Journal of Youth and Adolescence.* – No. 6. – 1977b. – P. 145–167.
36. McAdams Dan P. *Ego, Trait, Identity* / Dan P. McAdams // *Personality Development: Theoretical, Empirical, and Clinical Investigations of Loevinger's Conception of Ego Development* / Ed. Augusto Blasi, Lawrence D. Cohn, P. Michiel Westenberg. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.
37. Oyserman, D. *Self-Concept and Identity* / D. Oyserman // *The Blackwell Handbook of Social Psychology. Intraindividual Processes* / Ed. by A. Tesser and N. Schwarz. – London: Blackwell Publishings, 2003. – P. 499–517.

Поступила в редакцию 27 июня 2010 г.

Солдатова Елена Леонидовна. Доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679896.

Elena L. Soldatova. PhD, associate professor, Head of Department of Developmental Psychology, South Ural State University: 8(351)2679896.

Шляпникова Ирина Андреевна. Ассистент кафедры психологии развития Южно-Уральского государственного университета, соискатель: irina@ccn.org.ru, ishlyapa@gmail.com.

Irina A. Shlyapnikova. Assistant of Department of Developmental Psychology, South Ural State University: applicant for a Degree: irina@ccn.org.ru, ishlyapa@gmail.com.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРВИЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОРМАТИВНОМ КРИЗИСЕ ПЕРЕХОДА К ЮНОСТИ

Н.В. Трусова

Представлены результаты исследования первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности. Описана модель развития первичной профессиональной идентичности.

Ключевые слова: первичная профессиональная идентичность, социальная ситуация развития, учебная готовность к освоению профессии.

Понимание природы, структуры, динамики и функций феномена профессиональной идентичности в психологии является неоднозначным. С одной стороны, профессиональная идентичность рассматривается как процесс профессионального развития человека, связанный с профессиональным самоопределением, профессиональной самооценкой, профессиональной направленностью, включающий удовлетворенность профессией и профессиональной деятельностью [1, 10, 16]. С другой стороны, подходы к пониманию профессиональной идентичности, представленные в работах [9, 11, 13, 17, 24], определяют её как свойство личности, выражающееся во взаимосвязи когнитивных, мотивационных и ценностных личностных характеристик.

Вопрос о развитии профессиональной идентичности и необходимости ее психологического сопровождения особенно остро стоит в сфере профессионального образования. Большинство авторов сходятся во мнении, что именно возрасту юности соответствуют задачи профессионального самоопределения и первичной профессиональной идентичности [3, 4, 7, 8, 12, 26, 27]. В нормативном кризисе перехода к юности происходит интериоризация качеств, латентно сформировавшихся в предшествующем возрастном этапе, (подростковом возрасте), соответствующих новым возрастным задачам профессионального, личностного и жизненного самоопределения и формируется структура эго-идентичности. (Е.Л. Солдатова, М.М. Смирнягина). По мере проживания нормативного кризиса развития все изменения системы отношений личности задают специфическую динамику становления профессионального развития человека и профессиональной идентичности. Особую роль в процессе освоения профессии и в становлении эго-идентичности в ранней юности

играет первичная профессиональная идентичность.

Цель исследования: исследовать особенности развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности.

В соответствии с целью исследования были определены следующие задачи исследования:

1. Уточнить сущность и содержание понятия «первичная профессиональная идентичность» в рамках концепции эго-идентичности в нормативных кризисах развития личности.
2. На основе теоретического исследования описать модель развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности у студентов колледжа.
3. Проанализировать результаты диагностики учебной готовности к освоению профессии.
4. Сравнить уровни развития личностных особенностей в группах с разным уровнем учебной готовности к освоению профессии.
5. Выявить связи составляющих первичной профессиональной идентичности со статусами и структурой эго-идентичности.

Исходными теоретико-методологическими основаниями исследования стали: системогенетический комплексный подход к профессиональному становлению человека [23]; концепция культурно-исторической теории развития личности [2, 4, 5, 14, 22, 25]; концептуальные положения о периодизации психического развития в детском возрасте [5, 25 и др.]; акмеологическая концепция развития профессионала [6]; системные положения психологической концепции идентичности [26, 27]; концепция динамики эго-идентичности в нормативных кризисах развития личности взрослого человека [18, 20]; концепции профессиона-

лизации и периодизация профессионального развития [8, 11, 15 и др.]; концепция профессиональной идентичности, как специфической интеграции личностной и социальной идентичности в профессиональной реальности [24]; особенности формирования и развития профессиональной Я-концепции в юношеском возрасте [4, 7, 12, 14, 25].

В исследовании для решения поставленных задач использовался формирующий эксперимент, психодиагностические и статистические методы исследования. В качестве психодиагностических методов использовались: методика диагностики структуры и статусов эго-идентичности (Е.Л. Солдатовой); опросник «Изучение общей самооценки» (Г.Н. Казанцевой); методика диагностики направленности личности «Ориентационная анкета» (Б. Басса); методика диагностики «Изучение учебной готовности первокурсника» (Л.А. Даренских). Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась на основе критерия ϕ^* – угловое преобразование Фишера, корреляционный анализ был проведен с помощью коэффициента корреляции r – Пирсона.

В исследовании приняли участие студенты первого года обучения Федерального государственного образовательного учреждения, среднего профессионального образования, «Уральский государственный колледж», города Челябинска, и его отделения № 2 – 180 человек, в возрасте 15–18 лет (юношей – 87, девушек – 93).

В кризисе перехода к юности процесс профессионального развития продолжается с поступлением в профессиональное учебное заведение – изменяются социальные отношения (**объективный уровень социальной ситуации развития (ссп), отношение с профессиональным сообществом**). Новая социальная роль личности (учащийся, студент) характеризуется появлением новых ценностно-мотивационных взаимоотношений в коллективе, большей социальной независимостью (**субъективный уровень ссп: отношение к выбранной профессии и профессиональному сообществу**). Эти изменения вызывают напряженность, внутреннюю работу личности по преодолению внутренних конфликтов, вызванных изменением объективной и субъективной сторон социальной ситуации развития. Изменения инициируют нормативный кризис профессионального становления личности. Именно в кризисе перехода к юности формируется психологическая готовность к первичному освоению профессии: интегра-

ция новообразований личности, латентно сформированных в предшествующем кризисе этапе развития (Я-концепция, направленность личности), и присвоение новообразования нормативного кризиса (достигнутая эго-идентичность) (**рефлексивный уровень ссп**).

Рассматривая первичную профессиональную идентичность как часть профессионального самоопределения, проявляющуюся в осознании принадлежности к определенной профессии и профессиональному сообществу, выделим следующие ее составляющие:

– **отношение к себе, как к профессионалу** – переживание уникальности своего бытия и неповторимости личностных свойств – тождественность самому себе, представление о том, кто «Я» есть, и что является «Моим», при наличии своей принадлежности социальной реальности в форме конкретных жизненных ситуаций и отношений. Профессиональная самоидентификация способствует формированию мотивационно-ценностного отношения к своей деятельности и устойчивого образа «Я».

– **отношение к выбранной профессии** – осознанное отношение к выбранной профессии, а также личностно-приемлемые профессиональные традиции, ценности и смыслы творческой деятельности.

– **отношение к профессиональному сообществу** – определяет социальное взаимодействие и специфические формы профессиональных интеракций. Профессиональная идентичность профессиональному сообществу предполагает владение умениями сотрудничать, включает в себя сформированность особого чувства сопричастности ко всему, что происходит в профессиональном сообществе, осознание себя и других в качестве единой общности – «мы».

Выделенные положения позволяют представить модель развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности (табл. 1).

Рассматриваемая модель развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности позволяет эффективно отслеживать и развивать на практике уверенность в себе, направленность на профессиональное дело и общение, изменение статуса эго-идентичности.

Результаты исследования первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности отражают результаты исследования учебной готовности, корреляционные связи показателей

Таблица 1

Модель развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности

Уровни ССР	Первичная профессиональная идентичность	I фаза кризиса предрешенная эго-идентичность	II фаза кризиса диффузная эго-идентичность	III фаза кризиса достигнутая эго-идентичность
III. Рефлексивный уровень	Отношение к себе как к профессионалу	Фиксация на будущем, его идеализация, излишняя уверенность в себе, своих силах, сомнение	Отказ от настоящего, идеализация будущего, пониженная самооценка, самоуважение, сомнения в адекватности собственных проявлений	Принятие прошлого, уверенность в своих силах, собственных ресурсах
	Отношение к выбранной профессии	Предрешенный выбор профессии, отказ от прежней деятельности	Сомнения в выборе профессии, своего дела, неспособность сконцентрироваться на занятии, чрезмерная поглощенность односторонней деятельностью, которая не всегда связана с профессиональной направленностью	Уверенность в своем выборе, его адекватности, тождественность своим интересам, потребностям
	Отношение к профессиональному сообществу	Идеализация новых (будущих) отношений, отказ от старых отношений	Отказ от отношений, неверие в себя и других, изоляция от общения, идеализация прошлых отношений	Повышение ценностей профессиональных отношений и их значимость
II. Субъективный уровень	Отношение к выбранной профессии и проф. сообществу	Отрицание прежних ценностей и потребностей, стремление к новым целям	Обесценивание собственных ценностей и целей, потеря смысла, сомнение в целях	Самостоятельность, гибкость и решительность в выборе собственных целей и ценностей
I. Объективный уровень	Отношение с профессиональным сообществом	Поступление в профессиональное учебное заведение	Активное включение в профессиональное обучение.	Установление профессионального взаимодействия с одноклассниками, педагогами

первичной профессиональной идентичности со статусами и структурой эго-идентичности.

Анализ уровня учебной готовности к первичному освоению профессии показал, что высокий уровень учебной готовности к освоению профессии имеют только 27,7 % (50 чел.) обследуемых студентов, у 42,2 % студентов (76 чел.) уровень сформированности учебной готовности к первичному освоению профессии средний, 30 % (54 чел.) студентов имеют низкий уровень. Таким образом, 72,2 % обследуемых студентов практически не готовы к первичному освоению профессии, что повлияет на вхождение в профессиональную среду и профессиональную учебу. Нормативный кризис перехода к ранней юности будет осложнен деструктивными процессами. Учебная готовность к профессио-

нальному обучению не тождественна психологической готовности к освоению профессии (первичной профессиональной идентичности) и связана с уровнем развития силы воли, сформированности общеучебных и специальных умений, способности к саморазвитию.

Для более детального изучения особенностей уровней сформированности учебной готовности к освоению профессии были выделены группы с разным уровнем учебной готовности: ЭГ₁ – низкий уровень сформированности учебной готовности к первичному освоению профессии, ЭГ₂ – средний, ЭГ₃ – высокий уровень.

В результате сравнения данных, полученных по методикам диагностики общей самооценки, направленности личности, статусов и структуры эго-идентичности в выделенных

Психология развития, акмеология

группах студентов, демонстрирующих низкий, средний и высокий уровни сформированности учебной готовности к первичному освоению профессии с использованием критерия F^* Фишера, выявили статистически значимые различия в выраженности всех показателей.

Как видно из табл. 2, в группе с низкой учебной готовностью к овладению профессией выявлена самая высокая процентная доля по показателю «низкая самооценка». Это значит, что испытуемые не ценят и не доверяют себе, ставят перед собой цели менее сложные, чем те, которых они могут достичь, преувеличивают значение неудач. В группе со средней учебной готовностью к овладению профессией выявлена самая высокая процентная доля по показателю «средняя самооценка». Это значит, что представители данной группы находятся в поисках себя, у них не сформировано представление о себе, они склонны сомневаться в правильности выбранной профессии.

Самая высокая процентная доля по показателю «высокая самооценка» у представителей группы с высоким уровнем учебной готовности к овладению профессией. Как правило, это связано с тем, что личность с высокой самооценкой (по опроснику «Изучение общей самооценки» (Г.Н. Казанцевой), высокая самооценка считается адекватной для испытуемых) уверена в своих силах, собственных ресурсах, более успешна в учебно-профессиональной деятельности и в стремлении к овладению профессией.

Из табл. 3 видно, что в группе с низкой учебной готовностью к овладению профессией выявлена самая низкая процентная доля по показателям: направленность на дело и на общение. Это значит, что испытуемые не стремятся поддерживать отношения с профессиональной средой, не способны сконцентрироваться на деле (профессиональное освоение профессии) и не заинтересованы в ее решении; высокая процентная доля показана представителями данной группы по направленности на себя (Я)-ориентация на удовлетворение своих личных интересов и вознаграждение безотносительно к качеству работы и интересам сокурсников. В группе со средней учебной готовностью к овладению профессией самое высокое значение показателя направленности личности – на общение. Это значит, что представители данной группы стремятся при любых условиях поддерживать отношения с одноклассниками (первичное профессиональное сообщество), пробуют себя в разных ролях, но при этом не способны к самостоятельному осознанному выбору в своей профессиональной деятельности. Высокие процентные доли по показателям направленности личности на общение и на дело выявлены у представителей групп с высоким уровнем учебной готовности к овладению профессией, как правило, это связано с тем, что социальные отношения значимы, профессиональное общение – конструктивно, у них выражена уверенность в своем профессиональ-

Таблица 2

Результаты попарного сравнения групп испытуемых по показателям самооценки

Показатели самооценки		ЭГ ₁ /ЭГ ₂	ЭГ ₂ /ЭГ ₃	ЭГ ₁ /ЭГ ₃
Низкая	% доля	66,6 / 31,5	31,5 / 0	66,6 / 0
	фЭМП	4,02**	6,54**	9,72**
Средняя	% доля	33,3 / 57,8	57,8 / 14	33,3 / 14
	фЭМП	2,79**	5,27**	2,35**
Высокая	% доля	0 / 10,5	10,5 / 86	0 / 86
	фЭМП	3,70**	9,41**	12,1**

Примечание. Достоверность различий: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таблица 3

Результаты попарного сравнения групп испытуемых по направленности личности

Показатели направленности личности		ЭГ ₁ /ЭГ ₂	ЭГ ₂ /ЭГ ₃	ЭГ ₁ /ЭГ ₃
Направленность на себя (Я)	% доля	62,9 / 32,8	32,8 / 4	62,9 / 4
	фЭМП	3,43**	4,48**	7,28**
Направленность на общение (О)	% доля	22,2 / 36,8	36,8 / 48	22,2 / 48
	фЭМП	1,81*	1,24	2,80**
Направленность на дело (Д)	% доля	14,8 / 30,2	30,2 / 48	14,8 / 48
	фЭМП	2,10*	2,01*	3,77**

Примечание. Достоверность различий: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

ном выборе, в осознанном отношении к овладению профессиональными знаниями, умениями и навыками.

Высокое значение показателя достигнутой эго-идентичности (табл. 4) у группы с высоким уровнем учебной готовности показывает сформированность и готовность к освоению профессии, к первичной профессионализации. Группы с низким и средним уровнем учебной готовности к освоению профессии (высокие значения показателей по предрешенной и диффузной эго-идентичности), характеризуются неготовностью к освоению профессии, затруднена первичная профессиональная идентичность и прохождение нормативного кризиса перехода к юности.

Вывод: для студентов, демонстрирующих низкий и средний уровни сформированности учебной готовности к первичному освоению профессии, в большей мере характерны низкая самооценка, направленность на себя, диффузная и предрешенная эго-идентичность. Эти испытуемые не готовы к первичному освоению профессии, что влечет за собой сложности в развитии первичной профессиональной идентичности, в присвоении системы профессиональных ценностей, осознания себя представителем определенной профессии, профессионального сообщества, будет затруднено прохождение нормативного кризиса. Поскольку именно в нормативном кризисе перехода к юности формируется психологическая готовность к первичному освоению профессии – интеграция новообразований личности, латентно сформированных в предшествующем кризису этапе развития (Я-концепция, направленность личности) и новообразования нормативного кризиса (достигнутая эго-идентичность), то несформировавшаяся эго-идентичность свидетельствует о ненормативном прохождении кризиса.

Для решения задачи о выявлении связей показателей первичной профессиональной идентичности со статусами и структурой эго-

идентичности был использован корреляционный анализ Пирсона (см. рисунок).

Выявленная статистически значимая положительная корреляционная связь между предрешенной эго-идентичностью (предкритическая фаза нормативного кризиса) и направленностью на себя, свидетельствует, что этой фазе соответствует эгоцентризация, высокое самомнение, отказ от старых отношений, идеализированы образ себя и профессионального будущего.

Выявленная статистически значимая отрицательная корреляционная связь между диффузной эго-идентичностью (собственно критическая фаза нормативного кризиса) и показателями самооценки, направленности на общение, свидетельствует о том, что при прохождении второй фазы нормативного кризиса самооценка понижается, повышается неверие в себя, идеализируются прошлые отношения, происходит отказ от общения.

Статистически значимые положительные корреляционные связи между достигнутой эго-идентичностью и показателями самооценки, направленности на общение, и на дело свидетельствует, что в третьей фазе нормативного кризиса на рефлексивном уровне социальной ситуации развития повышается ценность профессиональных отношений, направленности на дело, присваиваются ценности и цели будущей профессиональной деятельности, осознаются и принимаются собственные чувства, повышается уверенность в себе.

Выявленная статистически значимая отрицательная корреляционная связь между достигнутой эго-идентичностью и показателем направленности на себя, свидетельствует о том, что при прохождении фазы адаптации нормативного кризиса направленность на себя уменьшается, проявляется большая потребность в конкретном деле (учебно-профессиональная деятельность) и в отношениях с профессиональным сообществом (однотруппники).

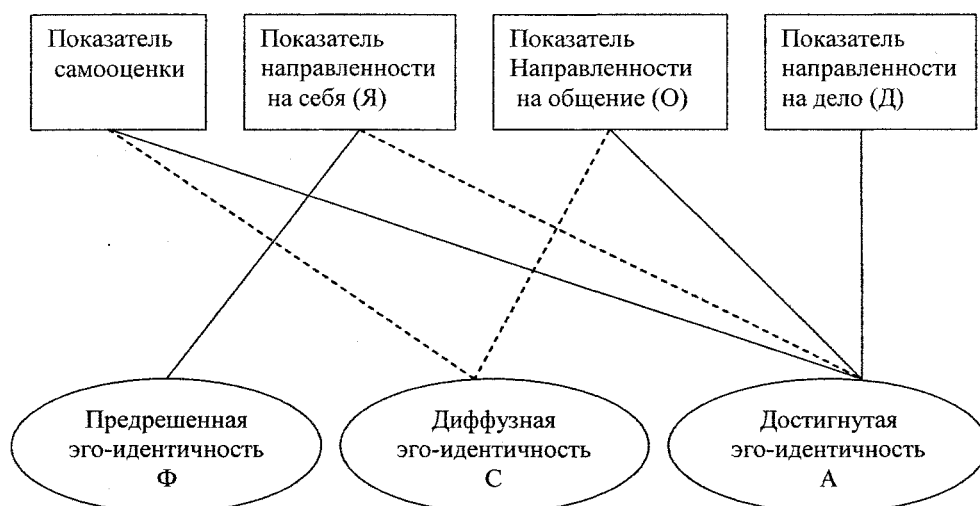
Корреляционный анализ подтвердил мо-

Таблица 4

Результаты попарного сравнения групп испытуемых по методике СЭИ-тест

Статус		ЭГ1/ЭГ2	ЭГ2/ЭГ3	ЭГ1/ЭГ3
А	% доля	0 / 1,31	1,31 / 98	0 / 98
	ФЭМП	1,28	14,4**	14,5**
С	% доля	40,7 / 63,1	63,1 / 2	40,7 / 2
	ФЭМП	2,53**	8,52**	5,60**
Ф	% доля	59,2 / 35,5	35,5 / 0	59,2 / 0
	ФЭМП	2,69**	7,01**	8,94**

Примечание. Показатели статусов эго-идентичности: А – достигнутая, С – диффузная, Ф – предрешенная. Достоверность различий: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Корреляции показателей самооценки, направленности личности со статусами и структурой эго-идентичности:

_____ — статистически значимая положительная корреляционная связь ($p < 0,05$, $p < 0,01$);
 - - - - - — статистически значимая отрицательная корреляционная связь ($p < 0,05$)

дель развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности. Первичная профессиональная идентичность имеет специфическую структуру и может быть описана в виде составляющих через отношения: отношение к себе как к профессионалу; отношение к выбранной профессии; отношение к профессиональному сообществу. Достигнутая эго-идентичность является системообразующим компонентом для первичной профессиональной идентичности.

В результате проведенного исследования первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности позволили сделать следующие **выводы**:

1. В широком смысле, первичная профессиональная идентичность – это процесс профессионального развития, характеризующийся изменением всех сторон системы отношений личности и результат процесса, проявляющийся в осознании принадлежности к определенной профессии и профессиональному сообществу. В узком смысле первичная профессиональная идентичность – это психологическая готовность к предстоящей деятельности, рассматриваемая через интеграцию новообразований личности, латентно сформированных в предшествующем кризису этапе развития (Я-концепция, направленность личности), и новообразования нормативного кризиса (достигнутая эго-идентичность).

2. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что по мере проживания

нормативного кризиса перехода к юности, изменения системы отношений личности задают специфическую динамику нормативного кризиса, в ходе которого формируется психологическая готовность к первичному освоению профессии.

3. На основе теоретического исследования описана модель развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности у студентов колледжа, которая включает в себя: характеристики социальной ситуации развития (объективный, субъективный и рефлексивный уровни), составляющие первичной профессиональной идентичности (отношение к себе как к профессионалу, отношение к выбранной профессии, отношение к профессиональному сообществу) и фазы нормативного кризиса.

4. Корреляционный анализ подтвердил модель развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности.

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. *Жизненные перспективы личности* / К.А. Абульханова-Славская // *Психология личности и образ жизни* / под ред. Е.В. Шороховой. – М.: Наука, 1987. – 219 с.
2. Асмолов, А.Г. *Психология личности* / А.Г. Асмолов. – М.: МГУ, 1990. – 367.
3. Бершедова, Л.И. *Психологическая готовность к переходу на новый этап возрастного развития как личностное новообразо-*

вание критических периодов: дис. ... д-ра психол. наук / Л.И. Бершедова. – М., 1999. – 314 с.

4. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Педагогика, 1968. – 415 с.

5. Выготский, Л.С. Психология / Л.С. Выготский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.

6. Деркач, А.А. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях (Психолого-акмеологические основы) / А.А. Деркач., В.Г. Зазыкин. – М.: МААА, 1998.

7. Дубровина, И.В. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / И.В. Дубровина. – М.: Педагогика, 1987. – 181 с.

8. Зеер, Э.Ф. Психология профессий: учеб. пособие / Э.Ф. Зеер. – М.: Академия, 2003.

9. Иванова, Н.Л. Профессиональная идентичность в социально – психологических исследованиях / Н.Л. Иванова // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 89–100.

10. Кирьянова, Е.Н. Психология формирования личности профессионала / Е.Н. Кирьянова // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 4. – С. 26–34.

11. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. – М., 1996.

12. Кон, И.С. Психология ранней юности: кн. для учителя / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.

13. Конева, Е.В. Пространство проблемных ситуаций и психологическая адаптация / Е.В. Конева // Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования: сб. ст. – М.; Ярославль: Ремдер, 2004. – С. 338–342.

14. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т.1. – 391 с.

15. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М., 1996.

16. Поваренков, Ю.П. Становление профессиональной идентичности студентов педагогического вуза / Ю.П. Поваренков, Т.В. Мищенко // Высшая школа на современном этапе: Психология преподавания и обучения. Т. 2: Международный сборник статей / под ред.

М.М. Кашипова. – М.; Ярославль: Изд-во «Российское психологическое общество», 2005.

17. Просекова, В.М. Динамика профессионального самосознания психолога-практика (психосемантический аспект) / В.М. Просекова // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002 – № 4. – С. 32–48.

18. Солдатова, Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: моногр. / Е.Л. Солдатова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 267 с.

19. Солдатова, Е.Л. К вопросу о динамике эго-идентичности в нормативных кризисах развития / Е.Л. Солдатова // Ярославский психологический вестник. – 2006. – Вып. 18. – С. 91–97.

20. Солдатова, Е.Л. Исследование социальной ситуации развития в кризисе перехода к взрослости / Е.Л. Солдатова // Вестник ЮУрГУ. – 2005. – Вып. 4. – № 7 (47). – С. 169–175.

21. Смирнягина, М.М. Психологическое содержание и сопровождение нормативного кризиса перехода к юности: дис. ... канд. психол. наук / М.М. Смирнягина. – Нижний Новгород. 2008. – 156 с.

22. Фельдштейн, Д.И. Психология развивающейся личности / Д.И. Фельдштейн. – М., 1996.

23. Шадриков, В.Д. Проблемы системогенеза в профессиональной деятельности / В.Д. Шадриков. – М.: МГУ, 1999.

24. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Л.Б. Шнейдер. – Москва, 2001. – 64 с.

25. Эльконин, Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6–20.

26. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризисы: пер. с англ. / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

27. Marcia, J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. Identity / J.E. Marcia // An International Journal of Theory and Research. – 2002. – N 2. – P. 7–28.

Поступила в редакцию 30 июня 2010 г.

Трусова Наталья Владимировна. Преподаватель психолого-педагогических дисциплин Федерального государственного образовательного учреждения среднего профессионального заведения «Уральский государственный колледж»: NVTrusova@mail.ru.

Natalia V. Trusova. Teacher of psycholo-pedagogical disciplines of Federal State Educational Institution of secondary professional Education «Ural State College»: NVTrusova@mail.ru.

Клиническая (медицинская) психология

УДК 159.9.072
ББК Ю93

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ В НОРМЕ И С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

А.В. Астаева, Д.И. Воронкова, М.Б. Королева

Рассмотрены особенности развития высших психических функций детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи с целью раскрытия взаимосвязи, существующей между структурами созревающего мозга и развивающимися на их основе психическими функциями и выявить нарушения, специфичные для речевой патологии. Выделены специфические возрастные особенности развития психики детей в норме и при патологии с целью выделения мишеней коррекционной программы.

Ключевые слова: общее недоразвитие речи, нейропсихологический анализ, высшие психические функции.

Одним из наиболее часто встречающихся вариантов отклоняющегося развития является общее недоразвитие речи (ОНР). Проблема изучения этого феномена находится на стыке таких научных дисциплин, как логопедия, специальная психология и нейропсихология.

Нарушения речи у взрослых глубоко исследованы в отечественной нейропсихологии [7–10]. Но данные о характере патологии речи у взрослых не могут быть перенесены на патологию речи у детей. В детском возрасте недостаточность ВПФ обусловлена не локальной мозговой патологией, а является следствием функциональной незрелости и ранних органических поражений центральной нервной системы [2, 4, 9, 10 и др.]. В логопедической практике довольно часто распространен подход к коррекции речевых нарушений без учета знаний о причинах, механизмах и основных синдромах несформированности ВПФ у детей, что сказывается на эффективности коррекционной работы.

Несмотря на возросший в последние годы интерес к проблеме профилактики ОНР, на сегодняшний день не выделены основные параметры нейропсихологической диагностики детей с ОНР.

Успешность обучения детей с отклонениями в нервно-психическом развитии, их социальная и школьная адаптация зависят от раннего выявления нарушений в познавательной дея-

тельности. Развитие речи непосредственно взаимосвязано со становлением психики, интеллекта, сенсорных функций и моторики.

Одно из основных отличий нейропсихологии детского возраста от традиционной клинической нейропсихологии состоит в незавершенном характере развития как мозга, так и различных систем высших психических функций (ВПФ). Это приводит к тому, что нарушение или запаздывание в развитии одной функции ведёт к нарушению развития и других, связанных с ней функций [1, 9, 10].

Анализ развития ВПФ в рамках нейропсихологического подхода позволит раскрыть взаимосвязь, существующую между структурами созревающего мозга и развивающимися на их основе психическими функциями и выявить нарушения, специфичные для речевой патологии.

Проблема анализа ВПФ актуальна уже потому, что на сегодняшний день абсолютно неправомерно оценивать соматический и психический статус детей исходя из статистически необоснованных норм.

Все более актуальной становится не только локальная диагностика несформированных или дефицитных мозговых структур, а функциональная диагностика отдельных дефектов, препятствующих овладению определенными знаниями и умениями, адаптации ребенка в массовом дошкольном или школьном

учреждении и в семье [2]. Актуальность анализа ВПФ при отклоняющемся развитии важна, поскольку необходимо создание правильно организованных коррекционных мероприятий, способствующих актуализации адаптивных и компенсаторных механизмов [3, 8].

Речь является одной из самых сложных психических функций. Формирование структур речевого развития определяется развитием других взаимозависимых с ней психических функций, изменяющих свои функциональные возможности на разных этапах онтогенеза под влиянием всё более избирательных воздействий.

Считается, что различия в мозговой организации речевых процессов у детей и взрослых могут быть объяснены изменениями внутренней психологической структуры речевой деятельности и, в частности, спецификой детской речи, в которой правополушарные компоненты занимают больше места и являются более значимыми, чем у взрослых [7, 4, 9, 10]. При этом речевой дефект выступает не единственной причиной, определяющей задержку психического развития. В структуре этой задержки доминируют замедление темпа формирования психических процессов, трудности формирования языковой и других символических видов деятельности, недостаточность связанных с речью умственных операций (вербальная память, навыки фонемного и морфемного анализа) [6].

Таким образом, специфичность речевой функции отражения окружающей действительности и её взаимозависимость развития с другими функциями обуславливает необходимость исследования именно на ранних этапах её становления. Поскольку от нормального развития речевой функции зависит успешная адаптация ребенка в социуме.

Целью проведенного исследования являлось выявление специфических возрастных особенностей высших психических функций у детей дошкольного возраста при нормальном и патологическом развитии функции речи.

Предметом являлись системная взаимосвязь и качественное своеобразие в развитии ВПФ детей старшего дошкольного возраста в норме и при нарушенном речевом развитии.

Объектом выступали особенности ВПФ и их развития в норме и при дизонтогенезе.

В ходе исследования было выдвинуто предположение, что нейропсихологические различия несформированности развития рече-

вой функции у детей-дошкольников разных возрастных групп согласуются с психическим содержанием критических периодов развития функций и с принципом хроногенности.

В процессе проведения исследования использовался метод синдромного анализа нарушений высших психических функций, разработанный А.Р. Лурия, адаптированный для детей дошкольного возраста, методы статистической обработки данных.

Выборку составили 2 группы детей дошкольного возраста 5–6 и 6–7 лет при нормальном развитии в количестве 105 человек и 2 группы 5–6 и 6–7 лет с речевой патологией в количестве 73 человек.

Исследование детей проводилось на базе дошкольных образовательных учреждений и учреждений здравоохранения г. Челябинска.

В процессе исследования был проведен: нейропсихологический анализ формирования ВПФ у детей нормы 5–6 и 6–7 лет; нейропсихологический анализ формирования ВПФ у детей с ОНР 5–6 и 6–7 лет; сравнительный анализ формирования ВПФ у детей нормы и с ОНР разных возрастных групп.

В процессе проведения сравнительного анализа формирования ВПФ у детей нормы и с ОНР разных возрастных групп были получены следующие результаты:

1. В гностической сфере по сравнению с группами детей нормы у детей с ОНР на первый план выходят гностические нарушения предметного гнозиса, фрагментарность восприятия, нарушение акустического узнавания в виде персевераций, лишних импульсов при воспроизведении ритмических структур, что связано с нарушением зоны ТРО. Несформированность пространственного гнозиса проявляется в псевдодиагнозах.

2. В сфере праксиса по полученным данным нейропсихологического исследования у обеих групп детей с ОНР и у детей нормы прослеживается динамика в снижении нарушений праксиса по мере взросления ребёнка. В то же время у детей с ОНР нарушения имеют значительно большую частоту встречаемости, чем у детей нормы. У детей обеих возрастных групп, как при нормальном, так и отклоняющемся развитии, прослеживается специфика в одинаковости встречаемости частоты нарушений реципрокной координации, но с большим отрывом у детей с ОНР, чем при нормальном развитии. В данном случае можно говорить о более позднем форми-

ровании в процессе онтогенеза межполушарных отношений. У детей обеих групп с ОНР и у младшей группы нормы выявлена несформированность динамического праксиса в виде стереотипии, трудности пространственной организации движений и действий.

3. По полученным данным исследования внимания и памяти у детей 5–6 и 6–7 лет с ОНР и при нормальном развитии прослеживается низкая умственная работоспособность и концентрация внимания, но частота встречаемости нарушений у детей с ОНР значительно выше, чем у детей с нормальным развитием. Низкий объём внимания влияет в свою очередь на значительно выраженные у детей с ОНР нарушения слухоречевой памяти, симптоматика которой проявляется в низкой продуктивности запоминания. В данном случае нарушения III функционального блока мозга обеспечивают несформированность фактора контроля, регуляции.

4. В результате исследования мышления и речи по данным анализа нейропсихологического исследования специфической возрастной особенностью обеих групп нормы и дизонтогенеза является несформированность процессов обобщения, проявляющаяся в непонимании или затруднённом понимании смысла рассказа. В онтогенезе на данном возрастном этапе 5–6 и 6–7 лет наглядно-образное мышление является превалирующим, что соответствует уже проведенным исследованиям. При этом у детей с ОНР частота встречаемости ошибок выше, чем у детей нормы в связи с нарушением мыслительных операций, вследствие нарушения симультанно-сукцессивного анализа и синтеза информации.

По данным нейропсихологического исследования детей 5–6 и 6–7 лет нормы и с речевой патологией, у детей с ОНР на первый план выходят гностические нарушения, проявляющиеся в несформированности предметного гнозиса, импульсивности в гностической сфере, фрагментарности восприятия, псевдоагнозии. Специфика выявленных особенностей обусловлена несформированностью II и III структурно-функциональных блоков, проявляющаяся в несовершенном приеме информации извне, в данном случае зрительным анализатором, и несформированностью регуляторного фактора в виде трудности контроля, избирательности и целенаправленности при восприятии.

У детей обеих групп отмечается недостаточная сформированность фактора регуляции

контроля психической деятельности, что отражает факт длительного, позднего морфофункционального формирования передних отделов мозга, в частности, лобных долей, реализующих регуляцию, программирование и контроль.

Выявлены возрастные особенности у обеих групп детей с ОНР и детей нормы в недостаточной сформированности движений и действий, ярко проявляющих себя в пробе на реципрокную координацию. Инертность, трудности удержания двигательной программы, двигательная аспонтанность, напряжённость, замедленность, поочерёдное или симметричное выполнение реципрокной координации сопровождают выполнение задания. Более позднее формирование в онтогенезе филогенетической зрелости межполушарных отношений в обеспечении целостной психической деятельности определяет данные феномены.

У детей с отклоняющимся развитием выявлено нарушение акустико-вокализационного источника речевой деятельности, неразрывно связанного с тактильными, оптическими кодами [7]. Можно говорить о сниженной функциональной возможности обработки информации, поступающей из внешнего мира, сниженном объёме внимания, нарушенном анализе тактильно-кинестетических сигналов, нарушении фонематического слуха. Таким образом, можно предположить, что сужение, бедность словаря, неразвёрнутость речевого высказывания, импульсивность, речевая аспонтанность в речевых пробах, являются вторичными нарушениями, определяющимися нарушениями истоков речевой деятельности у детей с ОНР.

Таким образом, можно говорить о том, что некоторые симптомы, выявляемые при речевой патологии, не являются специфическими при данном виде патологии, а лишь отражают особенности формирования ВПФ на данном этапе онтогенеза. Выявление специфических особенностей развития ВПФ требует проследивания динамики своего развития в онтогенезе, поскольку это дает возможность в дальнейшем говорить о нарушенной либо несформированной функции. В условиях дизонтогенеза несформированная функция находится в особых условиях, поскольку опирается на, возможно другие, нарушенные, а не сформированные функции. Важен не только качественный системный анализ ВПФ при дизонтогенезе, но и сравнение его с нормой, в целях определения мишеней коррекционной работы. Необ-

ходимо, помимо данного условия, прослеживание динамики возрастного развития для более полного и точного комплекса восстановительных мероприятий с учётом компенсаторных возможностей ребёнка.

Выводы

1. Изучение теоретико-методологических основ организации и выполнения нейропсихологических исследований когнитивных процессов детей дошкольного возраста выявляет, что определённое запаздывание в созревании функциональных систем и формировании ВПФ в онтогенезе заставляет заново вернуться к вопросу о синдромах нарушения ВПФ в детском возрасте в контексте развития, а не в контексте болезни. Неравномерность развития психических функций определяет специфику возрастных особенностей в детском возрасте при нормальном развитии и патологическую симптоматику при отклоняющемся развитии. Выделение специфических характеристик развития ВПФ позволит выявить нейропсихологические мишени, необходимые для проведения коррекционного развития.

2. У детей дошкольного возраста при нормальном развитии на первый план выходят признаки межполушарной несформированности и снижение функции произвольной регуляции и контроля за собственной деятельностью и поведением в целом, что характерно всем психическим функциям (праксис, гнозис, мыслительные операции). При этом у детей 6–7 лет частота встречаемости нарушений ниже, что свидетельствует о динамическом возрастном развитии. Таким образом, формирование II функционального блока мозга в дошкольном возрасте (блок приёма, переработки и хранения информации) приводит к более точному и дифференцированному восприятию информации, наблюдается возрастная динамика формирования межполушарного развития и к возрасту 7 лет клиническая картина психической деятельности определяется формирующейся произвольной регуляцией.

3. У детей 5–6 и 6–7 лет с ОНР по данным нейропсихологического обследования на первый план выходят нарушения в гностической сфере, что связано с несформированностью II и III функциональных блоков, проявляющимися в менее дифференцированном

приеме информации извне, и несформированностью регуляторного фактора в виде трудности контроля, избирательности и целенаправленности при восприятии. Также наблюдаются ошибки при выполнении проб на исследование праксиса, которые свидетельствуют о несформированности межполушарных отношений. Собственные речевые нарушения обуславливают специфику нарушений всех психических процессов. При этом частота встречаемости нарушений в младшей возрастной группе выше, что связано с динамическими возрастными изменениями, которые определяются развитием межполушарных отношений, формированием психических функций в онтогенезе, развитием фактора регуляции и контроля психической деятельности, формированием блока приёма и переработки информации. Таким образом, онтогенетические перестройки, возможности компенсации и проводимая коррекционная работа определяет динамику изменений.

4. У детей с речевой патологией и при нормальном развитии на первый план выходят симптомы в виде нарушений и несформированности симультанно-сукцессивного анализа и синтеза, что характеризует несформированность межполушарного взаимодействия, также наблюдается несформированность III функционального блока, что может вести к снижению опосредованной регуляции собственной деятельности и поведения в целом, и у группы ОНР наблюдается дисфункция II функционального блока, что определяет несформированность функционального приёма и обработки слухо-речевой информации.

5. У детей группы ОНР нарушение психических процессов связано в первую очередь с нарушением фонематического слуха, пространственных и квазипространственных отношений в речи, понимания логико-грамматических отношений и орального праксиса. Данные особенности речевой сферы, по данным нейропсихологического исследования детей с ОНР, определяются также несформированностью межполушарного взаимодействия и несформированностью функции произвольной регуляции.

6. Психокоррекционная работа с детьми, имеющими нарушения речи, в первую очередь должна быть направлена на формирование произвольной регуляции в виде повышения концентрации и распределения внимания, фонематического слуха с целью повышения

качества семантики языка, понимания логико-грамматических конструкций языка, в основе которых лежат нарушение симультанно-сукцессивного анализа и синтеза вербальной информации.

Разнообразие форм дизонтогенеза не позволяет создавать фиксированный шаблон исследования нейропсихологическими методиками. Каждое исследование индивидуально и варьирует в необходимых для экспериментатора пределах, не выходя за рамки компетенции. Широкий, гибкий спектр методик делает системный подход к ВПФ не только качественным, но и количественным. Это в свою очередь позволяет оценивать не только глубину нарушений, но и количество присутствующих данных нарушений определённой, в данном случае детской популяции. Создание критериальных норм для оценки развития ВПФ в онтогенезе становится необходимым, поскольку позволит создавать те коррекционные мероприятия, мишенью которых будет являться источник отклонений в развитии.

Накопление в современной детской популяции патологических стигм приобретает всё больший размах, причём это имеет место даже в тех случаях, когда ребёнок «здоров» по определённым клиническим показаниям. Практическая значимость заключается в разработке новых оценок относительно развития ВПФ в онтогенезе и применение данных в диагностических и коррекционных целях.

Литература

1. Александрова, Н.Ш. *Детские языковые синдромы (алалии, детские афазии, синдром Ландау-Клеффнера)* / Н.Ш. Александрова // *Журнал неврологии и психиатрии*. – 2007. – № 8. – С. 70–75.
2. Астаева, А.В. *Основные проблемы нейропсихологического исследования в детском возрасте* / А.В. Астаева // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2010. – №4(180). – С. 71–76.
3. *Вассерман, Л.И. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение* / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щёлкова – СПб.: филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 736 с.
4. *Микадзе, Ю.В. Нейропсихология детского возраста* / Ю.В. Микадзе. – СПб.: Питер, 2008. – 288 с.
5. *Сергиенко, А.А. Особенности формирования и развития мнестической деятельности у детей 6–8 и 9–11 лет, обучающихся в общеобразовательной школе: автореф. дис ... канд. психол. наук* / А.А. Сергиенко. – М., 2006. – 24 с.
6. *Фотекова, Т.А. Состояние вербальных и невербальных функций при общем недоразвитии речи и задержке психического развития: дис. ... д-ра психол. наук* / Т.А. Фотекова. – М., 2003. – 382 с.
7. *Хрестоматия по нейропсихологии* / под ред. Е.Д. Хомской. Л.С. Цветкова РПО, 1999. – 484 с.
8. *Цветкова, Л.С. Мозг и интеллект. Нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности* / Л.С. Цветкова. – М.: Просвещение; АО «Учеб. лит.», 1995. – 304 с.
9. *Цветкова, Л.С. Проблема синдрома в нейропсихологии детского возраста* / Л.С. Цветкова, А.В. Цветкова // *Вопросы психологии*. – 2009. – №2. – С. 164–170.
10. *Цветкова, Л.С. Проблема фактора в нейропсихологии детского возраста* / Л.С. Цветкова, А.В. Цветкова // *Вопросы психологии*. – 2008. – № 6. – С. 57–65.

Поступила в редакцию 28 июня 2010 г.

Астаева Алена Васильевна. Преподаватель кафедры клинической психологии ЮУрГУ: astaeva_06@mail.ru.

Alena V. Astaeva. Assistant of professor of the Chair of Clinical Psychology, South Ural State University: astaeva_06@mail.ru.

Воронкова Дарья Ивановна. Магистр кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Darya I. Voronkova. Postgraduate student of the Chair of Clinical Psychology, South Ural State University: 8(351)2679758.

Королева Марианна Борисовна. Магистр кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Marianna B. Koroleva. Postgraduate student of the Chair of Clinical Psychology, South Ural State University: 8(351)2679758.

О МАТЕМАТИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ ПРОЦЕДУР ПСИХОМЕТРИЧЕСКОГО НОРМИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М.А. Березин, А.В. Новохацки

Рассмотрены проблемы психометрической адекватности перевода результатов экспериментально-психологического исследования, представленные, как правило, качественными данными по порядковым шкалам. На примере результатов медицинской диагностики описаны ограничения применения процедур процентильной нормализации таких данных с последующим расчетом на их основе Z-баллов для возможного перевода в баллы стандартных психометрических шкал.

Ключевые слова: психометрические шкалы, нормализация результатов исследования, стандартизация в медицинской психодиагностике.

Одной из краеугольных проблем современной психодиагностики, точнее – психодиагностики на современном этапе развития психологической науки и практики, – является проблема доказательности валидности, надежности и адекватности психологических измерений. Решение этой проблемы в значительной мере опирается на математические процедуры. При достаточно большом количестве исследовательских методов психологии все же основным поставщиком результатов собственно измерительных процедур является экспериментальный метод (в сравнении, например, с экспертным (клиническим), герменевтическим, идеографическим и т. п.). Отметим, что такое положение как нельзя лучше характеризует нынешнюю психологию как науку, прошедшую (или более-менее успешно проходящую) путь, начертанный основоположником тестологии Дж. Кеттелом: «Только тогда психология может стать действительной и точной наукой, когда она будет иметь своей основой эксперимент и измерение» [1].

Разработка теории психологических измерений была одной из основных задач психологической науки в XIX–нач. XX века [4]. Однако при проведении научных исследований психологи чаще всего ограничиваются

Математика может избавить нас от мучительной необходимости размышлять, но мы должны платить за эту привилегию, испытывая муки от раздумий как до вступления математики в действие, так и после.

А. Каплан

стандартным набором математических методов, применяя их, в основном, для подтверждения статистических гипотез, нахождения взаимосвязей, построения относительно простых математических (факторно-аналитических, дискриминантных, дисперсионных и т. п.) моделей различных психологических явлений, процессов, ситуаций. Одна из понятных причин относительно простого подхода к использованию математического аппарата в психологических исследованиях является то, что имеющиеся у психологов знания в области математики не могут охватить все существующие методы [8]. Более того, увлечение проблемой математического обеспечения психологических измерений происходило в ущерб развитию собственно математической психологии – науки, предметом внимания которой являются вопросы разработки и применения математических методов в психологии.

Помимо сугубо математических проблем, следует отметить еще и проблему адекватного применения, адаптации и модификации собственно измерительной процедуры: «... необходимо, чтобы специалист-психолог не только профессионально владел широким набором измерительных процедур, существующих в психологии, но и сумел выбрать, а в случае

необходимости и модифицировать стандартную измерительную процедуру адекватно решаемой задаче» [2].

Применение математического аппарата (априорно «строгой» науки, по крайней мере, по сравнению с психологией, имеющей не только естественно-научные, но и гуманитарные истоки) имеет свои особенности, часто не улучшающие, а ухудшающие точность и достоверность представления результатов психологического исследования с помощью аппарата математики. Известнейший отечественный математик С.П. Новиков, имеющий опыт работы в отечественных и зарубежных математических школах, считает, что «Следует обратить внимание еще на одну сторону дела, когда обсуждается ценность строгих математических обоснований: в естественных науках строгая математика требует такого уточнения модели, которое уводит от реальности гораздо дальше, чем нестрогость физика, и тем самым приводит к общенаучно менее строго обоснованному результату» [3, с. 12]. Упоминание в приведенной цитате «нестрогих физиков», нуждающихся в создании математических моделей не меньше «нестрогих психологов» связано, по нашему мнению, с очевидной общностью естественно-научного генеза математики и физики, не устраняющего, тем не менее, очевидный разрыв между ними, не позволяющий использовать математический аппарат в полной мере: «Глубокое внутреннее родство, общность происхождения современной физики и современной математики привели к опасному ... представлению о том, что всякое явление обязательно имеет математическую модель. Это представление тем опаснее, что оно часто считается само собой разумеющимся» [5, с. 4].

Очевидно, что не все психологические феномены (и далеко не всякий феномен области естественных наук) могут представлять собой адекватную основу для уточненной модели. Отметим, что математическое моделирование сложных систем, обладающих «психическими свойствами» также является одной из задач математической психологии [4], требующее применения весьма сложных (и в силу этого избегаемых большинством психологов) методов и подходов – синергетический, теория шкал, искусственный интеллект, когнитивная графика (моделирование образов с помощью компьютера и оптимизация их восприятия), нейросети, информационная механика. Все чаще применяются мультимножества, нечеткие множества, нелинейное моделирование,

теория отклика и другие имеющие сложное математическое обеспечение стратегии моделирования психологической реальности. Но все такие методы и подходы используют в качестве первичных данных знаково-символьные (в частном случае – цифровые) представления результатов психологических измерений. Очевидно, что применение даже самого мощного математического аппарата, опирающегося на «нестрогие» результаты психологических измерений, действительно «уводит от реальности гораздо дальше (...) и тем самым приводит к общенаучно менее строго обоснованному результату» (по С.П. Новикову).

Понимание этой проблемы достаточно отражено в одном из самых популярных учебных пособий (не только среди студентов но и специалистов-психологов, в том числе преподавателей многих психологических дисциплин) – учебнике Е.В. Сидоренко [5].

Анализ традиционного для психометрики приема построения (вторичных – М.Б., А.Н.) шкал равных интервалов по порядковым (ординарным) данным сопровождается ссылкой на наглядную иллюстрацию, приведенную впервые С. Стивенсом [6]: «Мы сначала поднимаемся по лестнице, которая ни на чем не закреплена, и добираемся до лестницы, которая закреплена. Однако каким путем мы оказались на ней?». Интерпретация цитаты, в контексте вышеизложенного, проста – часто исследователи применяют достаточно строгие математические методы обработки данных («закрепленная лестница»), имеющих в математическом плане неочевидную строгость («незакрепленная лестница»). И в итоге считается, что полученные результаты математически строгие (исследователь ведь все-таки «поднялся» по «закрепленной» лестнице). Заметим, что речь идет о самой распространенной и одной из самых простых для психометрики ситуации – построение норм методики по результатам обследования выборки испытуемых.

На наш взгляд, именно проблема адекватного построения шкал равных интервалов по данным, полученным по шкале порядка, является одной из центральных проблем психометрики. Назначение построенной таким образом шкалы очевидно – именно такое представление результатов психологического эксперимента позволяет получить классические виды норм любого теста путем т.н. z-преобразования (расчета значений z-показателя и построения норм в значениях традиционных вариантов психометрических шкал, например, IQ-шкалы,

T-шкалы Мак-Колла, шкалы «стэнаинов» и др.). Процедуры построения шкал порядка чрезвычайно распространены в психодиагностике, поскольку лежащие в их основе операции установления порядка или эквивалентности значительно проще, что позволяет применять эти шкалы для измерения стимулов, не поддающихся жестким, метрическим измерениям в силу своей сложности [2, с. 15]. Пожалуй, наиболее часто такие процедуры используются при экспериментально-психологических исследованиях в медицинской психодиагностике (прежде всего – в пато- и нейрорпсихологической диагностике), опирающейся преимущественно на качественные методы исследования. Отметим, что с позиции канонов теории психологических измерений [7, с. 25] порядковые шкалы являются примером качественных, а не количественных шкал, «измерения по которым несут в себе возможность получения по крайней мере шкал интервалов или, возможно, отношений».

При этом Е.В. Сидоренко описывает и способ получения таких результатов: «...измерили некую психологическую переменную по шкале порядка, подсчитали средние и стандартные отклонения, а затем получили, наконец, интервальную шкалу» и далее со ссылкой на авторитетнейшего С. Стивенса: «Такому нелегальному использованию статистики может быть дано известное прагматическое оправдание; во многих случаях оно приводит к плодотворным результатам» [5, с. 10]. Как правило, «подсчитанные переменные по шкале порядка» переводятся в «средние и стандартные отклонения» путем перевода их в значения процентиальной шкалы и построения на ее основе кривой нормального распределения с последующим определением значений стандартизованной z-шкалы. С математической точки зрения, процентиальные шкалы относятся к порядковым шкалам, построение на базе таких шкал количественных прогнозов путем повышения мощности измерения осуществляется либо на базе эмпирического распределения, либо на базе произвольной модели теоретического распределения, – как правило, исключительно на модели нормального распределения [1]. В качестве переходного этапа производится, например, построение процентиальной кривой по сгруппированным частотам встречаемости порядковых переменных и по таблице нормального распределения (нормального интеграла) производится переход от процентиальной шкалы к

сигма-шкале с помощью функции, обратной интегральной (от ординаты процентиального распределения производится переход к абсциссе нормального распределения).

Возникает очевидный вопрос: является ли распределение психологических феноменов нормальным (подчиняющихся закону нормального распределения)? В отношении результатов клинических (клинико-психологических) полезно было сослаться на позицию, существующую в относительно новой области медицины – клинической эпидемиологии. Сегодня клиническая эпидемиология, пожалуй, единственная область медицины, которая стремится оперировать доказанными и доказательными аргументами в диагностике расстройств здоровья, что в значительной мере сближает ее с психометрикой. По самому популярному изданию Р.Флетчера, по рассматриваемой проблеме приводится мнение о том, что «математических, статистических или каких либо других теорем, которые позволяли бы предсказать форму распределения результатов физиологических (медицинских – М.Б., А.Н.) измерений не существует [9, с. 49]. Более того, совершенно неочевидно, что распределения клинически значимых переменных (в частном случае – клинико-психологических переменных) у здоровых существенно отличаются: «...не просто разделить [переменные] на «норму» и «патологию», поскольку эти распределения по природе своей не дихотомические, и не имеют отчетливых разрывов или двух различных пиков, один из которых соответствовал бы нормальному результату, другой – патологическому» (там же, с. 51). В качестве причин такого положения выделяются, как минимум, две: невозможность разделения популяции (выборки) на здоровых и больных из-за латентно протекающих процессов патогенеза, и, во-вторых, с точки зрения характеристики выборочной совокупности следует считать, что здоровые и больные принадлежат к двум разным популяциям (с точки зрения математической статистики – популяциям с различающимися между собой характеристиками распределения изучаемой переменной), и, в случае перемешивания этих популяций распознать их в общей выборке практически невозможно, поскольку у разных больных исследуемые показатели могут принимать разные значения, зачастую перекрывая (как в положительную, так и в отрицательную сторону) значения этого показателя у здоровых.

Как следствие, возникает вполне закономерный вопрос: в какой степени закономерны выводы по качественным результатам ординированных измерений переменных, распределение которых не носит нормального характера, подвергнутых нормализации с помощью процедур, использующихся для стандартизации нормально распределенных данных, с целью получения норм по психометрически стандартизированным шкалам (Т, IQ и т.п.), позволяющим различать, в частности «здоровых» и «больных»? Вынесенное авторами статьи в качестве эпиграфа мнение позволяет охарактеризовать настоящую публикацию как «муки от раздумий как до вступления математики в действие, так и после».

В заключение хотелось бы отметить мнение Е.В. Сидоренко «...чем проще методы математической обработки и чем ближе они к реально полученным эмпирическим данным, тем более надежными и осмысленными получаются результаты» [5, с. 4]. Осмысление результатов должно опираться прежде всего на приближение выводов исследователя к реально полученным данным. И в этом случае математический аппарат – способ, инструмент такого приближения, требующий адекватного применения и осмысления

Литература

1. Бодалев, А.А. *Общая психодиагностика* / А.А. Бодалев, В.В. Столин. – СПб.: Изд-во «Речь», 2006.

2. Гусев, А.Н. *Измерение в психологии. Общий психологический практикум* / А.Н. Гусев, Ч.А. Измайлов, М.Б. Михалевская. – М.: Смысл, 1997.

3. Новиков, С.П. *Вторая половина XX века и ее итог: кризис физико-математического сообщества в России и на Западе* / С.П. Новиков // *Вестник ДВО РАН*. – 2006. – №4. – С. 12.

4. Савченко, Т.Н. *Развитие математической психологии: история и перспективы* / Т.Н. Савченко // *Психологический журнал*. – 2002. – Т. 23. – № 5. – С. 32–41.

5. Сидоренко, Е.В. *Методы математической обработки в психологии* / Е.В. Сидоренко. – СПб.: Издательство «Речь», 2000.

6. Стивенс С. *Математика, измерение и психофизика* / С. Стивенс // *Экспериментальная психология* / под ред. С.С. Стивенса; пер. с англ. под ред. действ. чл. АМН СССР П.К. Анохина, докт. пед. наук В.А. Артемова. – М.: Иностранная литература, 1960. – Т. 1. – С. 19–92.

7. Суттес, П. *Основы теории измерений* / П. Суттес, Дж. Зинес // *Психологические измерения: сб.* – М.: Изд-во Мир, 1967.

8. Суходольский, Г.В. *Математические методы в психологии* / Г.В. Суходольский. – Изд-во: Гуманитарный центр, 2006.

9. Флетчер, Р. *Клиническая эпидемиология: основы доказательной медицины* / Р. Флетчер, С. Флетчер, Э. Вагнер. – М.: Медиа Сфера, 1998.

Поступила в редакцию 14 июля 2010 г.

Беребин Михаил Алексеевич. Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: m_berebin@mail.ru.

Michael A. Berebin. Candidate of Medical Science, docent, head of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: m_berebin@mail.ru.

Новохацки Анастасия Васильевна. Магистрант кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: for_anastazja@mail.ru.

Anastasia V. Novokhatski. Undergraduate of Department of Clinical Psychology, South Ural State University: for_anastazja@mail.ru.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ К СТРЕССУ У БОЛЬНЫХ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ И НЕВРОТИЧЕСКИМИ СВЯЗАННЫМИ СО СТРЕССОМ РАССТРОЙСТВАМИ

Е.Р. Исаева, М.И. Фещенко

Исследованы совладающее со стрессом поведение и механизмы психологической защиты у больных с психосоматическими и больных с невротическими расстройствами. Показано, что больные неврозами чаще используют защитно-пассивное поведение, эмоциональные формы совладания. Больные гипертонией, отрицая наличие проблем, чаще используют поведенческую активность, направленную на решение проблем. Эмоциональное состояние (депрессия и тревога) негативно влияют на выбор копинг-стратегий, актуализируют защитно-пассивное поведение с тенденцией к избеганию решения проблем.

Ключевые слова: психологическая адаптация, совладающее со стрессом поведение, механизмы психологической защиты, уровень тревоги и депрессии.

Процессы урбанизации, ускорение темпов развития технологий приводят к расширению спектра стрессоров, с которыми ежедневно приходится сталкиваться каждому человеку. Под воздействием стрессоров происходит истощение ресурсов, а также срыв механизмов адаптации на психическом и физиологическом уровнях, и, как следствие, развиваются невротические и психосоматические расстройства. По данным А.Б. Смулевича [9], значительно возросло количество людей, страдающих различными невротическими, связанными со стрессом, и соматоформными расстройствами. О распространенности психосоматических нарушений в целом судить трудно, так как в связи с многообразием их клинических проявлений больные наблюдаются в разных медицинских учреждениях как общесоматического, так и психиатрического профиля, а иногда обращаются за помощью и к представителям «нетрадиционной медицины», выпадая из поля зрения врачей. Также А.Б. Смулевич указывает, что частота психосоматических расстройств в российской популяции достаточно высока и колеблется от 15 до 50 %, а среди пациентов первичной практики – от 30 до 57 %.

Несмотря на широкую распространённость представленных расстройств, различия в их этиопатогенезе до конца не изучены. Актуальным остается вопрос, каким образом осуществляется, так называемый, «выбор» между развитием невротического и психосо-

матического расстройства? Часто при создании классификаций психосоматическое расстройство рассматривается в качестве формы невротического (Б. Любан-Плоцца, В. Пельдингер, Ф. Крегер, 1996) или, наоборот, невротическое считается одним из видов психосоматического расстройства [4, 5].

В настоящее время существует несколько основных подходов к разграничению невротической и психосоматической патологии [2, 6]. Одни авторы рассматривают данные различия с точки зрения психологических характеристик больных, выделяя, к примеру, сдержанность и подавленную агрессивность в качестве ведущих характеристик больных гипертонической болезнью (ГБ) и инфантилизм, характерный для больных неврозами (Н.В. Конончук, В.К. Мягер, 1977; Г. Аммон, 2000). Другие авторы подчёркивают различия в физиологических механизмах формирования представленных расстройств, связанные с типологическими отличиями нервной системы (В.Н. Мясичев, 1960; Ю.М. Губачев, Е.М. Стабровский, 1981). Так, для больных неврозами характерен слабый тип нервной системы, а для больных ГБ – сильный [8].

По нашему мнению, осуществление «выбора» патологии – развитие психосоматических или невротических расстройств – во многом связано с психологическими механизмами адаптации и адаптационными личностными ресурсами. Актуальность данного

исследования обусловлена отсутствием единого взгляда на природу психологических механизмов психосоматических и невротических расстройств, а также тем, что сложность в понимании природы невротической и психосоматической патологии существенно затрудняет проведение психокоррекционных мероприятий. Выявление различий в способах психологической адаптации у больных с психосоматическими и невротическими расстройствами позволит осуществлять целенаправленные воздействия по принципу «поведение-мишень» и обучать управлению болезненными симптомами.

Целью нашего исследования являлся сравнительный анализ психологических механизмов адаптации у больных с психосоматическими расстройствами (на примере больных гипертонической болезнью) и больных невротическими и связанными со стрессом расстройствами. Под психологическими механизмами адаптации понимались копинг-механизмы и механизмы психологической защиты, в качестве адаптационных ресурсов личности рассматривались характерологические особенности больных [1, 3, 10, 11, 12]. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

1. Исследование различий в копинг-поведении, механизмах психологической защиты, характерологических особенностях больных невротизмами и больных ГБ.

2. Исследование соотношений между копинг-стратегиями, механизмами психологической защиты и характерологическими особенностями в сравниваемых группах больных.

3. Исследование взаимосвязи между эмоциональным состоянием больных и психологическими механизмами адаптации.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия в копинг-механизмах, механизмах психологической защиты и характерологических особенностях у больных с невротическими расстройствами и больных с психосоматическими расстройствами.

2. На выбор копинг-стратегий, актуализацию механизмов психологической защиты больных в большей степени влияет эмоциональное состояние, а не форма заболевания.

Для реализации поставленных задач и проверки гипотез были выбраны **методы исследования:** методики изучения совладающего поведения «Копинг-тест» (WCCL) R. Lazarus (1988) и механизмов психологиче-

ской защиты (МПЗ) «Индекс жизненного стиля» (LSI) R. Plutchik (1979); методика Леонгарда-Шмишека (в модификации Л.А. Куликова) для определения характерологических особенностей; методики для определения эмоционального состояния «Интегративный тест тревожности» (ИТТ, 2001) и опросник депрессивности А. Бека (BDI).

Материал исследования: было обследовано 50 пациентов трудоспособного возраста, средний возраст которых составил 40 лет. Из них 25 больных с невротическими и связанными со стрессом расстройствами и 25 больных гипертонической болезнью (ГБ). Среди больных невротизмами 80 % – с диагнозом тревожно-фобическое расстройство (F.40) и 20 % – расстройство адаптации (F.43.2). В группе больных ГБ 84 % пациентов вынесен диагноз гипертонической болезни 1-й стадии (ГБ1) и 16 % – диагноз 2-й стадии заболевания (ГБ2). На момент исследования пациенты обеих групп в основном были госпитализированы первично и находились на лечении в стационаре не более 3 дней. Кроме того, из исследования были исключены пациенты с хроническими соматическими и психическими заболеваниями, имеющие органические повреждения мозга, инфаркт миокарда в анамнезе.

Результаты исследования. Были обнаружены различия в эмоциональном состоянии и защитно-совладающем поведении сравниваемых групп больных. Было выявлено, что в структуре копинг-поведения больных невротизмами преобладает *самоконтроль* (при сравнении различий во внимание принимался $p < 0,05$), а среди МПЗ доминируют *реактивные образования и регрессия*. У больных ГБ в копинг-поведении преобладает *планирование решения проблемы*, а среди МПЗ – *реактивные образования и отрицание*. Кроме того, больные невротизмами достоверно чаще предпочитают копинг-стратегиям *дистанцирование* и *положительную переоценку*, по сравнению с больными ГБ. Больные ГБ достоверно чаще реагируют актуализацией защиты *отрицание*.

Проводилось сравнение результатов с нормативными показателями (табл. 1).

По сравнению с нормой, у больных невротизмами значительно выше показатели МПЗ *реактивные образования, регрессия* и *замещение*. В копинг-поведении различий не выявлено. У больных ГБ, по сравнению с нормой, преобладают МПЗ *отрицание* и *реактивные образования*. Достоверно ниже нормативных значений показатели копинг-

Таблица 1

Анализ различий показателей копинг-стратегий и МПЗ больных
в соотношении с нормативными данными (при $p=0,05$)

Шкалы	Сред. зн. норма	Больные невротиками			Больные ГБ		
		Ср.зн.	Ош. ср.	Дост. разл.	Ср.зн.	Ош ср.	Дост. разл.
Конфронтация	50,67	45,30	3,10	$p=0,097$	39,96**	2,83	$p=0,001$
Дистанцирование	49,36	51,73	3,87	$p=0,546$	41,73**	2,42	$p=0,004$
Поиск социальной поддержки	62,82	61,95	4,79	$p=0,858$	48,61*	5,87	$p=0,024$
Положительная переоценка	56,09	59,56	4,54	$p=0,451$	47,88*	3,91	$p=0,047$
Отрицание	66,94	69,84	4,27	$p=0,053$	75,68*	4,18	$p=0,050$
Регрессия	62,92	73,28**	3,09	$p=0,003$	61,40	5,76	$p=0,794$
Замещение	61,34	50,72*	4,70	$p=0,033$	53,48	5,21	$p=0,145$
Реактивные образования	60,90	75,00*	5,47	$p=0,017$	82,88**	4,38	$p=0,0001$

Примечание: **при $p<0,01$; *при $p<0,05$.

стратегий *конфронтация*, *дистанцирование*, *поиск социальной поддержки* и *положительная переоценка*.

Данные, полученные с помощью опросника Леонгарда-Шмишека, позволили сделать вывод о том, что больные с невротическими расстройствами и больные ГБ обладают диффузным характером с доминированием эмоциональных и педантичных черт. Исследование с помощью методики ИТТ позволило сделать вывод, что для больных обеих групп характерен средний уровень тревоги. Была обнаружена тенденция к повышению уровня ситуативной тревоги у больных невротиками, а у больных ГБ – к повышению уровня личностной тревоги. Кроме того, уровень депрессии, по данным опросника депрессивности Бека, оказался выше в группе больных невротическими и связанными со стрессом расстройствами. Это подтверждает существующее в литературе [7] мнение о том, что высокий уровень депрессии свойственен для клинической картины неврозов (В.Н. Мясищев, 1960).

Таким образом, для больных с невротическими и связанными со стрессом расстройствами свойственны пассивные, в большей степени эмоциональные формы реагирования, а также попытки постоянно контролировать эмоции и обесценивать проблемы. Больные ГБ, отрицая наличие проблем, чаще используют поведенческие стратегии совладания, усиливая поведенческую активность для снятия эмоционального напряжения и направляя их на решение проблем. Защитный механизм *отрицание* в какой-то степени обеспечивает временную психологическую адаптацию за

счет повышения устойчивости к стрессовым воздействиям, однако его чрезмерная выраженность сопровождается снижением адаптивности поведения в связи с ухудшением фиксации внимания на значимых аспектах ситуации, преувеличением своих возможностей. Снижается адекватность прогноза, происходит постановка нереальных целей, нереалистичное планирование поведения.

В сравниваемых группах больных проводился корреляционный анализ между психологическими особенностями, копинг-стратегиями и МПЗ. В табл. 2-3 представлены его результаты.

Проведенный анализ показал, что у больных невротиками выраженность черт эмоционального, циклотимного и тревожного типов в структуре характера была связана с избегающим поведением. У больных ГБ преобладание в структуре характера черт тревожного, циклотимного, возбудимого и экзальтированного типов также приводило к актуализации защитно-пассивных и избегающих форм реагирования.

Была изучена взаимосвязь между эмоциональным состоянием и защитно-совладающим стилем. Объединённая группа, состоящая из больных невротиками и больных ГБ, была разделена на 2 группы по общему показателю депрессии. Уровень депрессии определялся по опроснику депрессивности А. Бека, где суммарный балл меньше 9 – отсутствие депрессивных симптомов, 19-63 балла – выраженная депрессия. В результате, в состав группы без депрессии вошло 14 пациентов с отсутствием депрессивных симптомов, а в группу с депрессией 17 пациентов с

Клиническая (медицинская) психология

Таблица 2

Корреляционный анализ зависимости между показателями акцентуации характера, копинг-стратегии и МПЗ в группе больных неврозами

	Цикл.	Экз.	Эмот.	Трев.	Дист.	Гиперт.	Педант.	Ригид.	Возб.	Демонст.
Бегство	0,65	0,40								
Самокон.	0,53		0,45							
Пр.ответ.		0,52								
Планир.				-0,39						
Реакт.об.	0,42	0,63	0,45	0,47		-0,48	0,42			
Замещ.	0,48									
Вытесн.		0,42					0,55			
Отриц.						0,48				0,47

Примечание: при $p < 0,01$; при $p < 0,05$.

Таблица 3

Корреляционный анализ зависимости между показателями акцентуации характера, копинг-стратегии и МПЗ в группе больных ГБ

	Цикл.	Экз.	Эмот.	Трев.	Дист.	Гиперт.	Педант.	Ригид.	Возб.	Демонст.
Бегство				0,48						
П.поддер				0,73						
Пр.ответ.				0,42						
Планир.	-0,48			-0,43	-0,46				0,77	
Регресс.	0,71	0,58		0,55						
Замещ.	0,48	0,43		0,46				0,42		
Проекц.	0,39			0,42						
Реакт.об.			0,68	0,45						
Компен.						0,45	0,41			0,43

Примечание: при $p < 0,01$; при $p < 0,05$.

выраженной депрессией. Был проведён анализ различий между группами пациентов с депрессией и без неё по показателям копинг-поведения, МПЗ, ситуативной и личностной тревоги (табл. 4).

Выраженность депрессии сочеталась с преобладанием в структуре совладающего поведения стратегий *поиск социальной поддержки, самоконтроль, принятие ответственности и бегство*. С нарастанием депрессии уменьшалось использование копинг-стратегии *планирование решения проблемы*, усиливались *регрессия и ситуативная тревога*. Таким образом, чем более выражено депрессивное состояние, тем ярче в структуре защитно-совладающего поведения представлены эмоционально-фокусированные копинг-стратегии и защитно-пассивные формы реагирования, что соотносится с литературными данными [1;13] о характерном для больных депрессией пассивном поведении в сложных ситуациях и сочетается с явлением выученной беспомощности (В.А. Абабков, М.Пере, 2004; М.Е.Р. Seligman, 1975).

В объединённой группе больных было проведено исследование влияния уровня ситуативной и личностной тревоги на совладающее со стрессом и защитное поведение с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ONE-WAY ANOVA). В табл. 5 представлены данные, согласно которым, с увеличением уровня ситуативной тревоги у больных учащается использование копинг-стратегий *бегство, принятие ответственности и поиск социальной поддержки*, усиливаются черты *экзальтированности*. Высокий уровень личностной тревоги способствует более частому использованию копинг-стратегии *бегство*, усиливаются МПЗ *регрессия, проекция, замещение*; в структуре поведения доминируют черты *циклотимного, экзальтированного, эмотивного, ригидного, педантичного, возбудимого* типов.

Таким образом, тревога негативно влияет на совладающее со стрессом и защитное поведение больных, повышая эмоциональные формы реагирования, активируя защитно-

Таблица 4

Данные сравнения средних значений показателей копинг-стратегии, МПЗ, ситуативная и личностная тревога у больных с депрессией и без неё

Шкалы	Пациенты без депрессии		Пациенты с выраж. депрессией		Дост. разл.
	Ср.знач.	Ошибка ср.	Ср.знач.	Ошибка ср.	
Самоконтроль	54,3**	3,69	66,05*	3,93	p = 0,042
Поиск социальной поддержки	39,6*	6,98	64,98*	5,97	p = 0,012
Принятие ответственности	46,72*	6,80	69,09*	6,80	p = 0,029
Бегство-избегание	36,27*	4,65	52,19*	4,23	p = 0,017
Планирование решения проблемы	68,78*	4,10	54,20*	4,77	p = 0,032
Регрессия	49,43*	7,39	72,18*	3,93	p = 0,026
СТ	3,00*	0,70	7,82*	0,34	p = 0,0001
ЛТ	6,14	0,89	7,24	0,51	p = 0,115

Примечание: ** при $p < 0,01$; * при $p < 0,05$.

Таблица 5

Данные влияния уровней ситуативной и личностной тревоги на копинг-механизмы, МПЗ и характерологические особенности в объединённой группе больных

Шкала	F-критерий
СТ	
бегство-избегание	F = 8,678
Принятие ответственности	F = 5,984
Поиск социальной поддержки	F = 3,383
Экзальтированность	F = 3,397
ЛТ	
бегство-избегание	F = 4,368
регрессия	F = 5,502
проекция	F = 3,539
замещение	F = 5,836
циклотимность	F = 11,574
экзальтированность	F = 9,844
эмотивность	F = 7,408
ригидность	F = 3,985
педантичность	F = 3,406
возбудимость	F = 4,879

пассивное поведение с тенденцией к избеганию решения проблемы.

Проведённое исследование позволило сделать следующие **выводы**:

1. Выраженность черт эмотивного, циклотимного и тревожного типов в структуре характера тесно связана с преобладанием защитных форм реагирования и избегающим поведением у больных как с психосоматическими, так и невротическими и связанными со стрессом расстройствами.

2. Депрессивное состояние взаимосвязано с особенностями защитно-совладающего поведения: чем более выражено депрессивное состояние, тем ярче в структуре защитно-совладающего поведения представлены эмоционально-фокусированные копинг-стратегии

и защитно-пассивные формы реагирования. Неконструктивное поведение, в свою очередь, усиливает депрессивную симптоматику.

3. На выбор копинг-стратегий, актуализацию механизмов психологической защиты больных в значительной степени влияет эмоциональное состояние: депрессия и тревога негативно влияют на совладание со стрессом, повышая эмоциональные формы реагирования, активизируя защитно-пассивное поведение с тенденцией к избеганию решения проблем.

4. Существуют различия в психологических механизмах адаптации у больных невротическими и психосоматическими расстройствами: больные невротическими чаще используют защитно-пассивное поведение и эмоциональ-

ные формы совладания; больные ГБ, отрицая наличие проблем, чаще используют поведенческую активность, направленную на решение проблемы. Мы предполагаем, что это связано с типологическими особенностями и различиями в деятельности ЦНС сравниваемых групп больных и с развитием механизмов центральной декомпенсации.

Литература

1. Абабков, В.А. *Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии* / В.А. Абабков, М. Перре. – СПб., 2004.
2. Губачев, Ю.М. *Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений* / Ю.М. Губачев, Е.М. Стабровский. – Л.: Медицина, 1981.
3. Исаева, Е.Р. *Защитно-совладающий стиль и его роль в психологической адаптации личности* / Е.Р. Исаева, Л.И. Вассерман // *Психологические проблемы самореализации личности. Вып.8* / под. ред. Л.А. Коростылевой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
4. Конончук, Н.В. *Профилактика эмоционального стресса* / Н.В. Конончук, В.К. Мягер // *Эмоциональный стресс и пограничные нервно-психические расстройства* / под ред. Г.Н. Ушакова и Б.Д. Карвасарского. – Л.: Изд-во НИИ им. В.М. Бехтерева, 1977.
5. Курпатов, А.В. *Значение факторов психоземotionalного напряжения в возникновении психосоматических заболеваний ЖКТ* / А.В. Курпатов // *II клинические павловские чтения. сб. работ. Психосоматика.* – СПб.: Изд-во НИИ им. В.М. Бехтерева, 2001.
6. Любан-Плюцца, Б. *Психосоматический больной на приеме у врача* / Б. Любан-Плюцца, В. Пельдингер, Ф. Крегер. – СПб.: Изд-во НИИ им. В.М. Бехтерева, 1996.
7. Мясищев, В.Н. *Личность и неврозы* / В.Н. Мясищев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
8. Павлов, И.П. *О типах высшей нервной деятельности и экспериментальных неврозах* / И.П. Павлов. – М.: Медгиз, 1954.
9. Смулевич А.Б. *Пограничные психические нарушения* / А.Б. Смулевич // <http://www.psychiatry.ru/library/lib/show.php4?id=35>
10. Lazarus, R.S. *Psychological stress and the coping process* / R.S. Lazarus New York, 1966.
11. Perrez, M. *Stress, Coping, and Health. A Situation-Behavior Approach. Theory, Methods, Applications* / M. Perrez, M. Reicherts. – Seattle, 1992.
12. Plutchik, R. *A structural theory of ego defense and emotions* / R. Plutchik, H. Kellerman, H. Conte // *Emotions in personality and psychopathology* / Ed. by E. Izard. – N.Y., 1979.
13. Seligman, M.E.P. *Helplessness: On Depression, Development, and Death* / M.E.P. Seligman. – San Francisco, 1975.

Поступила в редакцию 2 июля 2010 г.

Исаева Елена Рудольфовна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психиатрии и наркологии с курсом общей и медицинской психологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова: isajeva@yandex.ru.

Elena R. Isajeva. Candidate of Psychological sciences, docent of department of psychiatry and narcology with a rate of the general and medical psychology, St-Petersburg Pavlov State Medical University: isajeva@yandex.ru.

Фещенко Мария Ибрагимовна. Выпускница факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета: mif3@mail.ru.

Maria I. Feschenko. Graduate of faculty of psychology, St.-Petersburg State University: mif3@mail.ru.

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

УДК 159.9
ББК Ю948

ПСИХОДИАГНОСТИКА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ФАКТОРОВ ПРОГНОЗА ТРУДОСПОСОБНОСТИ БОЛЬНЫХ ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА

Н.Е. Круглова

Исследованы психосоциальные факторы трудового прогноза у двух групп больных с ишемической болезнью сердца: 1) перенесших ангиопластику и стентирование коронарных артерий (СКА), 2) перенесших операцию аортокоронарного шунтирования (АКШ). Выявлено, что для этой категории больных значимыми прогностическими факторами являются возраст младшего ребенка в семье, характер трудовой деятельности до операции, уровень тревожности, а также ряд личностных характеристик (готовность к сотрудничеству и эмоциональная стабильность в группе СКА и стремление к саморазвитию в группе больных АКШ).

Ключевые слова: ишемическая болезнь сердца, фактор трудового прогноза.

Актуальность исследования. В современных условиях традиционные исследования, рассматривающие психосоциальные факторы как предикторы возникновения и течения ишемической болезни сердца (ИБС), все больше уступают место исследованиям, в центр которых поставлена проблема психологической адаптации личности к болезни. В процессе адаптации немаловажную роль играет способность или неспособность больного сохранить свой социальный, прежде всего, трудовой, статус. Для лиц, страдающих ИБС, это имеет особое значение, так как в преморбидном периоде отмечаются именно те личностные черты, которые определяют высокую работоспособность и мотивированность трудовой деятельности, особую значимость ее в системе жизненных ценностей («сизифов тип»). Исходя из этого, актуальным является определение психологических факторов прогноза восстановления работоспособности больных ИБС после перенесения различных видов оперативного лечения.

Цель исследования: выявление наиболее значимых психологических предикторов возвращения к трудовой деятельности больных ИБС, получающих высокотехнологичное хирургическое лечение. Конкретные задачи со-

стояли в сравнительном анализе психологических характеристик (эмоционального состояния; особенностей личности и стресс-преодолевающего поведения; ценностно-мотивационной сферы; качества жизни) работающих и неработающих больных ИБС в отдаленном послеоперационном периоде (через 3 месяца).

Методы исследования. С помощью метода интервью были изучены такие значимые сферы функционирования личности, как семья, трудовая деятельность, межличностное взаимодействие, основные привычки и увлечения, а также отношение к болезни и предстоящему хирургическому лечению. Использованы также психодиагностические методы: «Методика определения доминирующего состояния» [5], «Интегративный тест тревожности» [6], «Способы копинга» [4], «Большая пятерка» [7], «Тест жизнестойкости» [2], «Тест смысловых ориентаций» [3], «Краткий общий опросник оценки статуса здоровья» [1].

Всего проанализировано 65 медико-биологических, социально-демографических и клинико-психологических характеристик больных, а также 49 экспериментальных показателей, полученных в период подготовки

больных ИБС к оперативному лечению. Математико-статистическая обработка проводилась с помощью двухфакторного дисперсионного анализа (для количественных признаков) и критерия χ^2 (для номинативных признаков).

Материал исследования. Исследование проведено в «Федеральном центре сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова» (г. Санкт-Петербург). Исследовано 40 больных ИБС: 18 чел., перенесших ангиопластику и стентирование коронарных артерий (СКА), 22 чел. – операцию аортокоронарного шунтирования (АКШ); в обеих группах преобладали мужчины старшего трудоспособного возраста; средний возраст больных – 54,93 лет. В исследование были включены лица, до начала подготовки к высокотехнологичному вмешательству сохранявшие трудоспособность и фактически работающие.

Результаты исследования. Среди изученных медико-биологических показателей в группе СКА, выявлен лишь один, различающий работающих и неработающих больных ($p < 0,05$): не лечились или лечились неправильно на догоспитальном этапе 8,3 % работающих больных и 83,3 % неработающих больных. В группе больных АКШ различий между медико-биологическими показателями (характеризующими протекание основного заболевания, коморбидность, особенности и эффективность лечения) работающих и неработающих не выявлено.

При сравнении социально-демографических и психологических характеристик значимым прогностическим фактором продолжения трудовой деятельности для больных ИБС обеих групп оказался возраст младшего ребенка ($p < 0,01$). Можно считать, что одним из мотивов продолжения трудовой деятельности больными ИБС после высокотехнологичной операции является необходимость оказания материальной помощи взрослым, но недостаточно самостоятельным детям. Для обеих групп больных значимым благоприятным прогностическим фактором оказался также характер трудовой деятельности до операции, связанный с повышенным эмоциональным напряжением ($p < 0,01$).

В группе больных, перенесших СКА, благоприятным прогностическим признаком оказался характер трудовой деятельности, связанный с интеллектуальным напряжением ($p < 0,05$) и постоянным общением с людьми ($0,05 < p < 0,1$). Среди работающих больных оказалось также больше тех, кто не изменил

частоту и интенсивность вождения автомобиля в связи с заболеванием ($0,05 < p < 0,1$). В группе больных АКШ значение активности личности для трудового прогноза проявилось еще более отчетливо: значимым благоприятным фактором продолжения трудовой деятельности здесь выступила собственно трудовая мотивация, связанная с желанием продолжать свою интересную, приносящую удовлетворение работу ($p < 0,05$), а также работу, дающую возможность самореализации в социуме ($0,05 < p < 0,1$). В этой группе больных благоприятным прогностическим значением обладает также адекватное реагирование и отсутствие фиксации на болезни ($0,05 < p < 0,1$), а также такие мотивы принятия решения об операции АКШ, как желание сохранить трудоспособность ($p < 0,05$) и желание сохранить и оптимизировать сексуальную активность ($p < 0,05$).

Статистически значимые различия между работающими и неработающими больными ИБС, перенесшими СКА и АКШ, выявлены по ряду психодиагностических показателей. В обеих группах значимыми факторами трудового прогноза выступают различные показатели тревожности: в группе СКА показатели личностной тревожности; в группе АКШ – показатели ситуативной тревожности. Важно отметить, что если умеренно выраженная личностная тревожность в группе больных СКА имеет положительное прогностическое значение (ее показатели выше в группе работающих больных, $p < 0,05$), то в группе АКШ наличие тревоги в актуальном психическом состоянии больных имеет отрицательное прогностическое значение ($p < 0,05$).

Среди личностных особенностей больных ИБС прогностическим значением обладают характеристики, измеряемые шкалами методики «Большая пятерка». В группе СКА такими характеристиками оказались готовность к сотрудничеству ($p < 0,01$) и эмоциональная стабильность ($p < 0,05$): в обоих случаях выраженность этих характеристик в группе работающих лиц была умеренной и меньшей, чем в группе неработающих больных. В группе больных АКШ благоприятным прогностическим значением обладает стремление к саморазвитию и креативность личности («личностные ресурсы») ($p < 0,01$).

Выявленные психосоциальные факторы прогноза продолжения трудовой деятельности после высокотехнологичного хирургического лечения больных ИБС (всего 17) могут спо-

способствовать более целенаправленному проведению социо-реабилитационной работы с данной категорией больных.

Литература

1. Вассерман, Л.И. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. – СПб.; М.: Академия, 2003. – 736 с.

2. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.

3. Леонтьев, Д.А. Тест смысло-жизненных ориентации (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.

4. Методика для психологической диаг-

ности способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и медицинских психологов / под ред. Л.И. Вассермана и др. – СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009.

5. Практикум по психологии состояний: учебное пособие / под ред. проф. А.О. Прохорова. – СПб.: Речь, 2004. – 480 с.

6. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ). Методические рекомендации / А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Ювлев. – СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2002. – 16 с.

7. Шмелев, А.Г. Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.

Поступила в редакцию 7 июля 2010 г.

Круглова Надежда Евгеньевна. Аспирант кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета: 8(812)3289420.

Nadegda E. Kruglova. Post-graduate student of Department of medical psychology and psychophysiology, St.-Petersburg State University: 8(812)3289420.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЬИ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Д.М. Чумакова

Исследованы взаимосвязи особенностей взаимодействия в семье и религиозности родителей. Испытуемые с более высокой религиозностью личности реже наказывают своих детей и имеют более широкий реестр копинговых стратегий. Испытуемые с высокими показателями субъективного благополучия в религиозной сфере имеют более благоприятный социально-психологический климат в семье.

Ключевые слова: личность, религиозность, социально-психологический климат в семье, копинг стресса.

Социально-психологическая и педагогическая компетентность родителей требует развития соответствующего пространства научно-психологических исследований. Просветительская, психологическая работа с родителями только тогда будет эффективной и востребованной, когда она будет опираться на прочный фундамент эмпирических данных, а не на умозрительные выводы и социальные мифы. Вместе с тем научно подтвержденных данных в этой области явно недостаточно. Особенно очевиден этот недостаток в сфере изучения взаимосвязей социально-психологического взаимодействия в семье и особенностей религиозности личности.

По вопросам семейного взаимодействия и религиозности личности ведется много споров в обществе, существует много различных мнений, но очень мало достоверных психологических фактов. Такие особенности сферы семейного взаимодействия как социально-психологический, эмоциональный климат в семье, семейные стрессы, наказания детей в семье связываются в нашем исследовании с параметрами религиозности личности, что определяет его новизну и актуальность. К религиозности личности в психологии существует множество подходов. В данном исследовании мы опирались на многомерный подход к изучению религиозности личности, и брали за основу модель религиозности, согласно которой религиозность представляет собой совокупность показателей по следующим параметрам: религиозная вера, религиозный опыт, религиозное поведение, религиозные моральные принципы, религиозные знания, религиозные социальные нормы. Д.М. Угринович подчеркивает влияние семьи

на формирование личности: именно в семье закладываются социальные и мировоззренческие ориентации человека, важную роль при этом играют детско-родительские отношения. Не менее важную роль семья играет в процессе формирования религиозности ребенка. Формирование религиозности личности происходит отчасти через усвоение ребенком религиозных установок родителей. Несмотря на очевидность такого влияния, эмпирических данных, подтверждающих это в конкретных обстоятельствах развития ребенка явно недостаточно.

Предметом внимания в данном исследовании является влияние религиозности родителей на параметры семейных взаимоотношений. Исследований в этой области крайне недостаточно, особенно на русскоязычной выборке, что определяет актуальность приводимых эмпирических данных.

Цель, гипотезы и методики исследования

Целью исследования является выявление взаимосвязей между особенностями религиозности личности и некоторыми параметрами социального взаимодействия в семье.

Гипотезы:

1. Испытуемые, имеющие высокие показатели по шкале субъективного благополучия в религиозной сфере, чаще используют религию как копинг стресса и менее подвержены эмоциональному стрессу.

2. Испытуемые, имеющие высокие показатели по шкале субъективного благополучия в религиозной сфере, в большей степени удовлетворены различными сферами семейной жизни.

3. Испытуемые, имеющие высокие показатели по шкале субъективного благополучия

в религиозной сфере, реже применяют наказания к детям.

4. Особенности применения наказаний родителями детей связаны с религиозными особенностями их личности. Родители с более высокими показателями по шкале религиозности более толерантны к своим детям и реже их наказывают. В ситуации применения физических наказаний они не склонны снимать с себя ответственность за свое поведение.

Описание исследования. Выборку исследования составили 97 человек в возрасте от 22 и до 45 (80 женщин, 17 мужчин, средний возраст 31,5 года), имеющих детей в возрасте до 16 лет. В исследовании были использованы методики диагностики религиозности личности (Deneker, Perrez, Ewert, Moggi и др.), переведенные автором статьи и адаптированные к русскоязычной выборке (Чумакова Д.М., 2008):

1. Опросник частоты применения родителями наказаний.

2. Опросник частоты применения родителями физических наказаний.

3. Шкала подавленности родителей из-за семейных обязанностей.

4. Шкала толерантности родителей к поведенческим проявлениям ребенка.

5. Шкала времени, прошедшего с момента последнего серьезного физического наказания.

6. Шкала измерения эмоционального стресса.

7. Шкала удовлетворенности различными сферами семейной жизни.

8. Шкала субъективного благополучия в религиозной сфере.

9. Шкала копинга, основанного на религиозности.

Результаты и их обсуждение. В процессе исследования использовался корреляционный анализ Пирсона. В таблицах приведены значимые показатели коэффициента корреляции.

В исследовании выявилось влияние некоторых особенностей религиозности на социальное взаимодействие в семье (табл. 1). У религиозных людей расширяется реестр копинговых стратегий. Возможно, это объясняет выявленный в исследовании факт большей удовлетворенности семейной жизнью и меньшей подверженности эмоциональному стрессу испытуемых с высоким уровнем религиозного субъективного благополучия. С другой стороны, возможно и обратное влияние: меньшая стрессогенность приводит к увеличению субъективного благополучия, в том числе и в религиозной сфере.

Обнаружена тенденция испытуемых с высокими показателями по шкале субъективного благополучия в религиозной сфере реже применять физические наказания к детям (табл. 2). Эти данные хорошо вписываются в общую картину: родители, более удовлетворенные семейной жизнью и менее подверженные стрессу, реже наказывают своих детей.

Корреляционный анализ показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей копинга стресса с использованием религии выявил значимые связи на уровне $p < 0,01$ по общему показателю

Таблица 1

Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей эмоционального состояния супругов ($n = 47$)

	1	2	3	4	5	6	7
СБ	–	–0,34*	–	–	–	–	–
СБР	–	–	–	–	–	–	–
ЭСБ	–0,39**	–0,50**	0,48**	–	0,45**	–0,40**	–

Примечания:

* – $p < 0,01$; ** – $p < 0,001$;

1 – частота переживания супругами печали, подавленности;

2 – частота переживания супругами тревожности, беспокойства;

3 – частота переживания супругами радости, счастья;

4 – частота переживания супругами вины, ответственности;

5 – частота переживания супругами гордости, удовлетворенности собой;

6 – частота переживания супругами смущения, сконфуженности;

7 – частота переживания супругами досады, неудовлетворенности;

СБ – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

СБР – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

ЭСБ – шкала экзистенциального субъективного благополучия.

Таблица 2

Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей удовлетворенности супругов различными сферами семейной жизни (n = 47)

	8	9	10	11	12
СБ	0,38*	–	–	–	–
СБР	–	–	–	–	–
ЭСБ	0,51*	0,34*	–	0,38*	–0,39*

Примечания:

* – $p < 0,01$; ** – $p < 0,001$;

8 – удовлетворенность супругов способностью семьи контролировать стрессовые ситуации;

9 – удовлетворенность супругов распределением обязанностей в семье;

10 – удовлетворенность супругов тем, каким образом обсуждаются проблемы и принимаются решения в семье;

11 – удовлетворенность супругов тем, как члены семьи заботятся друг о друге;

12 – удовлетворенность супругов климатом, атмосферой, которая обычно царит в семье;

СБ – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

СБР – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

ЭСБ – шкала экзистенциального субъективного благополучия.

субъективного благополучия ($r = 0,66$) и по шкале субъективного благополучия в религиозной сфере ($r = 0,78$).

Исследовались особенности применения родителями различных видов наказания (некоторые виды физического наказания, такие как: оплеуха, шлепание; другие виды: лишение ребенка чего-либо, что в обычное время ему разрешается (экскурсия, игрушка), отправление ребенка в его комнату или в кровать; запрет просмотра телевизора или встречи с друзьями в течение некоторого времени; объяснение ребенку причины огорчения родителей и др.

Анализ связей показателей субъективного благополучия родителей с показателями частоты применения различных видов наказания (табл. 3) и толерантности родителей к поведенческим проявлениям ребенка (табл. 4) выявил следующие тенденции. Родители с более высокими показателями по шкале религиозности более терпимы в отношении личностных особенностей своих детей и их поведенческих проявлений.

Родители с высокими показателями по шкале религиозности реже прибегают к наказаниям своих детей, в том числе к физическим наказаниям. Родители, имеющие более высокие показатели по шкале религиозности личности, в ситуации физических наказаний своих детей в целом принимают ответственность за свое поведение. В этом случае родители с высокими показателями по шкале религиозности в большей степени демонстрируют интрапунитивные реакции. Они переживают муки совести, упрекают себя и не склонны прибегать к самооправданиям и уходу от ответственности за свое поведение. Вместе с тем, они не склонны обсуждать проблему со своим партнером и просить прощения у ребенка.

Выводы: Субъективно благополучные в религиозной сфере испытуемые используют религию как копинговый механизм, они более удовлетворены семейной жизнью, меньше подвержены эмоциональному стрессу и реже наказывают своих детей. Атрибутивные реакции испытуемых с высокими показателями по шкале общей религиозности свидетельствуют

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей частоты применения наказаний к детям (n = 47)

	Н 1	Н 2	Н 3
СБ	–	0,33**	–0,34*
СБР	–	–	–
ЭСБ	0,44*	0,44*	–0,32*

Примечания:

* – $p < 0,01$; ** – $p < 0,001$;

СБ – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

БР – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

ЭСБ – шкала экзистенциального субъективного благополучия.

Таблица 4

Значения коэффициентов корреляции показателей религиозности личности
и толерантности родителей к поведенческим проявлениям ребенка (n = 47)

	Т 1	Т 2	Т 3	Т 4	Т 5	З 1	З 2	З 3	З 4	З 5	З 6
ПР	–	–	–	–	–0,36*	–0,61**	0,30	0,36*	–0,30	–0,41*	–0,38*

Примечания:

* – $p < 0,01$; ** – $p < 0,001$;

ПР – показатель религиозности личности;

Т 1 – показатель толерантности родителя к тому, что ребенок плохо учится или недостаточно работает в школе;

Т 2 – показатель толерантности родителя к тому, что ребенок не хочет помогать;

Т 3 – показатель толерантности родителя к тому, что ребенок слишком часто кричит;

Т 4 – показатель толерантности родителя к тому, что ребенок просыпается ночью;

Т 5 – показатель толерантности родителя к тому, что ребенок недостаточно «ловкий», находчивый.

Показатели защитных реакций и мотивировки наказания:

З 1 – «Дети очень хорошо могут переносить, когда их время от времени шлепают»;

З 2 – «Меня мучила совесть»;

З 3 – «Я сам себя строго упрекнул за то, что его ударил»;

З 4 – «Я это обсудил со своим партнером»;

З 5 – «Немного позже я попросил у своего ребенка прощения»;

З 6 – «Время от времени крепко наказывать – это иногда хорошее средство».

о принятии ответственности за свое поведение в случае применения физических наказаний к своим детям. Кроме того, эти испытуемые реже применяют наказания к детям, относясь более толерантно к поведению своих детей.

Полученные в пилотажном исследовании результаты, подтверждают выдвинутые гипотезы и позволяют наметить стратегию дальнейшего исследования проблемы за счет увеличения выборки и расширения диагностического материала.

Поступила в редакцию 27 июня 2010 г.

Чумакова Дарья Михайловна. Ассистент кафедры психологии развития и возрастной психологии Курганского государственного университета: mikail@zaural.ru.

Darya M. Chumakova. Assistant of Department of Developmental Psychology and Age-specific Psychology, Kurgan State University: mikail@zaural.ru.

Рецензии

УДК 159.923
ББК Ю937.2

УЖЕ НЕ СОЦИОНИКА, НО ЕЩЕ НЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

А.Г. Шмелев

Приводится рецензия на русский перевод книги И. Майерс-Бриггс, П. Майерс «МВТИ: определение типов». В рецензии рассматриваются достоинства и недостатки этой книги с позиции научной дифференциальной психологии. Автор предостерегает читателей от увлечения заманчивой простотой классификации типов личности на основе всего лишь четырех двоичных факторов, порождающих 16 комбинаций. По экспериментальным данным независимых исследователей чистых «типов», соответствующих в точности этим комбинациям, оказывается меньше, чем смешанных типов.

Ключевые слова: типология Майерс-Бриггс, дифференциальная психология, типология личности, когнитивные стили, валидность психологических тестов, психометрика.

Данная книга несомненно принадлежит к числу тех бестселлеров американской психологии, которые шагнули далеко за пределы научных библиотек и давно заслужили того, чтобы быть переведенными на русский язык [2]. О потребности нашего российского общества в ясной и яркой типологии индивидуальности свидетельствует высочайшая популярность на русском языке книг по так называемой «соционике» (автор-основоположник этой концепции – социолог А. Аугустинавичюте [1]). И тут следует, прежде всего, разъяснить, что «русскоязычная соционика» – это далеко не самостоятельная теория. Хотя авторы «соционики» пытаются напрямую ссылаться на теорию типов Карла Юнга [4], но и они используют определенные «эмпирические индикаторы» в представлениях о юнгианских типах, которые десятилетиями накапливались в рамках практики использования «определителя типов» МВТИ.

Конечно, можно и нужно критиковать авторов МВТИ с позиции достижений современной дифференциальной психологии¹ и психометрики² (что ниже и предполагается сде-

лать), но необходимо отметить и очевидные научные достижения. Все познается в сравнении. «Соционика» активнейшим образом апеллирует к литературно-художественным ассоциациям самого массового читателя (как будто иных читателей, чем типа SF с образно-ассоциативным мышлением, просто не существует!). Соционика фактически не предлагает ясной экспериментально-научной аргументации, почему тот или иной юнгианский тип можно проиллюстрировать определенным литературным или историческим персонажем (Дон-Кихот, Максим Горький и т. п.). В отличие от соционики, авторы МВТИ немало страниц своей книги уделяют освещению конкретных эмпирико-статистических данных, указывающих на частоту встречаемости определенных типов в определенных социально-профессиональных группах людей. Повышенный процент (по сравнению с генеральной совокупностью) отражается в рамках так называемого «коэффициента самоотбора»³. И хотя для оценки значимости этого коэффи-

¹ Дифференциальная психология – наука об индивидуальных различиях в психических свойствах людей.

² Психометрика – наука о создании и применении точных инструментов (тестов, обоснованных статистически) для измерения психических свойств.

³ Кстати, этот коэффициент – упрощенная версия коэффициента дискриминативности, который, в свою очередь, является упрощенной версией коэффициента четырехклеточной корреляции. – Примечание автора, добывающегося на лекциях по психологическому тестированию в МГУ уже 30 лет пониманием студентами психологами необходимости овладения этими коэффициентами.

ента в книге не приводится никаких статистических критериев (к радости массового читателя и к огорчению специалистов), все же это следует считать несомненным доказательством валидности методики по критерию «известных групп»⁴.

Очень полезными, глубокими и одновременно практически-значимыми следует признать те главы и страницы данной книги, в ходе которых авторы убедительно доказывают главную гуманистическую идею, вынесенную в заголовок: учет типологии в ходе обучения или управления людьми позволяет лучше использовать «дар каждого человека», ибо каждый человек при надлежащем использовании его сильных сторон может превосходить всех других в каком-то особом занятии. Почему не все дети успешно осваивают школьную программу? На этот вопрос авторы предлагают объяснение, которое вовсе не сводится к врожденным характеристикам вроде умственного темпа (что измеряют фактически большинство тестов IQ), а доказывают вполне убедительно со ссылками на определенные психолого-педагогические эксперименты: если детей «сенсориков» и «экстравертов» (типа ES) учить с поправками на их особенности и запросы – в пропорциях абстрактных понятий и иллюстративных примеров, если им предлагать своевременные паузы для определенной собственной умственной активности по установлению связей между словами и вещами (физическими процессами), то эти дети не то чтобы догоняют, но не так сильно отстают в усвоении академических (вербальных) знаний по сравнению с усидчивыми и абстрактно-мыслящими «интуитивными интровертами» (типа IN), на которых преимущественно ориентирована современная методика преподавания в школе.

Таким образом, главный недостаток данной книги является воистину продолжением ее главного достоинства. В предисловии к английскому изданию знаменитой книги Изабел Майерс-Бриггс уже говорится о том, что академическая психология очень неохотно принимала (а в чем-то и до сих пор не принимает) этот подход. Автор данного комментария к русскому переводу считает необходимым объяснить читателю, в чем тут дело. Де-

⁴ Валидность – это пригодность тестовой психодиагностической методики для различения определенных социально-значимых групп людей или для прогноза их поведения (по уровню производительности их труда, законопослушности и т. п.).

ло в том, что научно-психологические тексты очень сложны для восприятия широкой публикой, потому что они описывают очень сложную реальность без попытки ее огрубления и упрощения. Для таких научных трудов находятся свои читатели, но их тысячи, а никак не миллионы. Если автор ставит целью написать книгу, которую прочтут миллионы, то он обречен на то, чтобы основные свои идеи огрублять и упрощать – делать доступным тем, кто не имеет в своем арсенале систематизированных понятий и терминов научной психологии. Вот таким образом и появляются 16 типов, к которым теперь некоторые практикующие психологи, на читавшие ничего более глубокого и серьезного, чем эта книга, и пытаются свести все многообразие психологических типов. Но главным потребителем этой книги является вовсе не только и не столько практикующий психолог, а самый широкий круг читателей, интересующихся популярной психологией как инструментом самопознания.

Какие же огрубления в типологии Юнга Майерс следует считать «натяжками», которые не подтвердились данными современной науки?

1. Во-первых, число психологических типов и факторов, их различающих, гораздо больше. Конечно, трудно выучить наизусть и применять 16 факторов, которые в своих многочисленных сочетаниях порождают гигантское многообразие типов (имеется в виду теория и соответствующий тест-опросник 16PF Р. Кэттелла, немногим уступающий по своей популярности MBTI – см. [3]). Проще запомнить 4 парных понятия (всего 8), которые дают «два в четвертой степени» (то есть 16) типов. Но такая грубая, глобальная сетка диагностических (различительных) категорий позволяет предсказать поведение людей только в самых глобальных жизненных выборах (выбор профессии, который складывается и действует на протяжении всей жизни), но не в ряде более частных и значимых для социума ситуаций. Например, если Вы хотите выяснить, повышена или понижена вероятность того, что данный человек будет обкрадывать собственную компанию или проявит корпоративную лояльность, то ни один из факторов MBTI и их комбинация не сработает, ибо ни один из них явно не связан с уровнем усвоения человеком морально-социальных регуляторов поведения (на это, например, работает фактор G из 16PF). То же можно сказать и про

ситуацию, в которой нужно предсказать, кто больше готов взять на себя роль лидера (фактор E из 16PF). Тут же уместно заметить, что самыми близкими из 16PF для факторов (бинарных признаков) MBTI являются: A (аффектотимичность) – для бинарного признака E-I, M (мечтательность) – для признака S-N, I (сензитивность) – для признака F-T, Q3 – для признака P-J. Хотя эти соответствия ни в коем случае нельзя считать однозначными, они все же иллюстрируют, что описательная мощность более многофакторной диагностической сетки понятий выше, чем это позволяет сетка MBTI. Если пользоваться аналогией из области химии, то следует сказать так: из более широкого множества химических элементов можно создать большее разнообразие молекул разных веществ, чем из 8 парных элементов⁵.

2. Во-вторых, людей, которые точно вписываются в какой-либо определенный из 16 типов МЕНЬШЕ, чем людей смешанных типов. Если Вы начинаете не предвзято, а строго анализировать, как часто люди отвечают на широкий набор вопросов теста, описывающих определенные типы, то выясняется, что один и тот же человек с вероятностью 0,6 может относиться к одному из 16 типов (допустим INTJ), с вероятностью 0,5 к другому (допустим INTP), а с вероятностью 0,4 – к третьему (ENFJ).

Что же происходит, когда учитывается лишь информация о принадлежности к первому типу INTJ, а два других факта просто игнорируются? Происходит потеря точности прогноза в отношении тех ситуаций, для которых вероятность определенного поведения в соответствии с двумя другими типами весьма велика. Вероятностная мягкая классификация людей – это нечто противоположное жесткой грубой типологии, которую проще понять и усвоить, но фактически она менее точна. Автор данных строк говорит о такой вероятностной сложной картине не голословно, а

⁵ Сторонники MBTI, знакомые с концепцией 16PF, могут возразить, что шестнадцать факторов Раймона Кэттелла (так же, как и десятки факторов, выделенных другими исследователями) вовсе не являются статистически взаимно-независимыми, то есть что вторичный факторный анализ этих первичных факторов, проведенный, кстати, самим Кэттеллом, выявляет только 5 взаимно-независимых факторов (так называемая «Большая пятерка»). Но на это достаточно возразить, что четыре фактора Юнга легче спроецировать в «Большую пятерку», чем наоборот (ну хотя бы по причинам разной размерности – немного более высокой в случае пяти факторов, чем в случае четырех).

сам получал эти данные во многих десятках тысяч тестовых сеансов с использованием аналогов методик 16PF, MBTI и многих других.

3. В-третьих, не стоит думать, что сама по себе методика MBTI дает всегда достоверную информацию и люди не искажают свои ответы в своих интересах. Когда мы в нашей лаборатории «Гуманитарные технологии» добавили в систему вопросов на выявление юнгианских типов (важно пояснить, что мы разработали другую, свою собственную систему вопросов, не переводя вопросы Майерс-Бриггс на русский язык) вопросы-ловушки на так называемую «шкалу лжи» (или вопросы на выявление тенденции давать «социально желательные ответы»), то выяснилось, что люди в значимых для себя ситуациях (когда от ответов на тест зависит трудоустройство) дают ответы, статистически-связанные с баллами по «шкале лжи»⁶. Другой эффект искажения и снижения достоверности выявлен нами следующим образом: «разорвали» полюса в бинарных (парных) качествах, которые соответствуют типам, и давали их испытуемым в отрыве друг от друга. Оказалось, что в этом случае испытуемые не так резко отклонялись в своих ответах к полюсам определенных типов, а гораздо чаще оказывались в середине между E или I (экстраверсией или интроверсией), между S и N (сенсорикой или интуицией) и т. п. То есть определенная организация опросно-тестовой процедуры приводит в одном случае к тому, что испытуемый в своих последующих ответах острее стремится добиться «самосогласованности» (чтобы не противоречить самому себе), чем при другой процедуре. Поэтому-то MBTI проводит к усилению эффекта поляризации в принадлежности к определенному полярному типу. Все это нас приводит к рекомендациям в отношении ситуаций, в которых опросник MBTI дает более достоверную и менее достоверную информацию: в ситуации, когда испытуемый знает, какого типа личность ищет работодатель, он начинает «косить» под этот тип в своих ответах (чтобы учиться в сложном наукоемком вузе начинает отвечать, например,

⁶ Я чуть было не написал тут слово «корреляция», которое авторы книги умудрились успешно избежать, чтобы не запугивать читателя статистическими понятиями, но современная дифференциальная психология не может обойтись без этого понятия, как не может обойтись без различения «кластеров» и «факторов», то есть типов и параметров, их различающих.

по типу IN). Поэтому в ситуации отбора с методикой работать просто опасно и нужно обязательно страховать ее результаты использованием других методик, а иногда признавать результаты просто недостоверными. Другое дело – ситуации добровольной консультации с целью получения профориентационных рекомендаций (по выбору профессии). Здесь использование этой методики вполне уместно.

4. Теория типов Юнга не соответствует множеству экспериментальных тестов, разработанных с целью объективного различения так называемых «когнитивных стилей» (стилей мыслительной деятельности). Опросник MBTI – это опросник, то есть методика самооценки и самоотчета. Здесь испытуемому не надо решать определенную задачу, имеющую объективный критерий правильности ответа. Увы, авторы ничего не говорят читателю о тех экспериментах, в которых испытуемые оказались различающимися по совершенно иным параметрам, чем это принято в уже все-таки архаической, доэкспериментальной теории Карла Юнга. Они приводят данные об использовании их опросника, но ничего не пишут об экспериментальных тестах на ригидность (например, арифметический тест Лачинза), или экспериментах Германа Уиткина [5], где выявлен или описан феномен так называемой «зависимости от поля» – характеристики, лежащей, как это теперь считается общепризнанным, в основе глобального фактора, различающего «синтетический» и «аналитический» когнитивный стили. Вроде бы те, кто попадает на полюс «Мышление» (Thinking), должны быть более аналитичными, но корреляции между результатами опросника MBTI и экспериментальными тестами подтверждают это не всегда. Однако об этом авторы не сообщают. А как в юнгианских типах описываются так называемые «рефлексивные» и «импульсивные» испытуемые (различаемые в тестах когнитивного стиля Кагана)? На это, пожалуй, уверенно могут ответить лишь фанатичные юнгианцы, готовые «втиснуть» в прокрустово ложе 16 типов Юнга любые проявления человеческой индивидуальности.

5. Теория типов отрицает превосходство параметрического описания над типологическим. Существует возможность взаимоперевода и взаимной проекции одних концепций дифференциальной психологии в другие. Эти процедуры снимают остроту вопроса об их взаимной несовместимости (противополож-

ности) и усматривают между ними гораздо больше родства, чем думали сами авторы этих концепций, претендующие на уникальную универсальность их теорий. Это оказывается возможным на основе определенных математических процедур над параметрами, описывающими индивидуальные достижения в тестах. В описании и применении этих процедур авторы книги, подобной данной, отстали примерно ... на полвека (!). Современные исследования с применением сложного математического аппарата многомерного факторного анализа многократно показали, что одни концепции можно вывести из других путем сложного «вращения» факторных осей в многомерном пространстве, следует лишь взять побольше факторов для вращения. Конечно, читатель, даже тот, кто искренне старается понять данный абзац, но не знаком с факторным анализом, испытает очень большой дискомфорт. Но эту непростую мысль все-таки можно изложить и для таких искренних пытливых, но неискушенных читателей. Возьмем пример с обычной географической картой местности. Можно оперировать четырьмя сторонами света, называя их, как в древности, типологическими терминами «Север», «Юг», «Восток» и «Запад». Но локализовать положение географического объекта на карте можно проще и удобней не по близости к этим четырем «типам», а с помощью системы из двух параметров – «Долгота» и «Широта», то есть понятий, которые предлагается освоить еще в школьном курсе научной географии. А теперь представим себе, что «земная ось» вдруг повернулась на угол в 45° (это не фантастика, Вы сами можете повернуть компас так, что стрелка будет смотреть не на букву N, а где-то между N и O). И там, где раньше был тип «Север», теперь оказался смешанный тип «Северо-восток» и т. п. Так называемые «типы» в этом случае будут очень неудобными ориентирами, но параметры «Долготы» и «Широты» продолжат свою работу точно так же успешно, как и раньше – будут точно указывать на локализацию объектов на карте. Мы можем использовать для локализации не только проекции на оси X и Y (косинусы и синусы векторов), но и радианы и градусы (в рамках угловой метрики для локализации векторов), а также часы и минуты (это на самом деле тоже угловая метрика, но на циферблатах, на которых «Северо-восток» – это один час тридцать минут). Важно подчеркнуть на этом простом примере двухмерных карт, что

Рецензии

все эти системы взаимопереводимы друг в друга. Вот такой переход – от локализации по типологическому принципу (от суждений в формате «объект, близкий к центру Москвы») к локализации по параметрическому – еще предстоит совершить в психологии авторам и читателям книг, подобных «Определению типов». Их мышление и мировоззрение находится на «доизмерительной стадии» (хотя уже и не вполне пра- или до-логической), которую научная физика и другие естественно-научные дисциплины давно прошли. Увлечение подобными книгами может привести к консервации мировоззрения на этой более отсталой стадии.

Итак, книгу Маейрс надо читать, взяв из нее все то креативное и содержательное, что в ней, безусловно, содержится. Но автор данного научного предисловия хотел бы предостеречь читателя от чрезмерного увлечения той мнимой простотой и универсальностью этой типологии, которые авторы искусно создают на страницах своей талантливой и яркой книги, умело оставляя в стороне все те вопросы, на которые их теория и методика не дают ответа.

В психологии еще не изобретено теорий и методик, которые бы подошли «на все случаи жизни». И это, наверное, только хорошо! Ибо в этом случае за человечеством сохраняется возможность развиваться быстрее и оказываться сложнее и разнообразнее, чем любая теория и методика, претендующая на описание и диагностику типов людей.

Литература

1. Аугустинавичюте, А. Соционика / А. Аугустинавичюте. – М: АСТ, 1998.
2. Майерс-Бриггс, И. МВТИ: определение типов. У каждого свой дар: пер с англ. / И. Майерс-Бриггс, П. Майерс. – М: Бизнес психологи, 2010.
3. Шмелев, А.Г. Психология личностных черт / А.Г. Шмелев. – СПб: Речь, 2002.
4. Юнг, К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. – СПб.: «Ювента». – М.: «Прогресс-Универс», 1995.
5. Witkin, H.A. Cognitive Styles: Essence and origins. / H.A. Witkin, D.R. Goodenough. – N.Y.: International Universities Press, 1982.

Поступила в редакцию 27 июня 2010 г.

Шмелев Александр Георгиевич. Доктор психологических наук, профессор МГУ, научный руководитель лаборатории «Гуманитарные технологии»: ags06@ht.ru.

Alexander G. Shmelyov. PhD, PsyD, professor of Moscow State University, scientific adviser of laboratory «Human Technologies»: ags06@ht.ru.

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Baturin N.A., Melnikova N.N. New technologies of development of interpretations models and diagnostic reports.

The stage of results interpretation of psychological diagnostics and preparation of diagnostic reports did not come within area of responsibility of tests developers, and was farmed to users that inevitably led to increase of a subjective component and decrease tests validity. The substantiation of necessity of objectivity increase of the future interpretations even in the course of test development by means of new development technologies of interpretation models of testing results and preparation of diagnostic reports is presented in article.

Keywords: interpretation of results, development of diagnostic reports, development of interpretation models, the practice-oriented models.

Baturin N.A., Popov A.Yu. Quality monitoring of psychodiagnostic tests quality on the basis of requirements standard to psychodiagnostic techniques.

Full development of psychodiagnosics needs development not only new methods and technologies, and new techniques on their basis, but also development of a quality monitoring of psychodiagnostic techniques quality. One of such ways of the control, stated in article, is development of requirements standards to tests, which are admitted in psychological community.

Keywords: the standard of requirements, psychodiagnosics tests, quality assurance.

Berebin M.A. Methodology and practice of developing methods of clinical (medical) psychodiagnosics through the use of expert technique, processing techniques of expert assessments and methods of multidimensional data analysis.

Described the rationale for developing methods of clinical (medical) based on expert psychodiagnostic approach that includes clinical (expert) method, methods of collection, processing and multidimensional mathematical analysis of expert assessments. Presented the theoretical background of this approach, the main differences between psychometric and expert technology of clinical psychodiagnostic associated with the peculiarities of diagnostic problems in this domain.

Keywords: clinical (medical) psycho-diagnostics, clinical (expert) method, peer review, knowledge engineering, technology, knowledge extraction.

Melnikova N.N. Methods of studying of the complex psychological phenomena.

The substantiation of necessity of development of a new diagnostics method of complex psychological phenomena is presented in the article. Necessity of working out of such method is caused by the demand for empirical researches of the difficult mental phenomena established in recent years which were considered before that basically on theoretical level from positions of the system approach. «The personal maturity», and «way of life» are offered as an illustration of the complex mental phenomena.

Keywords: the complex psychological phenomena, a personal maturity, style and a way of life, the system approach, diagnostics methods.

Popov A.Yu. Measurement technology of person properties through characteristics of interaction process of the subject with other people.

Development of measurement methods of person properties is actual at all stages of psychology advance. Theoretically it is proved for a long time that the best way to do this is not on the basis of self-estimations (questionnaires), and proceeding from the process analysis of real interaction between people. However such approach can't be realized in practice until recently in essence, firstly, because registration technologies of continuously replaced interactions (communication, performance of joint activity) have not been created, secondly, adequate methods of statistical results processing of interaction registration have not been offered. The registration technology of characteristics of interaction processes and technology of characteristics processing on the basis of modeling of Markov chains is described in article.

Keywords: the subject-subject relations, interaction, characteristics of interaction, registration technology, Markov chain.

Abstracts and keywords

Andreeva N.Yu. Ego-identity in the structure of professional exhaustion.

In this article are presented examinations of professional exhaustion in the term of concept of dynamics ego-identity in normative crisis of individual's development of grow-up person. The structure of professional exhaustion was determined with the help of correlation and factual analysis.

Keywords: professional exhaustion, ego-identity, discordant ego-identity.

Gudkova E.V. The global self-evaluation and global world-evaluation: theoretical model of constructs.

This article is about rational necessity of theoretical analysis and empirical research of person global relation and attitude. It suggest theoretical structural model of "global self-evaluation" and "global world-evaluation", describe its feature and functions.

Keywords: evaluation phenomena of personal level, personal attitudes, global self-evaluation, global world-evaluation.

Zarubko E.Yu. The archetypes in the everyday awareness.

The research is devoted to the reveal of the categorical structures of the consciousness corresponding to the psychic reality termed as the archetypes. The example of the research is the research of E.Y. Artyemyeva where perceptual universals were revealed. At the present research the communicative universals are revealed existing at the deep level of the world image which describes human relationships.

Keywords: everyday awareness, archetypes, universals.

Nalivaiko T.V., Shakurova Z.A. Features of display of hardiness in structure of social-psychological properties of the person of students.

Here are shown the results of the empirical research of the hardiness's place in the structure of socially psychological qualities of the personality of students of different professional specialization (orientation) and gender. Based on the factor analysis's results one can draw a conclusion that the hardiness in the person's structure is defined as the pattern of the regulating processes conditioned by the life experience, and inner harmony with oneself and depends on gender and socially-demographic factors.

Keywords: hardiness, regulating processes conditioned, oneself, sens-vital orientation, structure of the person's socially psychological qualities.

Marcovskaya I.M., Cherepanova A.J. Experience of studying of adherence of the organization of employees of the industrial enterprise.

Under the circumstances of the economic crisis there's a problem of employee's motivation and commitment retention. The goal of this research is to explore employee commitment dynamics, find changes in motives hierarchy stability occurred during six months period of the economic crisis. The differences in motivation of managers, specialists and workers were found. "Three forms of commitment" approach is used: normative, current and emotional forms. The new labour motivation diagnostics methods developed by social psychology department of South Ural State University are used in this article.

Keywords: commitment, motivation, motives hierarchy, needs, labour motivation diagnostics, work environment.

Morosov V.V. Motivation in formation of identity of the personnel.

In the article there is the authors definition of the concept "employee loyalty". The author gives the description of loyalty factor usage based on the foundation of expectation and justice in different spheres of motivation. The study of justice factor in different spheres of motivation is proposed. An example of the applied research of staff. Loyalty of the commercial firm is offered.

Keywords: employee loyalty, justice factor, expectation and support, personnel motivation.

Soldatova E.L. Systemogenetic approach to studying the development and operation of adult personality.

The article discusses the prospects of using the principle of sistemogenez to the study of personality development and functioning of adult. The role of ego-identity is seen as a system factor in the development of personality.

Keywords: sistemogenez, ego-identity, personality development of adult.

Soldatova E.L., Shlyapnikova I.A. Ego-identity as a system factor in the formation personal maturity.

The concepts of personal maturity and ego-identity are considered in this paper. It is demonstrated that ego-identity may be served as a system-forming factor for personal maturity in adulthood. The personal maturity is considered as a system person's quality, a creation of normative crises of adult development and a criterion of psychological readiness for the next stage of development.

Keywords: personal maturity, ego-identity, system-forming factor, age creation, normative crisis.

Trusova N.V. Peculiarities of development of initial professional identity in normative crisis of transition to youth.

In this article are presented the examination's results of initial professional identity in normative crisis of transition to youth.

Keywords: initial professional identity, social situation of development, educational readiness for vocation.

Astaeva A.V., Voronkova D.I., Koroleva M.B. Neuropsychological analysis of the development higher mental functions in children with standard and with a common maldevelopment speech.

The features of the development of higher mental functions of preschool children with a common maldevelopment of the speech to disclose the relationship, existing between the structures of the brain maturing and developing on the basis of their mental functions and identify violations specific to the speech pathology. Allocated specific age particularly reeks psyche of children in normal and pathology in order to distinguish target corrective program.

Keywords: general underdevelopment of speech, neuropsychological analysis, higher mental function.

Berebin M.A., Novokhatski A.V. A mathematical adequacy of procedures for valuation psychometric results of experimental psychological study.

The problems of psychometric adequacy of the translation of the results of experimental psychological studies presented, as a rule, the qualitative data on ordinal scales. For example, the results of medical diagnostic procedures described limitations percentile normalization of such data with the following calculation on the basis of their Z-scores for possible transfer to the scores of standard psychometric scales.

Keywords: psychometric scales, the normalization of the results of research, standardization of medical psychodiagnostics

Isaeva E.R., Feschenko M.I. Psychological adaptation of patients with psychosomatic and neurotic diseases.

In this paper were researched coping and defense mechanisms of patients with psychosomatic and with neurotic disease. It was revealed, that patients with neurosis more often realise defensive behaviour, emotional-focused coping. Patients with hypertension, denying the existence of problems, more often use behavioural activity, directed at problem solution. Emotional state (anxiety and depression) influences negatively on choice of coping strategies, launches defensive behaviour with tendency to avoiding the problems.

Keywords: psychological adaptation, coping, defense mechanisms, anxiety and depression.

Kruglova N.E. Psychodiagnostics In the definition of prognostic factors able-bodied patients with coronary heart disease.

Investigated psychosocial factors of labor prognosis in two groups of patients with coronary heart disease: 1) underwent angioplasty and coronary stenting (CAS), 2) who underwent coronary artery bypass grafting (CABG). Revealed that for this group of patients significant prognostic factors include age of the youngest child in the family, the nature of work before the operation, the level of anxiety, as well as a number of personal characteristics (willingness to cooperate and emotional stability in the group of CAS and a desire for self-development in patients with CABG).

Keywords: coronary heart disease, the factor of labor prognosis.

Abstracts and keywords

Chumakova D.M. Family social-psychological peculiarities and parent's religiosity.

The subject of research is the following: connection of peculiarities of family intercourse with parent's religiosity. People under research, whose religiosity is higher tend to punish their children rarely, than those, whose religiosity is lower. They also have a wider spectrum of coping strategies. People with a higher showing of spiritual well-being in religious sphere more comfortable social-psychological climate in their families.

Keywords: personality, religiosity, social-psychological climate in the family, punishment's peculiarities, coping-stress.

Shmelyov A.G. No longer socionics but not yet differential psychology.

In this paper the author gives the review on Russian translation of the book «Gifts Differing: Understanding Personality Type» by I. Myers-Briggs, P. Myers. The review describes strengths and weaknesses of this book from the perspective of differential psychology as science. The author warns readers from attractive simplicity of personality types classification based on only four binary factors, resulting into 16 combinations. Experimental data of independent researches show that pure «types» accurately fitting with these combinations turn out to be less in numbers than combined types.

Key words: The Myers-Briggs Type Indicator, differential psychology, psychological types, cognitive style, validity of psychological tests, psychometrics.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию предоставляется электронная версия публикации (документ MS Word 2000 с названием файла по фамилии и инициалам первого автора, возможно дублирование файла с использованием основных архиваторов Microsoft Office). При отправке материалов электронной почтой авторы должны обязательно убедиться в их получении редакцией.

Публикация должна содержать сведения об авторах (Ф.И.О. полностью, место работы и должность каждого автора публикуемой работы, контактная информация для каждого автора работы – телефон, факс, электронный адрес для переписки) на русском и английском языках. Присылаемые авторами материалы должны пройти авторскую редакторскую (орфографическую, стилевую) правку.

2. Структура статьи: УДК, название (не более 12–15 слов), перечень авторов, аннотация (не более 500 знаков с пробелами), список ключевых слов (не более 5–7 слов или контекстно связанных словосочетаний), текст работы, список литературы (библиографический список), оформленный по ГОСТ 7.1–2003. Внутри работы должны иметься ссылки на литературу (в квадратных скобках). После текста работы следует название статьи, аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25 мм. Шрифт – Times New Roman масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации, 14 pt. Отступ красной строки 0,8 см, интервал между абзацами 0 pt, межстрочный интервал – полуторный.

4. Формулы. Стиль математический (цифры, функции и текст – прямой шрифт, переменные – курсив), основной шрифт – Times New Roman 12 pt, показатели степени 71 % и 58 %. Выключенные формулы должны быть выровнены по центру.

5. Рисунки и таблицы все черно-белые. Все рисунки и таблицы должны иметь названия. В таблицах не должно быть пустых ячеек. Если рисунки созданы не средствами MS Office, то желательно предоставить рисунки и в виде отдельных файлов.

6. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Психология»: Россия 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, факультет психологии, ответственному редактору проф. Батурину Николаю Алексеевичу.

7. Адрес электронной почты: psy_vestniksusu@mail.ru.

8. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкам: «Научная деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 27 (203) 2010

Серия
«ПСИХОЛОГИЯ»
Выпуск 10

Редактор Е.П. Павлухина

Компьютерная верстка В.Г. Харитоновой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 02.07.2010. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,56. Тираж 500 экз. Заказ 289/474.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.